

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российская академия наук

М. С.-Г. Албогачиева
И. Л. Бабич
А. А. Плиев

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
исторические корни
и современность**

Монография

Москва
2022

УДК 340.156:297(470.6)

ББК 67.081.3(237)

А45

Утверждено к печати Учеными советами
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук

Рецензенты:

*Алексей Хасанович Абазов — д-р ист. наук;
Владимир Олегович Бобровников — канд. ист. наук*

Ответственный редактор:

Ирина Леонидовна Бабич — д-р ист. наук

Албогачиева, М. С.-Г.

А45 Этнополитические аспекты правовой культуры народов Северного Кавказа : исторические корни и современность : монография / М. С.-Г. Албогачиева, И. Л. Бабич, А. А. Плиев ; отв. редактор И. Л. Бабич. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 248 с.

ISBN 978-5-4499-3304-1

Монография посвящена актуальной для Северного Кавказа проблеме применения норм обычного права (адата) и шариата в современной жизни народов региона, преимущественно ингушей и чеченцев. Авторы в ходе проведения экспедиций в регионе собрали уникальный архивный и полевой этнографический материал, на основе которого рассмотрели взаимодействие национальных традиций и политической ситуации в исторической перспективе на Северном Кавказе. Изучение правовой культуры северокавказцев охватывает довольно большой период, начиная с середины XIX в. вплоть до современности. Книга посвящается одному из первых советских исследователей правовых особенностей жизни горцев — Абдурахиму Плиеву, который скрупулезно исследовал институт кровной мести у чеченцев и ингушей в 1960–1980-е гг. Он собрал уникальные архивные материалы, которые были утеряны в ходе военных действий в Чечне в 1990-е гг. Книга представляет интерес для исследователей — этнографов, историков, юристов и др., а также для широкого круга читателей.

УДК 340.156:297(470.6)

ББК 67.081.3(237)

ISBN 978-5-4499-3304-1

© Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л., Плиев А. А., текст, 2022
© Институт этнологии и антропологии РАН, текст, 2022
© Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, текст, 2022
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Предисловие	7
Глава I. Правовая культура народов Северного Кавказа (XIX — начало XX вв.)	12
1.1. Из истории правовой культуры ингушей	12
1.2. Из истории правовой культуры осетин	29
1.3. История кровной мести у народов Северного Кавказа (1870–1910-е гг.)	33
1.4. Медиаторство у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв.	48
1.5. Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1870–1910-е гг.)	70
Глава II. Советский период истории права Северного Кавказа	80
2.1. Ингушетия в административно-правовом пространстве Советского Союза	80
2.2. Советский период истории права в Осетии	89
2.3. История кровной мести на Северном Кавказе	100
2.4. Примирительные комиссии на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.	106
2.5. Модели медиаторства на Северном Кавказе в 1950–1970-е гг.	122

2.6. Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1920–1970-е гг.)	142
Глава III. Постсоветский период истории права на Северном Кавказе.....	148
3.1. Кровная месть на современном Северном Кавказе	148
3.2. Женщины в современной Ингушетии.....	160
3.3. 2010 год: конференция мусульман Республики Ингушетия и кровная месть	171
3.4. Современное медиаторство в Ингушетии.....	181
3.5. Обычное право и современная политика в Северной Осетии.....	195
3.6. Воздействие норм адата и шариата на современный общественный быт у народов Северного Кавказа	210
Заключение.....	229
Библиографический список источников и научной литературы	233

*памяти Абдурахима Плиева
посвящается*

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая читателям коллективная монография посвящена одному вопросу: особенностям трансформации правовой культуры народов Северного Кавказа в контексте политической истории региона в XIX–XXI вв. Книга является результатом многолетнего сотрудничества трех авторов: М. С.-Г. Албогачиевой, И. Л. Бабич и А. А. Плиева, которое началось около 10 лет, и было посвящено сбору архивного и полевого этнографического материала, анализу собранных источников, раскрывающих историю становления правовой культуры ингушей и чеченцев. Постепенно данный этап работы перерос в попытки провести сравнительный анализ правовой жизни отдельных народов Северо-Восточного Кавказа и народов, населяющих Северо-Западный и Центральный Кавказ: адыгов, осетин и др. народов. Подобный подход позволил авторам выйти на новый уровень осмысления истории адата и шариата в общественно-политическом контексте в исследуемом регионе и представить материалы совместной работы на протяжении более 10 лет.

К сожалению, в 2019 году один из авторов — Абдурахим Плиев ушел из жизни. Нам бы хотелось посвятить нашу книгу его памяти. Абдурахим — едва ли не первый профессиональный советский этнограф послевоенного времени Северного Кавказа, который инициировал исследования адата и шариата у ингушей и чеченцев. Он окончил аспирантуру в Институте

этнографии РАН (ныне Институте этнологии и антропологии РАН), начал целенаправленное и системное изучение традиционного права ингушей и чеченцев в 1960–1970-е гг. Остальные авторы монографии: М. С.-Г. Албогачиева и И. Л. Бабич подключились к этому исследованию значительно позднее. Светлая ему память.

Фото 1–2. Абдурахим Ахмедович Плиев. Из семейного архива

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северный Кавказ представляет собой специфический регион Российской Федерации. Проживающие в нем различные этносы с четко выраженными этническими традициями требуют формирования особой политики российского центра, в том числе и в области права. Эта проблема стоит перед российским центром по меньшей мере уже два столетия. 1990-е гг. явились переломными для социально-экономической и общественно-политической жизни республик Северного Кавказа, что не могло не отразиться на динамике правового поля этого региона.

Особенности правовой культуры народов Северного Кавказа в значительной степени влияют на формирование современного гражданского общества в этом регионе. В основе данного процесса лежит, с одной стороны, грамотное использование специфики правовой идеологии и правовой практики горцев, а, с другой стороны, умелое сочетание традиционной правовой культуры и новых институтов гражданского общества, ранее им не свойственных, но столь необходимых в нынешнее время. В предлагаемой монографии рассмотрена специфика процессов формирования традиционной правовой практики в республиках Северного Кавказа и роль политики и государства в этом процессе [Тишков, Шаббаев 2019: 14]. Это позволит нам показать одну из сторон современного этапа формирования российской политики: изучение возможностей введения концепции «плюрализма» в правовую идеологию и практику. В мировой юридической антропологии понятие правового плюрализма используется для обозначения правовой ситуации, при которой сосуществуют две или более правовых системы в одном и том же социальном поле [Moore, Pospisil].

При значительной схожести многих традиционных общественных институтов, в том числе и юридических, основанных на адате, у народов Северного Кавказа различия, связанные с религиозной принадлежностью, вносили и вносят существенные изменения в формирование правового сознания и правовой практики.

В целом, на процесс формирования современной правовой идеологии и правовой практики на Северном Кавказе оказывают влияние следующие факторы:

- социально-экономическая история народов, населяющих ту или иную северокавказскую республику;
- история местного права (обычного права, или адата, и шариата);
- политика российско-имперской, советской и постсоветской администрации на Северном Кавказе по отношению к местному праву;
- социально-экономические и общественно-политические условия, складывавшиеся в республиках Северного Кавказа в 1990–2010-е гг.;
- современная социальная (общинная) организация северокавказских народов и место обычного права и шариата в системе общинных ценностей.

На Северном Кавказе в ходе правового реформирования во второй половине XIX — начале XX в. исторически сложившийся полиюридизм, заключавшийся в двуединстве обычного и шариатского права, модифицировался при русском правлении в форму двуединства государственного и местного адатно-шариатского законодательства. С одной стороны, российская администрация легализовала адат и шариат, с другой, был создан Горский словесный суд, ставший переходным судебным органом, применявшим и местное право, и нормы российского законодательства. Вплоть до XX в. гражданские и семейно-наследственные иски регулировались в основном по религиозному праву, а уголовные преступления против личности и собственности — по местным адатам.

Сосуществование адатно-шариатской и российской (а после 1922 г. — советской) правовых систем сохранялось примерно до 1925 г. Первый этап формирования правового поля характеризовался созданием формального (видимого) компромисса между советской администрацией и шариатско-адатным судопроизводством. Данная правовая политика опиралась на идею постепенной замены традиционных юридических институтов на новые, базирующиеся на советском законодательстве. Вначале были сохранены нормы адата и медиаторский суд при установлении значительного ограничения его деятельности в области подсудности рассматриваемых дел и жесткого контроля со стороны советского администрации за его деятельностью.

Период легального существования адата и шариата закончился после 1925 г., когда постепенно были запрещены все формы традиционного судопроизводства. Начался второй этап правового реформирования, главная идея которого сводилась к попытке создания новых советских судебных институтов с использованием элементов адатно-шариатного судопроизводства, таких, как административные коллегии, третейские суды, примирительные камеры и т. д. Одновременно в этот период начали функционировать и советские народные суды, в которых применялись советские уголовный и гражданский кодексы.

Третий период для правовой ситуации начался во время коллективизации, когда советская власть, почувствовав себя достаточно окрепшей, осуществила перелом в правовой идеологии и политике в этом регионе (1929 г.). В это время было полностью запрещено адатно-шариатское судопроизводство и внедрены основные советские судебные органы.

Период 1950–1980-х гг. характеризовался упрочением системы «двойного» урегулирования конфликтов и возникновением тенденции рассмотрения многих из них только с помощью медиаторов при завуалированной поддержке местных судебных институтов. Особенно эта тенденция проявилась в 1970–1980-е гг., период «застоя», когда был значительно ослаблен центральный и республиканский контроль

над правовыми органами северокавказского региона. Результатом этого этапа стала значительная трансформация советского судопроизводства, в основу которой было положено возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата и формирование полулегального адатно-шариатного судопроизводства.

Медиаторство как способ примирения до сих пор важен для чеченского и ингушского обществ, поскольку в 1990–2010-е гг., как отмечали многие политические деятели и научные исследователи, тема кровной мести стала привлекать более пристальное влияние со стороны глав регионов Ингушетии и Чечни. Создавались и продолжают создаваться Примириательные комиссии, работающие с большим или меньшим успехом. Поэтому дореволюционный опыт урегулирования конфликтов с помощью медиаторства с помощью посредничества в чеченском и ингушском обществах представляется нам важным. Его можно использовать и в настоящей правовой практике. Суд по адату являлся характерным для всех народов Северного Кавказа судебным институтом. У чеченцев и ингушей он назывался *кхел*, у карачаевцев и балкарцев — *тере*, у осетин — *тархон лаги* или *тархони лагтае*, у кабардинцев — *мэндэтыр*. В русских судебных документах суд по адату назывался по-разному: *медиаторский*, *посреднический* или *третейский*. Основой медиаторского судопроизводства являлись нормы адата. Между тем этот процесс имел своеобразие и некоторые различия у разных народов Северного Кавказа. Нам хотелось проанализировать методы урегулирования конфликтов у чеченцев и ингушей в двух областях жизни: при кровной мести и похищении девушек и женщин, проводя одновременно сравнительный анализ медиаторских приемов у других северокавказских народов, например, осетин, адыгов и т. д. Такой подход позволит обнаружить некоторые общие тенденции в правовой истории горцев Северного Кавказа.

Источники. Предлагаемое исследование выполнено на основе историко-этнографического метода, который позволил авторам собрать и проанализировать полевой

этнографический материал о правовой культуре народов Северного Кавказа в исторической ретроспективе (с 1870-х по 2010-е гг.). В качестве дополнительного материала привлечены архивные материалы, извлеченные из ряда архивов Северного Кавказа, датируемые 1870–1960 гг. (Центрального архива Кабардино-Балкарской Республики, Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, архивов Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР и Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики).

ГЛАВА I. Правовая культура народов Северного Кавказа (XIX — начало XX вв.)

1.1. Из истории правовой культуры ингушей

Присоединение народов Северного Кавказа к империи в XIX в. со сложными социальными отношениями традиционного общества вынуждало российскую власть искать приемлемые формы государственно-правового регулирования местным обществом. Законодатели понимали, что правовая множественность является результатом длительного цивилизационного развития этносов, населяющих огромную державу, где большинство народов находилось на различных уровнях социального, экономического, культурного, политического развития и в целом исторического развития. Управление огромными территориями империи со всей их пестротой вековых традиций и обычного права было бы невозможным без отступления от правового монизма. Это подводило к идее сосуществования двух или нескольких правопорядков, прежде всего из прагматических соображений [Ковлер 2002]. Вначале XIX в. это выразилось в становлении феномена правового плюрализма — государственной легитимации традиционных правовых практик (адата и шариата), их использования в регулировании отношений в национальной среде параллельно с правом России, менявшимся в условиях трансформации ее государственных институтов [Мисроков 2002: 3].

На протяжении всего периода функционирования полиюридизма, эта система постоянно изменялась, дополнялась и в таком виде просуществовала до 1917 г. В последующие

годы изменения происходили в соответствии с судебноп-правовыми практиками Советского государства, в которых в той или иной степени уделялось внимание сохранявшимся в пережиточной форме таким явлениям, как кровная месть, многоженство, умыкание девушек, солидарность членов родового союза и т. д. Последние до сих пор еще не изжиты в ингушском обществе в полной мере, несмотря на негативное отношение к ним значительной части граждан современного общества. По этой причине для более полного освещения указанных явлений и процессов, в своей работе мы попытались соотнести результаты собственных полевых исследований с материалами письменных источников, где с той или иной степенью полноты раскрыты причины продолжительного бытования в ингушском обществе указанных явлений.

Правовые основы традиционной социальной жизни ингушей. С глубокой древности жизнь ингушей регулировалась обычным правом, который объединял законодательную и судебную власть, а также подразумевал соблюдение традиций и обычаев. Заметная роль в этом отводилась старейшинам родов, которые пользовались большим уважением. Общественные дела решали голосованием на общих собраниях.

В начале XIX в. Юлиус фон Клапрот писал, что ингуши «имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды, и все у них решается по древним обычаям» [Клапрот 1814: 74]. И. Бларамберг тогда же заметил, что «старейшины, наиболее прославившиеся своей удачливостью (богатством) или своею многочисленной родней, поддерживают единодушие в обществе (в общине). Кстати, их влияние на людей более значительно в долине, чем в горах, где всеобщая бедность сама собою поддерживает равноправие <...> Главы родов у них не обладают реальной властью, красноречие и уверенность — это единственное, что может иметь влияние над ними. Законы и повиновение им неведомо, все у них решается в соответствии с древними обычаями» [Бларамберг 1992: 216].

Схожие сведения, относящиеся уже ко второй половине XIX в. имеются и в работе Ч. Ахриева, который отмечал, что «жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению людей и передавали им право судить и производить расправу» [Ахриев 1875: 4]. Он также писал, что выборные лица свое окончательное решение не могли выносить без согласия старейших членов общества.

Управление сельским обществом осуществлялось советом старейшин, который назывался *пхье*. Во всех населенных пунктах имелось определенное место схода, которое называлось *пхегла*, представлявшее собой площадку, наиболее удобную для собраний.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе *кхел*, на котором должны были присутствовать все мужчины каждой семьи. Но с введением «Положения о сельском управлении» в 1860-е гг. на заседании присутствовал только один представитель «от двора». Сельский сход — *юрт кхел* регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос об устройстве дорог, мостов, каналов и пр. [Великая, Виноградов и др. 1990: 61].

Для решения насущных проблем общества созывался Совет страны — *Мехк-кхел*. На нем рассматривали «вопросы, касающиеся различных областей жизни традиционного общества, межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, ссорах из-за имущества, и дела о воровстве также разбирались на общественных сходах. На нем старшины решали дела, связанные с землевладением и землепользованием, определяли меру наказания за различного рода нарушения норм общественной жизни, устанавливали цены на определенные товары, скот. Они решали также вопросы укрепления поселений, взаимоотношений с соседними обществами, войны и мира, проводили сбор средств для общественных нужд и т. д.» [Мужухоева 1982: 68–69].

Для участия в заседании Совета страны — *Мехк-кхел* собирались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельских обществ (кроме рабов). Очень подробное описание заседания Совета страны — *Мехк-кхел* имеется в рукописи П. Г. Буткова, относящуюся к началу XIX в. Он сообщал, что возглавляет Совет страны всенародно избранный старик, которого именуют *бегол*. На его содержание каждый двор в год выделял одного барана и короб меда, в праздники ему приносили брагу и мясо. «Он из сих доходов своих угощает других стариков, а три раза в год должен угощать все общество. Общество нанимает еще на год, так сказать, вестника, который каждого дня утром и вечером является к беголу на случай каких-либо его приказаний и за то получает с каждого дома проса по одной мерке, почти равняющейся на вес пуду.

Когда представляется надобность в общенародном собрании (или в случае тревоги, или в других вопросах), бегол объявляет вестнику для созыва скакать верхом по всем деревням и на сборном каждом месте <...> криком возвещает, чтоб все в такое-то время в собрание явились.

В собрание является обыкновенно один человек из семейства, старик или молодой, кто случится дома; всякий вооружен. Впереди садятся на запад, поджав ноги, старики одной деревни, плотно один к другому; к ним таким же образом примыкают старики других деревень — и составляется круг; а позади стариков сидят молодые тех же селений, и делится круг по мере количества народа, стекшегося в собрание, вдоль и три ряда. Каждый человек держит против собою заряженное ружье» [Бутков 2001: 12].

Для заседаний *Мехк-кхел* существовали сборные места [Саидов 1964: 124–125], на которых собирались «представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (*Муйты-кер*). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей, а имя его было *Муйты*» [Иванов 1904: 49]. «Известны и другие сборные места — в ущелье реки Ассы аул *Уги-Кал*,

а в ущелье реки Галми аул *Онгушта*. В первом происходили сборы в случае внешней опасности с юга — со стороны Грузии и с востока — со стороны Чечни, а во втором — в случае такой же опасности с северо-запада со стороны кабардинцев, кумыков и осетин» [Галгай 1924: 49]. *Мехк-кхел* включал также судей (*кхелахой*), представлявших разные общества и досконально знавших обычное право, имевших в народе авторитет и обладавших даром ораторского искусства.

Традиционный общественный быт регулировался обычным правом — адатом и мусульманским правом — шариадом.

До присоединения к России ингуши, как и другие народы Северного Кавказа, не знали писанных законов и в своей общественной жизни руководствовались нормами обычного права, которые определяли их быт. Источниками адата становились как санкционированные общиной нормы, ставшие традицией, так и новые нормы, возникавшие в ходе судебной практики, т. е. правовые инновации [Бабич 1999: 18].

Взаимодействие традиционной и государственно-административной системы управления в Ингушетии (XIX — начало XX вв.). В первой половине XIX в. начался процесс государственного регулирования жизни ингушского общества. Недостаточное знание народов, населяющих Кавказскую губернию, создавало трудности в управлении южными границами империи. Правительству предстояло найти такую форму имперского присутствия в Северокавказском регионе, которая, прежде всего, обеспечила бы его социально-политическую стабильность. Предвидя возможные последствия быстрой ломки традиционного уклада, российские власти попытались найти возможные варианты компромисса. Для решения этой проблемы и по инициативе главнокомандующего Кавказской армией генерала А. П. Ермолова был организован сбор материалов по обычному праву горцев. Для эффективного управления покоренным Кавказским краем нужна была такая судебная система, которая не слишком противоречила бы адату. Но сменивший Ермолова в 1827 г. И. Ф. Паскевич занял противоположную позицию и предложил ввести на Кавказе общероссийские порядки управления

и судебную систему. В некоторой степени этому способствовало образование Кавказского областного управления, в ведении которого были вопросы внешнего и внутреннего управления областью, общий контроль за деятельностью областных правительственных и судебных учреждений. Для управления коренным населением была создана система приставств. В обязанности приставов и их помощников входила передача приказаний начальства населению и доведение до сведения правительства информации о нуждах народа, а также разбирательство, совместно с выбранными стариками, внутренних дел общества. 1830 год был ознаменован учреждением окружных судов и введением гражданского устройства. При Владикавказском комендантском управлении был учрежден народный суд для Куртатинского, Тагаурского, Джейраховского, Кистинского и Гаглаевского обществ, в котором заседали представители от указанных обществ [АКАК. 1878. Т. VII. Д. 305. Л. 372].

Значительная часть рассмотренных в этом суде дел касалась кровной мести. Местное население, не зная русского языка, незнакомое с формами российской судебной системы и не имевшее собственной грамоты, сталкивалось со многими трудностями. За шесть лет существования Владикавказского окружного суда в производстве его было только 12 уголовных, 4 следственных и 2 гражданских дела. Местное население, привыкшее разбирать сложные и спорные вопросы в соответствии с прежде существовавшими обычно-правовыми практиками, еще не было готово выносить их на всеобщее обсуждение через суды.

Признав неэффективность работы последних, в 1836 г. правительственные органы приняли решение упразднить упомянутый суд, а его полномочия возложить, как и прежде, на приставов и их помощников, которые бы вели письмоводство, а также выделить одну единицу переводчика из местного населения. Обязанности приставов были определены инструкцией с учетом местных особенностей. В ней, в частности, говорилось: «Всех горцев, обличаемых в важных уголовных преступлениях, коих поступки будут подлежать

судебному рассмотрению, предавать военному суду и исполнять приговоры о них по установленному порядку» [АКАК. 1881. Т. VIII. Д. 612. Л. 715]. Такая форма судебных разбирательств должна была сохраняться до тех пор, пока само население не оказалось бы готовым к введению новой судебной системы.

В 1839 г. генерал-адъютант П. Х. Граббе для более эффективного судопроизводства предложил покоровшимся горцам выбирать себе одного кадия, который, помимо решения судебных дел по шариату, был обязан исполнять все приказания пристава. Кроме того, надлежало выбирать в каждой ауле одного старшину, наблюдавшего за общественным спокойствием и приводившего в исполнение все приказания начальства [РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 381: 5]. Это была попытка приблизить существующее право к местному адату и шариату.

Однако в 1840 г. российская администрация ввела на Кавказе уголовный и гражданский суд, разработанный по проекту сенатора П. В. Гана. Этот суд функционировал всего два года, так как его деятельность была вопиюще не согласована с местными особенностями и обычаями населения [Лисицына 2003: 135]. Недовольство данной системой судопроизводства выразили депутаты Назрановского общества, которые обратились к императору с просьбой «о дозволении им в делах между своим обществом и соседственными горскими племенами разбираться собственным судом, и только за преступления против правительства, и вообще против русских, предавать виновных суждению по российским законам» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б. Л. 19 об.]. На это заявление был получен следующий ответ: «При Назрановском приставе для этого постоянно находятся 6 старшин, выбранных народным собранием; они разбирают все маловажные споры между жителями, и старые претензии относятся в Комендантское управление только в таком случае, ежели просители остаются недовольны решением старшин; дела же уголовные, и вообще с русскими, решаются нашими законами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б. Л. 30].

Намерение Российского государства выполнять контролирующие функции посредством российских приставов и представителей местной элиты существенно ограничивало функциональную сферу народного собрания и ставило под сомнение его роль стабилизатора общественных отношений в общине [Кобахидзе 2003: 229].

Сложная политическая обстановка, связанная с Кавказской войной, не позволяла в нужной мере заниматься судебно-административными вопросами в крае. Однако необходимость изменения административного управления регионом назревала. 19 февраля 1844 г. вновь был учрежден институт кавказского наместничества. Для усиления контроля в регионе кавказскому наместнику М. С. Воронцову были предоставлены довольно широкие права и полномочия, в том числе в судебной сфере. В его подчинении находились губернский и областной прокуроры.

В рамках кавказского наместничества успешно стала функционировать система военно-народного управления, которая охватила все горское население Северного Кавказа. Ее сущность, по оценке последнего наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, заключалась в следующем: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии, и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам». При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента» [Рейнке 1912: 6]. Главные черты военно-народного управления составляли: 1) единоначалие; 2) возможность быстрого перемещения и призыва войск; 3) народный суд.

Военно-народное управление, созданное в период Кавказской войны, имело выраженную специфику. В нем совмещались функции военной и гражданской власти. Вместе с тем, в этой системе отчасти сохранялись функции местных «народных органов». Под «народными органами» подразумевалось

управление на местах по старинным обычаям, подразумевавшим выборное начало должностных лиц, а также судопроизводство по неписанным законам и нормам шариата.

Политику военно-административного управления в 1856 г. продолжил А. И. Барятинский, который в 1857 г. реорганизовал аппарат наместничества. Приставские управления были упразднены, и указом императора все «покорное население Левого Крыла» Кавказской линии разделено на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Кумыкский [Мужухоева 1982: 74]. Позднее (1859 г.), после завершения активных военных действий в горной Чечне, было образовано еще два округа — Аргунский и Ичкеринский. Эти изменения привели к учреждению на Левом крыле «Особой канцелярии по управлению покорными туземцами».

Административно-территориальные преобразования, продиктованные условиями военного времени, проводились без учета исторически сложившихся границ проживания горских народов, их хозяйственных нужд и культурных факторов. В итоге округа группировались из разных племен, стоящих на различных уровнях социально-экономического, правового и культурного развития, что предполагало временный характер данных образований. Ярким примером тому служил Военно-Осетинский округ, в состав которого вошли осетины, кабардинцы Малой Кабарды, назрановцы (ингуши, проживавшие в равнинных и предгорных районах) и ингуши, проживавшие в горных районах [Эсадзе 1907: 198].

Основные цели и задачи административного управления горскими народами сводились к следующему: 1) судебные и полицейские функции возлагались на представителей царской администрации, в первую очередь на русских офицеров, гражданские лица из местных от управления отстранялись; 2) было сохранено использование норм обычного права, но по достаточно ограниченным категориям дел; вводились горские словесные суды; на шариатский суд возлагалось решение только тех дел, которые были связаны с религиозными нормами [АКАК 1904. Т. XII. Л. 1288–1290].

1 апреля 1858 г. было издано «Положение об управлении Кавказской армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горскими народами [Мужухоева 1982: 75]. Согласно этому Положению, при начальнике округа выбиралось несколько помощников «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени», следовало также «в каждом округе учредить суд из постоянных членов». Суд состоял из председателя, функции которого возлагались на начальника округа, членами суда являлись депутаты, назначенные от всех обществ, входивших в состав округа, а также кадий, словесный и письменные переводчики, несколько писарей и судебный делопроизводитель в лице адъютанта начальника округа [АКАК 1904. Т. XII. Л. 1288–1289]. При этом судебные процессы осуществлялись при участии судей, избираемых в горских обществах. На уровне сельских обществ сохранялись элементы самоуправления. Военно-народная система управления рассматривалась имперскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в тех районах, население которых «еще не было подготовлено к гражданскому управлению» и применению общеимперского законодательства [Цуциев 2006: 24].

В 1869–1870 гг. на Северном Кавказе была проведена новая судебная реформа. 30 декабря 1869 г. был обнародован указ императора о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В округах учреждался словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Состав судов утверждался начальником области. В сельских обществах учреждались «аульные суды», тем самым превращая сельскую общину в административную единицу. В ведение аульных судов передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах территории сельского общества. Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечий, случайные убийства, изнасилования, кражи со взломом и с применением оружия и т. п.) рассматривались окружным словесным

судом. Суды руководствовались положениями обычного права — адата и мусульманского права — шариата. Но на деле сельские общества были лишены самостоятельности в решении важных вопросов, так как за малейшее подозрение в антиправительственной пропаганде старшина мог любого человека подвергнуть аресту [История народов Северного Кавказа 1988: 282]. В результате подобных реформ система традиционного самоуправления горских обществ продолжала подвергаться разрушению.

С 1871 г. в Ингушетии стал функционировать Назрановский Горский словесный суд (далее — ГСС) в следующем составе: председатель — начальник Владикавказского округа или его помощник, три депутата и кадий [РГИА Ф. 1268. Оп. 15. Д. 143: 8]. «Председатель суда, депутаты и кадий образовывали состав горского словесного суда. Председатель суда назначался администрацией. Как правило, председательствовал в судебном заседании начальник округа или его помощник (соответственно в отделах — помощник атамана) по должности. Считалось, что депутаты-судьи и кадий избираются населением, но, по существу, они также назначались администрацией» [Кокурхаев 1989: 47–48]. Под строгий контроль российской власти была поставлена и деятельность представителей мусульманского духовенства. Кадий должен был выдержать испытание на звание эфендия (эфенди) при Закавказском мусульманском духовном правлении суннитского учения. На эту должность в Назрановском горском суде в 1891 г. был утвержден житель села Альты-Гамурзиевского Абдурахман-хаджи Актолиев. Списки депутатов и кандидатов на эти должности, выбираемых от каждого селения в ГСС, публиковались в газете «Терские ведомости» [Терские Ведомости 1891: 31].

Положением от 25 ноября 1908 г. была установлена двухступенчатая система выборов депутатов и кадиев горских словесных судов, избиравшихся на три года. Преимуществом новых судов признавалась «крайняя дешевизна» их содержания. Недостатками деятельности: ложные клятвы,

лжесвидетельство и неправильный перевод. Нерешенным остался вопрос о введении суда присяжных для горцев.

Крупным изменением в ходе реформ подверглась система традиционного самоуправления горских обществ в сторону ее дальнейшего разрушения. В соответствии с «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области», утвержденным 30 декабря 1870 г., в горских округах создавались сельские (аульные) суды. Судьи (не менее трех человек) избирались аульным сходом и утверждались начальником округа. Дела решались по адату и шариату с участием кадия. В горных районах вводились суды, рассчитанные на несколько аулов [Арсанукаева 2010: 6]. В ведении сельских судов были споры и тяжбы между жителями сельского общества, а также дела по административным проступкам. Принятые с нарушением правил решения и приговоры могли быть обжалованы в горском словесном суде в месячный срок. Решения должны были приводиться в исполнение старшиной аула и его помощником незамедлительно.

Адатное и мусульманское право в XIX в. воспринимались как относительно рациональные нормативные подсистемы, имевшие собственную ценность (направленную на охрану и защиту правового порядка) и потому получившие со стороны государственной власти легитимацию, что обуславливало их включение в российскую правовую систему.

Известный в свое время публицист Н. С. Мансуров писал, что после введения на Северном Кавказе судебной реформы среди горцев Терской области удержался как особый институт лишь Горский словесный суд, который действовал исключительно на основании обычаев и адата, частично изложенных в учении шариата, а частично по традиции переходящих из рода в род. Таким судом, в котором председательствует младший помощник окружного начальника или атамана отдела, пользуются кабардинцы и горские общества Нальчикского округа, ингуши, чеченцы и кумыки [Мансуров 1894: 58].

Критика в адрес горских судов звучала постоянно, так как они не удовлетворяли интересам народов края. Местное население постоянно выступало с различного рода инициативами приближения существующей системы управления к местному адату, так как во Владикавказском округе¹ проживали и христиане, и мусульмане. На совещании окружных кадиев и представителей мусульманского населения созванном во Владикавказе в 1909 г. ставился вопрос об учреждении на Северном Кавказе муфтията, создании самостоятельного мусульманского правления Терской области и открытии семинарии [Горские суды 1913: 37].

Государственная власть, обладавшая законодательной инициативой, игнорировала многие предложения местного населения, корректируя законы и соответствующие практики в собственных интересах.

Впрочем, критика в адрес горских словесных судов не осталась незамеченной. Сенатор Н. М. Рейнке в 1910–1911 гг. произвел ревизию судебных учреждений на Кавказе и дал низкую оценку работе горских судов. Вопрос об упразднении горских судов был возбужден начальником области в 1910 г., и Терским областным правлением в ноябре 1912 г. Н. М. Рейнке в своем отчете о проведенной им ревизии высказывался против горских судов и предложил проект переустройства судебной системы для горского населения Северного Кавказа [Рейнке 1912: 2].

Судебная и административная системы были неотъемлемой частью управления краем. Это создавало предпосылки для внедрения в быт и общественную жизнь местного населения определенных общероссийских правил.

Так, в Горском словесном суде наряду с адатом и шариатом использовались и нормы российского права и судебного процесса. В частности, была введена должность следователя. Кроме того, с целью проведения судебных расследований по нормам российского законодательства были учреждены

¹ В 1871 г. Ингушский округ был объединен с Осетинским округом во Владикавказский округ.

участковые судебные отделы. Горские суды стали переходной формой от системы судопроизводства по обычному праву и шариату к российскому. Во многом эффективность работы горских судов зависела от авторитета его членов в местном обществе.

Несмотря на те или иные изменения, режим военного управления просуществовал до 1917 г. Не были отменены и горские суды со смешанной российско-адатно-шариатской юрисдикцией в Терской и Кубанской областях [Северный Кавказ 2007: 200].

Институт круговой поруки. Нельзя обойти вниманием и еще один важный аспект управления краем. Большое значение в борьбе с преступностью царская власть придавала круговой поруке. Целые селения наказывались в случаях, когда преступники оказывались выходцами из них, или когда по их территории перемещались преступники, принадлежавшие другим обществам и совершившие преступления в других местах, либо когда следы преступной группы обнаруживали на подступах к населенному пункту. Сторонники таких методов наказания руководствовались тем, что жители селения или община знают лиц, совершивших преступление, и потому нельзя поощрять их в укрывательстве преступников. Это было бы справедливо, если бы соответствовало действительности, но чаще всего страдали ни в чем не повинные люди. Местная администрация считала, что правопорядок среди горцев могут обеспечить не «национальные» суды, а судебные учреждения, основанные на общеимперских правилах, и «административная расправа» в виде высылки в Сибирь. Подобные взгляды разделяли и некоторые ученые. К их числу относился декан юридического факультета Петербургского университета профессор Н. Д. Сергеевский, бывший горячим сторонником так называемого «института ответственности невинных». Он доказывал, что государство не только может, но в некоторых случаях и должно наказывать за преступления целые группы людей, в преступлении не виновных. Этот «вековой институт, говорил профессор, всегда

существовал в действующем праве и, по всей вероятности, всегда будет существовать» [Яблонский 1912: 75].

Указанная практика реализовалась с самого начала государственного управления краем, о чем свидетельствуют архивные документы. В июне 1839 г. в Пензенскую губернию были сосланы жители Назрани якобы за то, что «они давали хищникам пристанище в своих домах и пропускали их на Военно-Грузинскую дорогу». Тортаг Селимсов, Батако Ужаков с семейством из трех душ, Аизим Айдемиров, Исмаил Ахов с женой, Булгучев Астемир, Джай Албогачев, Аки Бозгов были сосланы в Сибирь на поселение за неспособность к военной службе и нарушение порядка между окрещенными ингушами [РГИА Ф. 1268. Оп. 1. Д. 912. Л. 1]. Известны и другие документы: «Дело о выселении в Восточную Сибирь ингушей Назрановского округа Терской области за оказание поддержки отряду Зелим-Хана, совершавшему вооруженные нападения на Российские войска 1910–1913 гг.» [РГИА Ф. 1276. Оп. 6. Д. 39. Л. 1], «Запрос в Государственную Думу от Албогачиева Т. Д.» по вопросу неправильного обложения жителей села Сагопши Назрановского округа Терской области огромным штрафом за ложный донос [ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123].

Если присмотреться к карательной политике, практикуемой на наших далеких окраинах, писал в эти годы А. Яблонский, в особенности среди горных кавказских племен, то всякому стороннему наблюдателю непременно бросится в глаза эта юридическая нелепость: за преступление, совершенное отдельными лицами, наказание несут не только целые села и целые общины, но и прямо целые народы. И это настолько вошло в обычай, что всякий раз, когда власти не могут собственными силами изловить разбойников или задержать грабителей, они налагают денежные и всякие другие взыскания на семейство разбойника, на его односельчан и даже на весь народ, откуда разбойник происходит [Яблонский 1912: 78]. К сожалению, институт групповой ответственности и наказания невиновных существовал и будет существовать всегда, так как государственные интересы превыше всего.

В 1883 г. в Терской области было произведено разделение гражданских округов (существовавших с 1871 г.) на казачьи отделы и горские округа. Область была поделена на три отдела: Сунженский, Пятигорский и Кизлярский — и 4 округа: Владикавказский, Грозненский, Нальчикский и Хасав-Юртовский. Плоскостная Ингушетия значилась во 2-м участке Сунженского отдела, а нагорная — в 3-м участке (с участковым правлением в станице Сунженской). Тем самым был установлен прямой военно-административный контроль казачьих войск над местным населением.

Недовольство существующим административным делением ингуши выражали неоднократно. Г. К. Мартиросиан писал, что в 1903 г. «доверенные» от сельских обществ 2-го Сунженского участка выражали свое недовольство 16-летним управлением Сунженским отделом: «Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние крохи и без того обнищавших жителей, без малейшего проявления деятельности земской в смысле народного просвещения, т. е. увеличения просветительно-культурных начинаний или средств в населении, народного здоровья и народного продовольствия» [Мартиросиан 1933: 102–104]. Такое положение дел продолжалось до тех пор, пока ингуши входили в состав Сунженского отдела.

1905 г. был ознаменован временным учреждением Назрановского округа. В его состав по распоряжению главнокомандующего Кавказского военного округа вошли из Сунженского отдела 2-й и 3-й участки в полном объеме, а из 1-го участка селения Сагопши, Пседах и Кескем с подчиненными им в административно-полицейском отношении хуторами и поселками. При этом были переведены из Сунженского отдела в Назрановский округ ГСС и младший помощник атамана отдела, который стал значиться младшим помощником начальника округа. Существование Назрановского округа на «правах»

временного образования тревожило народные массы. В январе 1908 г. «выборные от ингушского народа поручик Татре Албогачиев, Шаптуко Куриев и Дугуз-хаджи Беков прибыли в город Тифлис с целью ходатайствовать перед наместником Его Высочества на Кавказе об утверждении Временно образованного Назрановского округа». Прошение было удовлетворено, Назрановский округ в указанных границах был утвержден 10 июня 1909 г. Было принято решение образовать управление Назрановского округа и ГСС в этом округе в том составе, какой определен для общего управления округов Терской области. «Назначить местопребыванием управления Назрановского округа местечко Назрань» [ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123–128].

Говоря о судебно-правовых преобразованиях на Кавказе, нельзя не отметить, что наряду с Горским словесным судом 12 июня 1907 г. ввиду частых конфликтов, возникавших между ингушами и осетинами, был создан осетино-ингушский смешанный суд.

Для более объективного разбирательства спорных вопросов присяжных выбирали от обеих конфликтующих сторон. Председателем суда был назначен ротмистр Шутов (в 1910 г. его сменил на этом посту Розенберг). Членами суда были выбраны по три представителя от каждой стороны. С ингушской стороны членами суда в 1909 г. были Зайтула Чапанов, Жанхот Плиев и кандидатом — Берса Гошлукиев; с осетинской стороны — Баби Гайтов, Хаджимурза Хуцистов и Бечир Макеев. Протокол, состоявший из 28 пунктов и регламентировавший деятельность осетино-ингушского смешанного суда вступил в силу 15 апреля 1909 г. [ЦГА РСО-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–15]. В том же году была создана комиссия для проверки деятельности суда, в которую от ингушей вошли Татре Албогачиев (с. Гамурзиево), Хакяш Веджижев (с. Нижние Ачалуки), Юсуп-хаджи Плиев (с. Плиеве), Керим-хаджи Льянов (пос. Назрань), Эльмурза Гайтукиев, Аслан-хаджи Инаркиев (г. Владикавказ) [ЦГА РСО-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–4 об.]. Эти выборные от всего народа

должны были со всей ответственностью оценить деятельность смешанного осетино-ингушского суда.

В апреле 1909 г. при содействии областной администрации в городе Грозном состоялся съезд туземного и русского населения Терской области для организации в области примирительных народных судов. На съезде было принято временное положение «О задачах, действии и организации примирительного суда в Терской области». Для выработки положения об организации и деятельности суда была избрана комиссия, в которую от Назрановского округа вошли поручик Татре Албогачиев и Хадис Худабердов. Комиссия подготовила проект положения о народно-примирительных судах. [Проект 1909: 207]. С 15 октября 1909 г. народно-примирительные суды были введены, в связи с чем отменялись смешанные суды. Однако осетино-ингушский смешанный суд был сохранен, так как во Владикавказском округе примирительных судов не было. В Ингушетии народно-примирительные суды действовали — они рассматривали только споры, возникавшие между ингушами [ЦГА РСО-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–6 об.]. Осетино-ингушский смешанный суд при- сяжных просуществовал до революции 1917 г.

1.2. Из истории правовой культуры осетин

Первые шаги судебного реформирования осетинского права, проводившегося российской администрацией, в первой половине XIX в. ничем не отличались от таковых в других северокавказских регионах в этот период. На территории Владикавказского округа был введен так называемый осетинский народный суд, состоявший из 12 чел. и осуществлявший свою судебную деятельность, на основе норм обычного права [Мансуров 1987: 33]. Правила судопроизводства были зафиксированы в Общественном приговоре, разработанном Муссой Кундуховым и санкционированном генерал-лейтенантом Евдокимовым, который командовал войсками левого крыла

Кавказской армии. Однако уже во второй половине XIX в. в этом регионе в отличие от других северокавказских областей, где Россия придерживалась идеи постепенного реформирования местного права (адата и шариата), было введено российское законодательство во всех областях жизни осетинского общества. Начался процесс вытеснения норм шариата и обычного права осетин. Последнее включало в себя нормы, которые принято относить к гражданскому праву, регулирующие имущественные и некоторые неимущественные отношения, включая семейные нормы, и нормы, регулирующие уголовные правонарушения. Таким образом, осетинский адат и шариат со второй половины века переставал признаваться властями. Местные судебные органы — осетинский народный суд — тархон лаги или тархони лагтае, называемый в русских источниках посредническим или третейским, и опиравшийся в своей судебной деятельности на нормы обычного права, и шариатский суды не были включены в российскую правовую систему как самостоятельные судебные органы. Вместе с тем традиционная судебная практика частично все же была сохранена на уровне сельской общины.

Утвержденное 18 ноября 1870 г. «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении в Кубанской и Терской областях» вводило в осетинской деревне сельские суды. Они состояли из 3-х выбиравшихся на 1 год судей, находящихся на содержании общины. Руководствуясь нормами местного адата, сельские сходы разбирали мелкие споры и тяжбы между членами общины, сумма иска которых не превышала 30 руб. Их юрисдикции подлежали также такие мелкие уголовные преступления, как ссоры, драки, а также кражи и мошенничество, когда цена присвоенного имущества не превышала 10 руб. Суд не мог применять к виновным телесного наказания. Основным видом наказания были типичные для адата штрафы в пользу потерпевшего и в общинную кассу (до 3 руб.), и появившиеся у осетин под влиянием русского уголовного права принудительные работы в пользу общины сроком до 6 дней или арест до 7 дней. Из адатной практики сельские

суды унаследовали также право обвиняемого очиститься от подозрения в совершении преступления соприсягой его родственников и односельчан (от 2 до 10 человек).

Осетины стали едва ли не единственным народом на Северном Кавказе, у которого не был введен Горский словесный суд, использовавший в своей судебной практике нормы обычного права и шариата для урегулирования гражданских и уголовных преступлений. Один из реформаторов осетинского права, юрист Н. М. Агишев отмечал, что «осетины, хотя и входят в состав горского населения, но на основании закона 1871 г. изъяты из подсудности Горского словесного суда и все возникающие у них дела разбираются в общих судебных установлениях» [Агишев 1912: 141–142].

Таким образом, в Осетии были созданы российские судебные органы, применявшие исключительно российское законодательство. С 1871 г. по 1918 г. тяжелые уголовные преступления, совершенные в осетинских селениях (ранения, убийства, изнасилования), причинение материального ущерба (кражи) и поземельные тяжбы находились в ведении мировых судов. Апелляционной инстанцией для них был Владикавказский окружной суд. Дела в суд попадали по рапортам сельских старшин, при рассмотрении которых суд применял российские нормы наказания, в частности, лишение свободы в виде ссылки в Сибирь на каторжные работы. За убийство суд определял 8–12 лет каторги, за ранения — исправительные арестантские роты (3–4 года), ссылки. При рассмотрении дел по кражам суд определял исправительные работы от 1 до 2 лет [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 51].

Одной из основных причин того, что судебная реформа в Осетии приняла именно такие формы, явилась принадлежность большинства осетин к православной конфессии. Еще в VI в. с помощью сформировавшееся в это время византийской миссии в Осетии появилось христианство, а в X в. уже существовала аланская епархия. В XVIII–XIX вв. российская администрация приложила значительные усилия

по дальнейшей христианизации осетин. Так, в 1740 г. она учредила «Осетинскую духовную комиссию» с целью распространения христианства в регионе. В 1860 г. российская администрация вновь обратилась к идее христианизации осетин и сформировала «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», которое стало проводником российской политики в осетинском обществе. В Осетии были построены православные церкви, богослужение в которых велось на осетинском языке. В то же время проникший к осетинам из Кабарды ислам в пореформенное время значительно потерял свои и без того слабые позиции. Проводимое российской администрацией в 1850–60-е годы выселение горцев коснулось в первую очередь осетин-мусульман, что привело к значительному сокращению их численности. Так, по данным на 1897 г., во Владикавказском округе было 70 317 чел. православных и 19 512 чел. мусульман, а в самом Владикавказе было 31 435 чел. православных и 2268 чел. мусульман. В этот период многие осетинские селения имели по одной или две мечети — это селения Эльхотово, Чикола, Карджин, Лескен, Хазнидон, Зильги, Заманкул, Беслан, Брут, Ногкау, Комсомольское (Дашково), Раздзог. Были смешанные, православно-мусульманские селения — Дзуарикау, Ламардон и др. Следует отметить, что православных и мусульман объединял сохранявшийся в этот период языческий пласт: поклонение дзуарам (святилищам).

На медиаторский процесс отчасти влияла религиозная принадлежность участников конфликта. Так, у мусульман примирение конфликтующих сторон часто осуществлялось во время мусульманских праздников — Малого и Большого Байрама, а в процедуру примирения включался намаз, проводимый муллой. В примиренческом процессе у православных осетин участвовал священник, который возглавлял делегацию посредников и посещал кладбище, где проводил панихиду. После примирительного угощения православные осетины дарили икону потерпевшей семье.

1.3. История кровной мести у народов Северного Кавказа (1870–1910-е гг.)

Причины мести. У северокавказских народов, находившихся на предклассовой или раннеклассовой стадии развития общества, не было деления правонарушений на гражданские и уголовные. В северокавказском обществе понятие преступление рассматривалось как причинение ущерба.

Наиболее частными конфликтами, которые рождали кровную месть, были оскорбления. Бытовали оскорбления мужчин адыгскими, осетинскими, например, кавдасар т. е. незаконорожденный или русскими нецензурными словами, а также действием, например, путем отрезания хвостов у животных (коров, лошадей) [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 11. Л. 314; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 52]. Эти конфликты — обычные для всех северокавказских общин. Были и особые формы оскорблений, например, произнесение неуважительных слов в адрес умерших родственников. Оскорбления действием, например, топтание шапки ногами, удар по лицу (пощечина), удар плетью и т. д. также создавали осложнения во взаимоотношениях между людьми и в чеченской, и в ингушской, и в адыгской общинах [ПМАБ. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 5–6]. У осетин, ингушей и чеченцев кровная месть могла быть вызвана осквернением дома, например, снятием и выбрасыванием фамильной надочажной цепи. У всех кавказских горцев очаг и связанные с ними предметы — котел и надочажная цепь — считались священными и символизировали семейное единство. На домашний очаг чеченцы и ингуши смотрели как на священное место, избранное самим Аллахом: даже зола и сажа считались священными.

У чеченцев и ингушей оскорблением считалась общественная насмешка. Важным побудителем совершения мести у чеченцев и ингушей был обычай «упрека» — тIихтохам, вернее, боязнь «упрека» со стороны близких родственников и общественности [Плиев 2004: 10].

Причинение оскорбления девушке или женщине рождало месть у всех горцев Северного Кавказа. Так, в адыгском сел. Тыжево сельчанин оскорбил соседку. Она пожаловалась мужу, и тот совершил покушение на убийство виновного соседа [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1].

Одна из наиболее распространенных причин возникновения длительных кровнических отношений — неурегулированность различных вопросов, связанных с браком. Похищение девушки, соперничество юношей из-за девушки, неуплата калыма, проблемы, связанные со сватовством — все это могло вызвать месть у большинства северокавказских народов. Так, в адыгском сел. Тамбиево брат девушки за неуплату ее мужем калыма ранил его [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 707]. В чеченском и ингушском обществах очень строго каралось похищение женщин. У горцев различалось похищение молодой девушки, похищение просватанной девушки, и, наконец, похищение замужних женщин. Последние два вида похищения назывались саг яккхар (ингуш.) — «отбитие девушки». Самым тяжким преступлением, требовавшим кровной мести, было покушение на честь и нравственную чистоту женщины, особенно если происходило прелюбодеяние. Если была изнасилована замужняя женщина, то ее муж всегда стремился к совершению мести [Плиев 2004: 10]. Подобный случай произошел в кабардинском сел. Шалушка. Муж потерпевшей по просьбе старшины подал жалобу на насильника в Нальчикский горский словесный суд, а старшине предоставил «подписку», в которой он обещал не совершать мести по отношению к виновному или его родственникам. Тем не менее спустя некоторое время этот человек все же попытался убить брата виновного [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 626].

Как правило, родители похищенной девушки, как при насильственном, так и при добровольном похищении (в случае согласия девушки), считали себя оскорбленными и всегда организовывали погоню. Независимо от количества преследователей, если последние настигали похитителей, то происходило столкновение, сопровождавшееся обычно

кровопролитием. Потерпевшая сторона при любом виде похищения внешне выражала признаки возмущения.

Приведем пример. Чеченец из тейпа Г. похитил девушку из тейпа Т. Причина похищения заключалась в том, что девушку, за которой долго ухаживал парень, дав согласие на брак с ним, впоследствии отказалась от него. Еще до ее похищения между тейпами Г. и Т. произошла ссора, в результате которой потерпевшими оказались члены тейпа Т. Поэтому родственники девушки из рода Т. и отказались иметь родственные связи с тейпом Г. После похищения девушки тейп Т. заявил, что если девушка не будет возвращена в течение 3-х суток, то на четвертый день они заберут девушку насильно — *дов дергда* (чечен.). Девушку не вернули, и на четвертый день состоялось столкновение между членами тейпа Т. и Г., в результате чего были убиты три человека со стороны Т. — отец девушки, дядя по отцу, дядя по матери, и три человека со стороны Г. — старший брат похитителя, дядя и племянник. Помимо шести человек был убит еще один чеченец из другого тейпа [ПМАП, сел. Катыр-Юрт, информатор — И. Берсанукаев, 1883 г. рожд.].

В целом, при совершении насильственного похищения девушек в чеченском и ингушском обществах дальнейшие события могли развиваться по трем «сценариям»: во-первых, отъем девушки ее родителями, во-вторых, совершение под влиянием общества «адатного» примирения между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями, с другой; в-третьих, совершение кровной мести по отношению к похитителю и его помощникам.

Если похищали просватанную девушку или замужнюю женщину учитывались следующие обстоятельства [ПМАП, сел. Барзой, информатор — А. Битумурзаев, 1901 г. рожд.]: 1) родители девушки сознательно предоставляли возможность молодому человеку похитить их просватанную за другого человека дочь. В этом случае враждебные отношения начинались между родственниками девушки и родственниками того человека, за которого девушка была просватана, 2) если родители девушки не знали о планируемом

похищении их просватанной дочери, то вражда начиналась между похитителем и его родственниками, с одной стороны, и женихом просватанной девушки и его родственниками, с другой.

Другой не менее важной причиной, способствующей возникновению кровнических отношений, было причинение имущественного ущерба. Во многих случаях, связанных с подобной ситуацией, размер нанесенного ущерба во внимание не принимался: даже его незначительные размеры могли вызывать месть. В 1906 г. в чеченском сел. Валерик А. Б. обрабатывал свой огород. Поблизости мальчик М. Д. пас сельское стадо. М. не заметил, как часть стада попала на огород А. Последний обругал его и припугнул. Разгневанный отец мальчика — В. Д. затеял ссору с А. Б., в ходе которой убил последнего. Семьи виновного и потерпевшего находились в состоянии кровной вражды на протяжении восьми лет. Наконец, в 1913 г. родственники А. убили виновного в первом убийстве В. Д. После чего состоялось примирение [ПМАП, сел. Валерик. Информатор — Г. Тоймирзоев, 1900 г. рожд.].

Если у сельчанина в адыгском ауле была убита собака, лошадь или какое-нибудь другое животное, то между его хозяином и виновным в этом убийстве устанавливалась вражда. Через некоторое время потерпевший также старался причинить какой-либо имущественный ущерб виновному [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 4172. Л. 1]. Были и другие случаи. Например, пастух общинного стада в западноадыгском сел. Шенджий, по неуказанной в деле причине, отказался взять в общее стадо корову одного сельчанина. Тот обиделся и рассказал о происшедшем родственникам. Через некоторое время один из них ранил пастуха, а еще позже сам хозяин коровы его избил, приговаривая: «я тебя заставлю пасти мою корову» [НАРА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1378]. Если имущественный ущерб был причинен животным, то у осетин в этом случае, как правило, совершалась месть по отношению к хозяину.

У адыгов воровство и кражи, являясь формами причинения имущественного ущерба, в XIX в. уже не становились причиной местью, а регулировались с помощью медиаторства

и возмещения ущерба. Уличенного в краже вора обычно не убивали. Потерпевший требовал лишь возмещения украденного и выплаты некоторой компенсации. В других регионах Северного Кавказа норма адата, согласно которой потерпевший имел право убить вора, применялась шире, чем у адыгов. Так, в Дагестане в пореформенное время, как указывал В. О. Бобровников, отмечались тщательно скрывавшиеся от российских властей случаи кровной мести в ответ на воровство или грабеж. Такие дела, по рассказам стариков, старались не доводить до властей. Кровники решали их по дореформенным нормам адата, требовавшим обязательной смерти обидчика или его ближайшего родственника [Бобровников 2002].

Одним из краеугольных аспектов жизни горцев Северного Кавказа был земельный вопрос. В условиях крайнего безземелья земельные неурядицы порождали споры и кровную вражду. Приведем пример. Безземелье порождало бесконечные распри. В 1909 г., как вспоминал наш информатор М. Г. Нальгиев, произошел земельный спор в ингушском сел. Сурхахи. Два семейства из разных фамилий — П. и А. жили по соседству. Как-то раз братья из фамилии П. делали забор из хвороста. Сосед А., наблюдавший за возведением забора, решил проверить — не захватили ли соседи кусочек его земли. Оказалось, что соседи захватили 20 см. его земли. Это вызвало крупную ссору, которая впоследствии переросла в драку. В результате ударом палки по голове был убит сосед А. Семьи в течение 6 лет находились в состоянии кровной вражды. В 1915 г. родственники убитого А. совершил акт возмездия: убили старшего из братьев П. [ПМАП, сел. Сурхахи, информатор — А. Э. Аушев, 1890 г. рожд.].

Часто кровная месть возникала при конфликтах во время раздела наследства, движимого и недвижимого имущества. Как известно, в XIX в. в горских аулах происходил процесс распада семейных общин на малые семьи. Хозяйственные разделы семейных общин, сегментация родственных коллективов привели к дальнейшему ослаблению кровнородственных связей. Подобный конфликт произошел

в западноадыгском сел. Понежукай. В ходе конфликта участники конфликта наносили друг другу мелкий имущественный ущерб или оскорбление. Так, один из них отрезал двум лошадям, принадлежавшим противоположной стороне, хвосты.

Наконец, одной из существенных причин возникновения кровнических отношений было причинение физического ущерба, т.е. совершение ранения или убийства. Анализируя многочисленные случаи совершения мести, было замечено, во-первых, что иногда она происходила из-за причинения даже незначительного физического ущерба, и, во-вторых, что горцы не вполне различали причинение умышленного и неумышленного физического ущерба. Были случаи, когда за причиненное неумышленное ранение потерпевший или его родственники впоследствии убивали виновного в исходном конфликте.

Были отягчающие обстоятельства первичных конфликтов, которые порождали кровную месть. Большим оскорблением для семьи, для тейпа убитого было надругательство убийцы над трупом им убитого. Надругательство рассматривалось как унижение, как обида, нанесенная семье, а потому лица, нанесшие эту обиду, подлежали самому суровому наказанию. Снятие с трупа одежды, оружия, газырей и т. д. называлось *вовхар* или *сек даккхар* (ингуш.) и расценивалось как тяжкое преступление. Полевые этнографические материалы свидетельствуют, что если после смерти человека в него был сделан еще один выстрел, нанесено новое повреждение или сделана попытка скрыть труп, уничтожить его, то это называлось *дакъа дохадар* (ингуш.), что в переводе на русский язык «искажение трупа или растрепывание трупа» [ПМАП, сел. Сурхахи, Экажево, информатор — М. Г. Нальгиев, 1886 г. р.]. Существовало правило, что если убийство совершалось на почве мести, убийца не имел право грабить убитого им человека. Так, в одном деле брат убитого на почве мести был возмущен тем, что его брат был ограблен. Он сказал: «Когда кровники убивают, карманы не выворачивают». И это вызвало новую месть [ЦДНИ КБР. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 33. Л. 4, 348 об.; Д. 14. Л. 3,6, 56].

Формы мести. У народов Северного Кавказа месть могла быть как с нанесением физического ущерба (ранения и убийства), так и без него. В целом, ингуши, чеченцы, адыги и осетины соблюдали принцип талиона, т. е. за причиненное ранение потерпевший или его родственники стремились ранить виновного, за убийство — убить. Месть не должна была превышать степень жестокости первого убийства. Приведем пример. У осетин в одном случае в исходном конфликте мужчине отрезали ухо, в ответном — родственники потерпевшего сделали то же самое. У чеченцев и ингушей потерпевший имел право на месть абсолютно в такой же степени, в какой потерпел, т. е. хъайна даър — мера за меру, но не более. Но в XIX в. это уже было не всегда: иногда характер и форма мести за причиненный ущерб в исходном конфликте были более значительными и жестокими. У осетин, чеченцев и ингушей были случаи, когда после ранения в исходном убийстве происходило убийство.

Нанесение побоев часто использовалось в качестве ответного действия за причиненный имущественный или незначительный физический ущерб, а также за доносительство, похищение девушек. Ранение как месть также использовалось за полученный имущественный или значительный физический ущерб (ранение, убийство, изнасилование), а также за оскорбление девушек и женщин. Самой распространенной формой мести было, безусловно, убийство. Кровная месть, как правило, совершалась за умышленное убийство. По-кабардински такое деяние называлось укыжын, что означает убить за убийство. Тем не менее известны случаи причинения физического ущерба (убийства) и за неумышленные убийства. У чеченцев и ингушей потерпевший имел право на месть абсолютно в такой же степени, в какой потерпел, т. е. хъайна даър (ингуш.) — мера за меру, но не более. Иными словами, сай декхар дизза цџа дахъаргда аз цунгар (ингуш.) — «я получил с него свой долг полностью» [Плиев 1968].

Были и редкие формы мести. Например, в кабардинском сел. Докшоково сельчанин выколол глаза сыну своего кровника [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1593]. В другом случае

сельчанин в качестве мести решил инсценировать несчастный случай. Он посадил мальчика, сына своего кровника, на необъезженную лошадь. Та понеслась, мальчик не удержался, упал и разбился насмерть [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 272]. У осетин за совершенное в исходном конфликте убийство был взорван дом виновного, в результате чего было ранено несколько человек, в том числе и убийца. Иногда в качестве мести потерпевшие ранили или убивали животных, принадлежащих врагам. Приведем пример. Юноша сватался к девушке, однако ее отец отказал ему. Обиженный юноша убил быка, принадлежавшего близкому родственнику семьи девушки [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 372]. В другом случае адыг тайком отрезал хвосты лошадям, принадлежавшим его врагу [ЦГА КБР. Ф. 660. Оп. 1. Д. 299].

В качестве мести адыги могли причинить какой-либо хозяйственный ущерб. Так, в ходе одного длительного конфликта потерпевший сломал кунацкую, принадлежавшую своему врагу [ЦГА КБР. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Совершение кражи в качестве мести в адыгской общине не применялось. Тем не менее у других народов Северного Кавказа такая форма мести бытовала. С. А. Лугуев писал о существовании грабежа как формы мести у лакцев [Лугуев 1984: 138]. В XIX в. в некоторых горских обществах решение о мести принимали фамильные собрания, в других — решение о мести было правом отдельной личности. Как указывал М. Мамакаев, у чеченцев решение о кровной мести принимал совет старейшин тейпа погибшего и ближайшие родственники погибшего [Мамакаев 1973: 29, 65]. У осетин отчасти сохранялось правило, согласно которому перед совершением кровниками, как правило, молодыми ребятами, мести они получали разрешение на нее на совете всех старших родственников семьи. Тем не менее у большинства северокавказских народов такие процедуры остались в далеком прошлом.

Субъект и объект мести. Кровная месть являлась долгом не только перед собой, но и перед всем родом (тейпом). В XIX в. круг лиц, ответственных за совершение кровной мести постепенно сокращался. Обязанность мщения перестала

распространяться на всех членов рода. Мстителями на Северном Кавказе являлись исключительно мужчины. Родственники потерпевшей стороны давали клятвы, обеты отмщения в присутствии родственников как рода в целом, так и своей фамилии, в частности.

За оскорбленных или изнасилованных женщин мстили их мужья, за девушек — их братья. Потерпевшие в драках и получившие незначительные побои или легкие ранения, сами мстили своим врагам. Те, у кого что-либо украли, также совершали месть самостоятельно, не прибегая к помощи родственников. Если совершалось похищение девушки без предварительной договоренности между женихом и ее отцом, то мстили ее братья: родные или двоюродные. Если результатом исходного конфликта было убийство, то у адыгов и осетин месть совершал, как правило, кто-то из близких родственников потерпевшего, например, его родной брат, сын или племянник. У балкарцев за убийство человека мог мстить либо любой член семьи, патронимии, либо друг, кунак, сосед и т. д. У карачаевцев существовала зависимость выбора субъекта мести и правил наследования имущества убитого. Была иерархия лиц, которые могли совершать месть за убитого родственника: 1) сын убитого, 2) родные братья, независимо от старшинства, 3) жена, 4) ближайшие родственники, 5) дальние родственники. У чеченцев и ингушей субъектом и организатором мести, а также главным ответчиком в этот период в Чечне и Ингушетии являлись ближайшие родственники по отцовской линии данной фамилии: это отец, родные и двоюродные дяди, родные и двоюродные братья, сыновья, родные и двоюродные племянники и внуки. В Ингушетии, в отличие от Чечни, участие в совершении кровной мести могли принимать и близкие родственники по материнской линии: родные племянники и их сыновья, двоюродные братья — шучий (ингуш., чечен.). Полевые этнографические материалы свидетельствуют о случаях, когда племянник по матери мстил за дядю, а дядя — за племянника. Бытовало и ингушское выражение: «йиший воӀи наъна воша пхъена бийшаб», что в переводе на русский язык

звучало как «дядя и племянник по матери мстят друг за друга». Между тем, у чеченцев, в отличие от ингушей и других народов Северного Кавказа, дядя по материнской линии был вне кровной мести.

У чеченцев и ингушей бытовало правило кровной мести: Довна да кхоачарагI вар ва (ингуш.) — «хозяином» вражды являлся ближайший родственник убитого, независимо от степени родства, а потому *лаха а вита а цун кара ва* (ингуш.) — искать, т. е. мстить или оставить (т. е. простить) получив *пхъа* (выкуп) — это в руках «хозяина» вражды, в его власти, т. е. в руках ближайшего родственника [Плиев 1968].

Как правило, женщина на Северном Кавказе не могла быть объектом кровной мести, какое бы страшное преступление она не совершила. Однако сама могла стать субъектом совершения мести. Приведем пример. В 1900 г., в Ингушетии в процессе драки был убит один молодой человек из тейпа А. Потерпевший не имел близких родственников-мужчин. У него была только одна сестра. Убийца, зная это, решил, что у него нет кровников среди близких родственников мужчин, поэтому он смело иногда посещал общественные места, нарушая, таким образом, принятый у горцев этикет кровников. Однажды убийца пришел в мечеть ингушского сел. Гамурзиево для совершения молитвы (намаза). Узнав об этом, сестра убитого А. пришла во двор мечети и стала ждать конца молитвы. При выходе верующих из мечети, сестра подошла к убийце, кинжалом нанесла смертельный удар и спокойно ушла домой [ПМАП, г. Грозный, информатор — Х. Д. Ошаев, 1898 г. рожд.].

Во второй половине XIX в. мести подвергался только один человек. Как правило, у ингушей и чеченцев количество объектов мести равнялось количеству потерпевших в первичном конфликте: потерпевший имел право на месть в такой же степени, в какой потерпел, т. е. *хъайна даър* (ингуш.) — мера за меру, но не более. Иными словами, *сай декхар дизза цIа дахъаргда аз цунгар* (ингуш.) — «я получаю с него свой долг полностью» [Плиев 1968].

При нанесении оскорбления, легких побоев или ранения адыги мстили, как правило, виновному в этом исходном конфликте [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 690. Л. 7; Д. 1099. Л. 1; Д. 1472. Л. 1; Д. 2996. Л. 1; Д. 3777; Ф. И-24. Оп. 1. Д. 357. Л. 1; 17, Ф. 660. Оп. 1. Д. 330, 797, 1377]. Но в архиве есть свидетельства совершения мести за ранение и детям виновного [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 339. Л. 1; Д. 407. Л. 1; Д. 6410. Л. 1; Ф. И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1]. За изнасилование мстили насильнику, за совершение кражи — вору, а за использование магии — колдуну. Если результатом конфликта было убийство, то объектом мести становился, как правило, убийца. Тем не менее есть свидетельства того, что могли убить и родного брата убийцы или даже его дядю [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 272. Л. 1; Д. 1947. Л. 1–4 об.; Д. 3313. Л. 1; Ф. И-24. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Д. 981. Л. 1].

Как указывалось выше, у осетин объектом мести должен был быть не виновный, а «лучший, уважаемый член враждебного рода. Поэтому, если убийца — презренный человек, то он мог чувствовать себя в безопасности» [ПМАГ]. Особенностью осетинской мести было правило, согласно которому «жертва должна быть равна потере». Поэтому необязательно наказывался виновный, если он был, по выражению осетин, плохим, например, хромым, косым, горбатым или дряхлым стариком. В знак мести потерпевшие или их родственники стремились убить не его, а другого более достойного человека из фамилии виновного. Так, в 1906 г. в сел. Нозгин умалишенный сельчанин нанес камнем удар по голове подростка, от которого тот скончался. В день похорон мальчика его старший брат убил самого авторитетного члена фамилии убийцы [ПМАГ]. Наконец, объектом мести у осетин мог стать не только сам виновный или его родственник, но даже работник, который работал, например, пастухом у кровника.

Во второй половине XIX — начале XX вв., как правило, старики, женщины и дети не становились объектами мести и у горцев Северного Кавказа. Тем не менее ребенок мог стать таковым. В тех случаях, когда одним из участников конфликта были женщина или ребенок, они все равно не становились объектами дальнейшей эскалации конфликта. Так,

в одном деле описывается, как сельчанка из кабардинского сел. Аргудан избивала соседа. Тот не обратил на это внимание, поскольку побои нанесла женщина, и не дал ей, как сказано в архивном деле, «никакого отмщения» [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2576. Л. 1]. У адыгов обнаружено лишь два дела, в которых описываются случаи совершения мести по отношению к детям кровников: в одном случае мальчику кровника выкололи глаза, а в другом — посадили на необъезженную лошадь, которая сбросила ребенка [ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1593]. Согласно обычному праву чеченцев и ингушей, родственники убитого могли мстить убийце и его ближайшим родственникам, независимо от возраста: и ребенку в колыбели, и глубокому старику. Однако убивать детей до шестнадцати лет и стариков, которые не могли себя защитить, считалось неприличным, непристойным, осуждалось общественным мнением. Если во время мести был убит ребенок или старик, чеченцы говорили — воккханиг ве ца велла, цхъа бер дийна *цар* (чечен.) — «не хватило мужества убить взрослого — убил ребенка» [ПМАП, сел. Сурхахи, информатор — М. Г. Нальгиев, 1886 г. рожд.].

Правила поведения кровников. Согласно обычному праву бытовал целый ряд правил, которым должны были следовать «кровники». У большинства народов Северного Кавказа бытовала так называемая традиция избегания кровников, в основе которого лежали правила поведения, характеризующие взаимоотношения кровников и их родственников в период примирения (если такое было возможно). Между оскорбленным и оскорбителем был разработан строгий этикет: оскорбитель никогда не должен был забывать, даже после примирения, если оно состоялось, что он нанес оскорбление; оскорбитель до совершения примирения должен был избегать встречи с оскорбленным (иногда для этого оскорбитель переезжал в другое село), после состоявшегося примирения оскорбитель должен был оказать максимум внимания оскорбленному. Грубое нарушение норм адата вызывало новое кровопролитие [ПМАП, сел. Бамут, информатор — А. О. Терлоев, 1870 г. рожд.].

Кровники, во-первых, они не имели права случайно или умышленно встречаться на улице, в чьем-либо доме, в общественном месте, например, в мечети. Во-вторых, виновная семья не могла выезжать на полевые работы, чтобы случайно не встретиться с семьей потерпевшего. В-третьих, как указывается в одном архивном деле, «спорящие стороны... при встрече одного с другим должны давать дорогу» потерпевшей семье, а виновный должен «обходить и скрываться» [ЦГА Ч-И. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 58-59]. Соблюдались эти правила и у других народов Северного Кавказа, например, осетин [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 150]. Виновный в исходном конфликте не должен был ходить по той улице, по которой родственники потерпевшего выгоняли скот, не имел право посещать ту мечеть, в которую ходила потерпевшая семья [ЦГА РСО-Алания Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об, 111, 112, 147 об]. У осетин часто виновная семья переселялась на жительство в другое место. Так, в одном случае кровник и его семья переехали на жительство в г. Нальчик [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96; Ф. 166. Оп. 1. Д. 6, 28]. В другом случае вся фамилия виновной стороны (12 дворов) выселилась на край селения, поскольку до исходного конфликта она жила по соседству с потерпевшей фамилией. Долгие годы, как сказано в деле, все члены фамилии виновного боялись встречаться с членами фамилии потерпевшего, причем мужчины первой фамилии носили при себе оружие [ЦГА РСО-Алания Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 51]. У осетин община определяла, «по каким улицам селения и дорогам какая из сторон может иметь свободный проход и проезд по своим делам и по каким ей совершенно воспрещается».

У чеченцев и ингушей правила поведения кровников были строго регламентированы [ПМАП]. Приведем их.

1. Как бы долго (вплоть до десятилетий) не длились кровные отношения, если при встрече убийца говорит: *цхъа ден моаршал далахъ сона* (ингуш.) (в переводе на русс. язык — дай мне свободу на день), сняв при этом оружие и бросив его на землю, то родственник убитого по адату должен был

исполнить его просьбу, даже если потерпевший знал, что никогда больше не встретится с кровником. Он отпускал его, но предупреждал, что повторной встрече прощения не будет. Таким образом, у чеченцев и ингушей была уникальная правовая традиция — право одного дня для освобождения виновного в преступлении от кровной мести [ПМАП, г. Грозный, информатор — Д. Д. Мальсагов, 1898 г. рожд.].

2. Если произошла встреча кровников и виновный в первом преступлении был без оружия, и он первым говорил: Са ций хьабнал да хьона, хьа тоха герз, что переводится на русс. язык как «пусть моя кровь пойдет тебе впрок, бей», то он мог избежать совершения мести.

3. Если виновный в первом убийстве при встрече становился спиной к своему кровнику — преследователю, то он также мог избежать мести.

4. Если женщина брала убийцу под свое покровительство, то он также мог избежать мести.

5. Виновная сторона, чувствуя свою вину, должна была соблюдать до мелочей так называемый этикет кровников, бытовавший у чеченцев и ингушей.

В соответствии с этими правилами после совершения какого-либо серьезного деяния, главным образом убийства, виновный вместе с семьей должен был переселиться в другое селение на временное жительство. В своем селении они могли вновь появиться после окончания судебного процесса. Если он затягивался, то семья виновного могла вернуться в селение через месяц. После возвращения виновный и его семья, с одной стороны, и родственники потерпевшего, с другой, давали сельскому старшине расписки о том, что они будут, во-первых, избегать случайных встреч с друг другом в мечети и других общественных местах, во-вторых, виновная сторона будет во всем давать первенство семье потерпевшего, в-третьих, виновная сторона не будет появляться там, где уже находились родственники потерпевшего. Особенно строго данное правило следовало соблюдать при посещении службы в мечети. Если в селении было две мечети, то кровникам предлагалось

посещать разные мечети, если одна — то входить в нее и выходить из нее с разных сторон.

Любопытна у чеченцев и ингушей традиция «право одного дня». Как бы долго (вплоть до десятилетий) не длились кровные отношения, если при встрече убийца говорил: ден моаршал далахь сона (ингуш.) (в переводе на русс. язык — дай мне свободу на день), сняв при этом оружие и бросив его на землю, то родственник убитого по адату должен был исполнить его просьбу, даже если потерпевший знал, что никогда больше не встретится с кровником. Он отпускал его, но предупреждал, что повторной встрече прощения не будет [ПМАП, г. Грозный, информатор — Д. Д. Мальсагов, 1898 г. рожд.].

Приведем пример. В 1911–1912 гг. в ингушском сел. Барсуки жили по соседству две семьи — кровники. Одна из них — убийца и его семья — жили на берегу р. Сунжа, а другая — семья пострадавшего — выше по течению реки. Убийца не покинул дом, так как его тейп был многочисленный и известный, и он надеялся, что родственники смогут его защитить. Но в один день случилось несчастье — р. Сунжа разлилась и затопила прибрежные дома. Убийца не мог уйти от наводнения, поскольку для этого надо было перейти двор того, кого он убил. Семье убийцы грозила опасность. Дети начали плакать. Видя такое безысходное положение соседей, родственник потерпевшего быстро спустился к своему кровнику во двор, вызвал его и сказал: «Сегодня ты свободный, собирайся и иди спасать свою семью и хозяйство». Понуриив голову, вышел убийца во двор верхнего соседа и оставил там оружие. Затем быстро перевел свою семью в безопасное место. Узнав о том, что убийца оставил ружье в его дворе, родственник потерпевшего попросил своего сына отнести ружье своему кровнику. Оставленное убийцей ружье во дворе потерпевшего означало, что тот попросил у него цхьа ден моаршал — свободу на день [ПМАП, г. Грозный, информатор — Д. Д. Мальсагов, 1898 г. рожд.].

1.4. Медиаторство у народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.

Добровольное и принудительное переселение виновного и его семьи в другое селение. Одним из распространенных способов ослабления конфликта и избегания кровной мести на всем Северном Кавказе, в том числе, и в Чечне, и Ингушетии, было добровольное или вынужденное переселение виновного отдельно или вместе с семьей за пределы своего селения, района или Родины, в целом, на время или навсегда. По нормам чеченского и ингушского адата, в подобных случаях кровная месть чаще всего прекращалась: убийца считался навсегда потерянным для родственников потерпевшего и для всего их тейпа. Редко, кто решался разыскивать убийцу в других местах. Редко, когда месть переходила на его ближайшего родственника. Ингуши говорили так: мехках ваьннар а веннар а цаI ва (ингуш.) — «человек, покинувший свою Родину и умерший одинаковы» [Плиев 2017].

Часто чеченцы и ингуши уезжали в Грузию. Известно, что в Ахметском районе Кахетии (Грузия) существует пять крупных кистинских селений, которые были образованы в течение XIX–XX в. из таких преследуемых лиц. Схожая судьба постигла ингушей Мальсаговых, переселившихся в Грузию и известных ныне под фамилией Мальсагошвили. Они покинули Ингушетию из-за кровной мести с фамилией Плиевых. Обычаем кровной мести можно объяснить появление в Пшавии фамилии Горзамаули — выходцев из Кистетии.

Известно, что чеченцы и ингуши, спасаясь от мести, переезжали и в соседние казачьи станицы. С течением времени переселившиеся чеченцы и ингуши становились казаками. Так, по сообщению М. Попова, кровник из фамилии Г., бежавший в середине XVIII в. из сел. Алды в ст. Червленную, положил начало ветви гуноевцев, слившихся впоследствии с гребенцами. По данным на 1870 г. его потомки составляли половину казаков ст. Червленной [ПМАП].

Если убийца не опасался, что его убьют, то он мог оставаться в своем селении, жить, не скрываясь. Тем не менее чеченское и ингушское общества осуждало таких лиц, но никаких денежных вознаграждений, штрафов потерпевшей стороне они не платили. У других народов были выплаты. Так, в Дагестане убийца должен был платить штраф, если почему-либо замедлил уйти из села.

Появление убийцы в общественном месте, нежелание его покинуть родное село рассматривалось родственниками потерпевшей стороны, как неуважение к ним. (Ахарг-м ихъ-ездед мичад, дош хетац аханна! (ингуш.) «у них нет ни совести, ни уважения; они не считаются с нами!») — говорили члены обиженного тейпа. Такое поведение убийцы утверждало потерпевшую сторону в желании исполнить кровную месть [Плиев 2017].

Иногда чеченцы и ингуши из-за боязни кровной мести могли переселиться и в Турцию. В течение XIX — начала XX вв. было несколько волн переселения северокавказцев в Османскую империю, поэтому в этой стране проживало достаточно много соплеменников [ПМАП]. Приведем пример. В 1878–1880 гг. из-за боязни совершения кровной мести одна чеченская семья переселилась в Турцию. Убийца — чеченец там женился на чеченке. Как рассказывал наш информатор, несмотря на то, что он находился далеко от своей Родины, убийца, боясь мести, почти не выходил на улицу.

Наряду с определением выплаты виновным компенсации у многих северокавказских народов, в частности, у адыгов и осетин, медиаторы применяли и другую важную норму адата, а именно: выселение виновного и его семьи на временное или постоянное жительство в другое селение. Для горца оставление родного селения было большим ударом. Многие из тех, кто был вынужден покинуть свое селение, страдали, живя вдали от него, и стремились через какое-то время вернуться домой [Бабич 2000].

Чрезвычайно распространенной формой урегулирования конфликта в адыгском обществе было временное (на период судебного процесса, выплаты компенсации и устройства

примирительного угощения) выселение семьи виновного в другое селение. Сроки подобного временного выселения могли быть от полугода до двух лет.

У многих северокавказских народов выселение виновной семьи на жительство в другое селение являлось одной из главных форм урегулирования крупных конфликтов, в частности у осетин, у которых практиковалось не только принудительное, но и добровольное переселение. Переселение кровников как явление достаточно распространенное на протяжении XIX в., — важный фактор этнических миграций этого исторического периода.

Система компенсации при урегулировании ситуаций, связанных с кровными отношениями. Согласно обычному праву горцев Кавказа любое преступление (ранения, убийство, кража) рассматривалось как причинение ущерба, который мог быть урегулирован с помощью компенсации, что позволяло избежать кровной мести по отношению к виновному в преступлении или его родственникам. Проводниками идеи равного возмездия в жизни ингушей и чеченцев служили народные посреднические суды.

По мере развития экономики и некоторых изменений в хозяйственном укладе со временем появились новые формы возмещения причиненного ущерба — путем выплаты денежной компенсации. Система денежной компенсации появилась среди чеченцев и ингушей довольно поздно, не ранее начала XIX в., с развитием торговых связей. До этого широкое применение имела система натуральной компенсации, зародившаяся в условиях натурального хозяйства.

У адыгов в XVIII — начале XIX в. компенсация выплачивалась рогатым скотом, лошадьми, овцами, оружием, конской сбруей, одеждой, крепостными людьми. Во второй половине XIX в. она по желанию потерпевшей стороны могла выплачиваться скотом или деньгами. Как свидетельствует архивный материал, в 1880–1910-е годы адыги предпочитали получать компенсацию деньгами [Бабич 1999]. У других народов Северного Кавказа, например, у осетин,

карачаевцев, в пореформенное время в качестве компенсации могли отдаваться земельные участки.

У чеченцев и ингушей основная ответственность за пролитую кровь ложилась на членов фамилии виновного, а затем — на остальных родственников, т. е. на весь тейп. Такой же порядок существовал и при выплате компенсаций — выкупа — тоам (чечен.) или пхъа (ингуш.). Члены фамилий помогали выплачивать компенсации. Размер помощи виновному определялся степенью близости родственных отношений.

В конце XIX в. выкуп, который убийца обязан был уплатить родственникам убитого, как отмечали чиновники и юристы того времени, у чеченцев и ингушей был равен 630 руб. Наши полевые этнографические материалы свидетельствуют, что эта цифра могла меняться. Более того, в разных обществах была принята своя компенсация, а ранее, при натуральной оплате — было принято определенное число голов скота. Так, Джераховское общество платило выкуп за пхъа — 8 коров, а Хамхинское — 19 коров. В XIX в. в результате укрепления общественных связей между селениями, по настоянию Джераховского общества выкуп за кровь стал равен 18 коровам или же 390 руб. Кроме того, убийца должен был уплатить одного трехгодовалого быка, трех оседланных коней и кусок шелковой материи [ПМАП].

Отметим, что во второй половине XIX в. российская администрация в силу целого ряда причин проводила переселение горных чеченцев и ингушей на плоскость, что привело к тому, что в разных районах начали складываться новые местные правовые обычаи.

Например, в Майсте (Чечня) был проведен сельский сход, на котором присутствовали чеченские и ингушские знатоки обычного права. Один из них так сказал: «За все мы установили размер примиренческих, только за душу человека (т. е. за убийство) мы не определили примиренческих». Другой знаток ответил ему: «Каждый человек сам определяет цену своей души. Одни хорошие, другие плохие и “цена” им разная». Третий знаток сказал: «Это правда, но каждый

будет считать своего брата самым лучшим и между людьми никогда не будет мира, если мы не установим примиренческие в одинаковом размере и за хорошего, и за плохого». Все с этим согласились и с тех пор, как рассказывали нам старики, «примиренческие» были «в одинаковом размере за хорошего и плохого, за старого и молодого, за сильного и слабого» [ПМАП]. Отметим, что у большинства народов Северного Кавказа существовала иерархия уважения и неуважения людей в обществе, веками были выработаны критерии, по которым формировалась данная иерархия [Бабич 1994].

По нормам чеченских и ингушских адатов при выплате компенсации, соблюдалась определенная процедура примирения. У ингушей бывали случаи, когда процедура примирения оттягивалась на определенный срок. Этого не было у чеченцев, осетин, кабардинцев и др. Это т. н. обычай хьалхле (ингуш.), суть которого заключалась в том, что родственники убийцы предоставляли определенный выкуп потерпевшей стороне, которая обещала в течение определенного срока не трогать никого из родственников, кроме самого убийцы. Таким образом, все братья, родители и ближайшие родственники убийцы, уплатившие хьалхле, могли свободно находиться в обществе, продолжать свои хозяйственные работы до истечения назначенного срока. В то же время, по обычаю, убийцу (маьре, ингуш.) могли убить в любое время, не дожидаясь установленного срока. Часто бывали случаи, когда даже после истечения установленного срока родственников маьре не трогали, особенно если они вели себя скромно, зная, что они ответственны за совершенное убийство. Случаев нарушения хьалхле в Ингушетии, как правило, не было. Если этот обычай нарушался, то выкуп, полученный ранее, возвращению не подлежал [ПМАП].

По ингушскому обычному праву убийца мог выпросить себе право безопасно ходить возле своего дома как по двору, так и по усадьбе. За такие уступки со стороны потерпевших убийца уже со второго года вражды, если не происходило примирения или мести, должен был ежегодно уплачивать мстителем по одному бычку, называемому меарии уст

(правильнее было бы — маърий уст — прим. А. П.) — «быком кровника». Аналогичный обычай мы находим и у осетин, где старейшины села старались заключить с родственниками потерпевшего соглашение на год, по которому убийца уплачивал определенное число овец или быков оскорбленной стороне, а последняя, а свою очередь, давала клятву оставить убийцу в покое в течение действия заключенного соглашения [ПМАП]. Такое соглашение могло быть возобновлено по договоренности между обеими сторонами.

Если в первичном конфликте произошло случайное убийство, то согласие родственников потерпевшего на примирение и выплату компенсации получить было легче и быстрее. Наши информаторы рассказали нам о таком случае: в XIX в. в российской армии служили два молодых ингуша — Т. и М. Ингуш М. как старший по званию приказал Т. идти на дежурство и случайно его толкнул. Т. упал на свою винтовку, которую он держал в руках, и она случайно выстрелила. Пуля попала в Т., от которой он умер. М. вызвал своих сослуживцев, поставил их в известность о случившемся. Вражда между родственниками виновного и потерпевшего длилась недолго. По возвращении домой М. попросил стариков устроить примирение, он дал присягу в присутствии 18 присяжников, заплатил «примиренческие» в размере 2300 руб. Это был очень большой выкуп и сельчане осудили фамилию Т. за то, что они попросили такую значительную компенсацию [ПМАП]. По правовому обычаю долгом чести и достоинства в таких случаях считалось прощать виновной стороне совершившиеся, без предоставления денежной компенсации вообще, или при выплате половинной компенсации — стоимости крови — ах пхъа (ингуш.).

Как в литературных и архивных материалах, так и в беседах со знатоками обычного права, авторам не удалось найти данных о существовании в ингушском или чеченском обществах урегулирования конфликтов, в которых были пролита кровь, с помощью брака молодой девушки из семьи виновного за юношу из семьи потерпевшего, или с помощью традиции аталычества — отдачи детей на воспитание в семью

убийцы. Как свидетельствуют авторские полевые этнографические материалы, иногда для скрепления акта примирения, уже после выплаты компенсации, враждующие тейпы отдавали друг другу своих девушек для совершения брака. Но это было, безусловно, нетипичным для ингушского общества и не представляло собой обязательной составной частью обычая примирения.

В обычаях многих народов Кавказа выплата выкупа приводила не только к примирению враждующих сторон, но и к заключению между ними в будущем союза мира, родства. У осетин враждующие семейства могли быть примирены двояким образом: платою за кровь или браком.

Отметим, что хотя по вековым правовым обычаям выкуп для примирения враждующих семей был важной частью урегулирования кровных отношений, у чеченцев и ингушей все же считалось «долгом чести» для семьи и фамилии простить кровника вообще, без уплаты выкупа. Такое явление было редким и практиковалось лишь тогда, когда многочисленная потерпевшая фамилия, уважаемая народом, была вынуждена дать согласие на примирение под давлением авторитетных посредников.

Особенно часто это происходило у «плоскостных» чеченцев, т. е. те, кто проживал в плоскостной части Чечни, вообще не брали «примиренческие» за кровь. Так, в 1916 г. произошел случай, когда ингуш, получив от своих кровников-чеченцев согласие на примирение, поехал со своими родственниками к ним мириться, захватив с собой быка и деньги для уплаты. Чеченцы, увидев приведенного быка, высказали недовольство, а когда узнали, что ингуши принесли еще и деньги, то возмущению хозяев не было границ. Мужчины, женщины и подростки бросились к ингушам, чтобы избить их и с позором выпнать. «Что мы душами торгуем?» — кричали хозяева. Старики-чеченцы, знавшие ингушские обычаи, с трудом успокоили хозяев, объяснив им, что ингуши поступили согласно своему обычаю [ПМАП].

В отличие от «плоскостных» чеченцев, как показывают полевые этнографические материалы, некоторые горные

общества Чечни, как например, Мелхинское, состоявшее из 14 сел; Галанчажское — из 6 (Кийский, Галанчоожский, Аккинский, Ялхароевский, Нашхоевский, Мержоевский сельские советы) и население, проживавшее южнее селения Итум-Кале (Боблоевский, Тедлоевский, Хилдажироевский, Майстинский сельские советы) при примирении, напротив, брали выкуп — тоам.

Хотелось бы подчеркнуть, что в разных районах Чечни и Ингушетии нормы обычного права имели местные особенности, не совпадавшие подчас с правовыми обычаями соседних селений. Так, майстинцы, проживающие в верховьях Чанты-Аргуна на притоке последнего Майсты-аха, с гордостью уверяли, что не было случая, чтобы они простили когда-либо друг друга или соседним народам убийство своего сородича. Мелхинцы же, соседи майстинцев, напротив, иногда прощали кровь, получив установившийся по обычаю выкуп — тоам, «примиренческие». В то же время быть уверенным в том, что мелхинцы, примирившись, не будут мстить, — было нельзя. В отличие от них на ингушей и плоскостных чеченцев в этом отношении всегда можно было положиться, что после выплаты компенсации кровная месть не могла произойти.

Некоторые уступки и послабления родственникам убийцы могли быть сделаны потерпевшей стороной и без всякой компенсации. Это происходило, например, когда родственники виновного соблюдали «этикет кровников», например, обычай никъ бийхка ба — «закрытие дороги». Согласно этому обычаю потерпевшая сторона, питая ненависть к родственникам убийцы, продолжающим жить по-соседству, но зная, что они невиновны в убийстве, накладывала запрет на все маршруты дорог, кроме одной, по которой разрешалось ходить кровникам. Если представители двух враждующих сторон встречались на этой дороге, то все обходилось мирно, но стоило им столкнуться в другом месте, как это могло вызвать кровавую развязку.

Обряд примирения кровников. Сам обряд примирения кровников у чеченцев и ингушей состоял из целого ряда

процедур. После совершенного убийства, старики начинали вести переговоры с родственниками потерпевшего о возможном примирении. Редко когда им удавалось получить согласие после первого или второго прихода посредников в дом потерпевшего. Если старикам никак не удавалось уговорить людей на примирение, они становились на колени и просили о примирении. По чеченским и ингушским традициям не согласиться на примирение в этом случае считалось большим позором. Если кровник оставался непреклонным, то просителям он не показывался, хотя бы и находился в это время дома. Такие уговоры могли длиться в течение несколько лет.

Как правило, посредников выбирали из наиболее влиятельных и уважаемых лиц, по возможности не состоявших в родстве ни с истцом, ни с обвиняемым. При разборе дел сторона, нанесящая ущерб, должна воздерживаться от обвинительных речей. Для доказательства правоты часто прибегали к присяге. В зависимости от тяжести причиненного ущерба обвиняемого сопровождали соприсяжники: у ингушей — от одного до 18 чел., а в исключительных случаях даже до сорока; у чеченцев — от 7 до 63 чел.

У адыгов сохранялось правило, согласно которому для проведения судебного заседания необходимо было выбрать не менее пяти судей: по два судьи (называвшиеся русскими писарями медиаторами, Хан-Гиреем — таркохьясь, а М. А. и З. Ю. Кумаховыми — лЫкІуэ) — от каждой конфликтующей стороны и одного нейтрального судью-посредника [Бабич 1999]. Число судей могло быть и больше; их количество зависело от важности или сложности рассматриваемого дела. Участники конфликта сами выбирали своих медиаторов. Причем одна сторона не могла дать отвод тем медиаторам, которых выбрала противоположная, и наоборот. Осетинский суд состоял из медиаторов, тархони лаги, которых выбирали конфликтующие стороны из наиболее уважаемых и знающих адат сельчан. Часто ими могли быть члены враждующих семей.

Как указывалось выше, в осетинском обществе урегулирование отношений между враждующими группами

возлагалось в первую очередь на старейшин тех самых родов, которые находились в отношениях кровной мести, а не на незаинтересованных лиц. Если дело было очень серьезным, то приглашали авторитетных осетин из других селений. Число судей варьировалось: от 1 до 5 чел. с каждой стороны. Чем серьезнее было дело, тем больше медиаторов требовалось для его урегулирования. Так, в 1896 г. для примирения кровников из сел. Христианском группа медиаторов состояла из 30 чел. Общее число судей должно было быть неравным, при этом потерпевшая сторона имела право выбрать на одного посредника больше, чем виновная [Бабиц 2000].

Во время судебного разбирательства свидетели и обвиняемый должны были давать присяги. При этом у ингушей и чеченцев различалась «большая клятва» — это присяга на Коране шестидесяти трех человек, принимавшая в крайних случаях, и «малая клятва» — это присяга семи человек.

Институт клятв бытовал у всех народов Северного Кавказа. В прежнее доисламское время адыгская клятва производилась с использованием амулетов, посоха, вырубленного в священной роще. Присяга, называемая зэпэбаш, предполагала операции с посохом, палкой или ружьем и состояла в том, что два человека, взявшись за концы палки, посоха или ружья, образовывали своего рода арку, под которой проходили присягающие, произнося клятву. Адыги клялись «могилами отцов и матерей», «закланием овцы и прикосновением к окровавленному кинжалу» и т. д. Доисламские присяги сопровождали и различные ритуальные действия, приуроченные к тем или иным значительным событиям. С принятием ислама присяга стала осуществляться на Коране. Присягающий почтительно подходил, дотрагивался рукой до священной книги и говорил: «Я клянусь этою книгою слова Божия...», заканчивая клятву, он подносил Коран к губам [Бабиц 1999].

В Дагестане существовало два вида мусульманских присяг: именем Аллаха и так называемая кебинная присяга (кебин талак, хатун талак), когда в случае лжесвидетельства женатый разводился с женой, а холостой — закладывал свой участок (мульк) как вакф сельской мечети.

В адатном суде дело рассматривалось соприсяжниками. Ими не могли быть лица, уличенные во лжи. Присягающие ингуши шли без оружия и клялись, сняв шапки, Богом, святым храмом и пеплом домашнего очага. Ингуши верили, что дети того, кто давал ложную присягу, рождаются физически нездоровыми. Часто истец настаивал на том, чтобы обвиняемый принес присягу на могиле убитого. Как правило, случаев ложной присяги не было.

В случае получения согласия на примирение, убийца вместе со своими ближайшими родственниками в окружении почетных стариков шел к ближайшим родственникам убитого. Войдя во двор, убийца становился на колени. Если родственники убитого соглашались на примирение, то старший из них поднимал убийцу на ноги и брил ему голову в знак того, что потерпевший был под ножом.

У чеченцев и ингушей выкуп за кровь — тоам выплачивался сразу, и не было случаев, чтобы он вносился по частям. У других народов Северного Кавказа бывало иначе. Так, у осетин, наоборот, устанавливались определенные сроки выплаты, при нарушении которых являлась возможность тотчас же возобновить кровомщение.

Примирение враждующих сторон могло произойти при соблюдении ряда народных традиций:

1. Если виновному удавалось проникнуть в дом убитого им человека и, схватившись за надочажную цепь, просить у его родственников прощения.

2. Если виновному удавалось пососать грудь матери убитого им человека.

3. Если виновный и его ближайшие родственники просили прощения на могиле убитого им человека, лежа ничком. В таком положении они иногда проводили несколько дней, не получая согласия потерпевшей стороны.

У чеченцев и ингушей считалось большим позором для стариков-посредников получать что-либо от враждовавших сторон при примирении, в отличие от осетин, где «посредники за свои хлопоты получали с каждой стороны по барану...». Для прочного закрепления состоявшегося примирения виновная

сторона должна была пригласить к себе в дом обиженную им ранее сторону, т. е. устроить для них обед, на который также приглашались и другие люди [Плиев 2017].

При убийствах у адыгов также последним этапом процесса примирения являлось примирительное угощение, устраиваемое виновной семьей для потерпевшей. Для обеда готовили 20 кабардинских столиков с блюдами, резали одного барана, бузу варили из двух пудов меда. Иногда увеличивалось и количество столиков с едой, что зависело от размера определяемой судьями компенсации. Адыги, как и другие народы Северного Кавказа, во время данного застолья дарили потерпевшей семье лошадь.

Как указывалось выше, у осетин процесс примирения включал угощение, устраиваемое виновной стороной (фынга или туджи фынг), на которое приглашались все лучшие представители конфликтующих семей, а также медиаторы. В своем медиаторском решении судьи определяли размер устраиваемого виновной стороной угощения. Обычно осетины устраивали кровный стол на 300 руб. Иногда его оплата включалась судьями в размер определяемой ими компенсации. Во время угощения виновная сторона делала какой-либо подарок потерпевшей, например, верховую лошадь со всем снаряжением.

У ингушей и чеченцев был обычай, согласно которому после примирения при взаимном посещении враждующих ранее сторон, принимающий у себя в доме гостей хозяин должен был обязательно перевернуть чашку, стоящую вверх дном. Смысл этого обычая был таков: от друга, хотя между ними и была вражда, ничего нельзя скрывать, все должно быть открыто, как у родных братьев.

После состоявшегося примирения враждовавшие ранее стороны должны были соблюдать правила поведения, который определялись такой формулой: «Никогда не забывайте, что вы убили человека». Во-первых, убийца и его ближайшие родственники должны уступать дорогу своим бывшим кровникам, во-вторых, в их присутствии не садиться и не разговаривать громко, в-третьих, не класть руку на кинжал

и не стоять гордо, в-четвертых, не ехать верхом мимо дворов бывших кровников, а слезать с коня и вести его под уздцы, и наконец, всегда стараться оказать какую-нибудь услугу своим бывшим кровникам. Если же случалось, что убийца ехал верхом и встречал идущего пешком родственника убитого, то он обязан был уступить ему свою лошадь. В праздник Байрама он должен был преподнести подарки родственникам убитого.

Примирение при похищении девушек и женщин. В целом, при совершении насильственного похищения девушек в чеченском обществе события могли развиваться по трем «сценариям»: во-первых, отъем девушки ее родителями, во-вторых, совершение под влиянием общества адатного примирения между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями, с другой, в-третьих, совершение кровной мести по отношению к похитителю и его пособникам. В первом случае компенсация была равна 100 руб., одному барану и одному платью. Кроме того похититель давал присягу, что похищенная девушка сохранила девственность. Если он отказывался дать такую присягу, или же девушка была изнасилована, то похититель должен был платить компенсацию еще за поруганную честь девушки [Плиев 2017].

Похищение замужних женщин независимо от наличия или отсутствия детей и просватанных девушек воспринималось горными чеченцами и ингушами как более тяжкое преступление.

Приведем пример из жизни чеченского общества 1860-х г. У нашего информатора-старика В. З. Карсамова была старшая сестра А., которая была уже просватана, и она готовилась к свадьбе. За день до свадьбы она, по своей воле, вышла замуж за другого парня. Ни родители А., ни ее братья ничего не знали об этом. Три года семья А. опасалась кровной мести со стороны тех, за кого она была просватана. Но похититель вместе с А. покинул Чечню, 12 лет ничего не давал о себе знать. За это время состоялось примирение по адату, в результате которого семья А. выплатила там в размере 70 коров [ПМАП].

Еще один случай из жизни горных чеченцев. В конце XIX в. в сел. Хильди-Харой А. Д. просватал девушку, однако она по собственному желанию вышла замуж за другого Ч. Д. Старики стали разбирать дело и вынесли решение об уплате тама в размере 50 коров и верхового коня в полной сбруе. Там был выплачен. Однако А. Д. не мог забыть нанесенной ему обиды и через год попытался убить Ч. Д., произведя выстрел в него, но Ч. остался жив. Тогда А. Д. был арестован российскими властями, осужден российским судом на каторгу, откуда больше не вернулся [ПМАП]. Выплата компенсации по адату не освобождало полностью от совершения будущей мести. Такие случаи бывали.

Если при столкновении преследователей с похитителем происходило убийство кого-либо (из любой стороны), то отношения между фамилиями полностью прекращались, так как могла произойти месть. Если убийство было совершено похитителями, то по местным адатам с убийцы взыскивалось 63 коровы (пхъа), а за похищение девушки там — 10 коров. После примирения должно было состояться примирительное угощение, во время которого приносили уст даьрий (быка и кусок шелкового материала). Если убийство было совершено преследователями, то последние должны были выплатить «цену крови» — 63 коровы [ПМАП].

Любопытно, что при насильственном похищении девушек и женщин у плоскостных чеченцев чаще, чем у горных, случались адатные примирения, причем часто вообще без выплаты компенсаций (пхъа), заявляя, что «не продают души людей». Величина тама за похищенную девушку была различной: до 100 руб. деньгами, один баран, одно платье. Родители похищенной, как правило, забирали ее домой и после получения тама могли выдать ее замуж за другого.

Российское судопроизводство, кровная месть и похищение невест. В 1860–1870-е гг. российские власти во всех областях Северного Кавказа создали российские (т. н. Горские словесные) суды. Коснулось это и чеченцев, и ингушей. В целом, чеченцы и ингуши не стремились передавать свои конфликты на рассмотрение российского государственного суда. Российская

власть и ее учреждения для чеченцев и ингушей все же оставались чуждыми вплоть до начала XX в. Авторские материалы показывают, что ингуши и чеченцы обращались в российские судебные органы, когда происходили серьезные конфликты, в том числе и убийства, грозящие перерасти в длительные кровные отношения. Так, если случалось, что виновный в убийстве был осужден в российском суде, отбывал наказание в ссылке и умирал там, то, как правило, в таких случаях кровная месть прекращалась. Ингуши говорили: «дакъза голаза вейна ва» (ингуш.) — «пропавший без трупа и костей». Однако если родственники умершего привозили труп арестанта в родное селение, то они, по обычаю ингушей, должны были уплатить потерпевшей стороне стоимость полвиры — ах пхъа. Чеченцы такого обычая не имели [Плиев 2017].

К такому суду обращались в случае осетино-ингушских конфликтов. В конце XIX — начале XX вв., несмотря на вековые дружественные, добрососедские и во многом родственные связи между ингушами и осетинами взаимоотношения между ними начали ухудшаться: происходили земельные споры, усиливалось скотокрадство и конокрадство, возникали столкновения не только между отдельными лицами, но и обществами в целом, переходящие в групповую кровную месть.

11–12 июля 1907 г. был составлен Приговор, утвержденный Временным генерал-губернатором Терской области генерал-лейтенантом Коллюбякиным, о необходимости открытия Осетино-ингушского смешанного суда присяжных. Принятый Приговор состоял из 28 пунктов.

Первый пункт гласил: «По обоюдному согласию сторон все бывшие недоразумения, ссоры и раздоры предать вечному забвению и установить прочные и добрососедские отношения. По кровным враждам, образовавшимся до сего времени вследствие убийств с той или другой стороны, никаких отмщений не производить, но под руководством сельских старшин все кровники должны быть примирены на началах обычного права (адата)». Осетино-Ингушский суд присяжных рассматривал тяжелые уголовные преступления (убийства, ранения, грабежи) и поземельные тяжбы между осетинами,

с одной стороны, и ингушами, с другой, на основе норм обычного права. При рассмотрении дел, связанных с кражами, суд использовал присягу всех жителей села, если следы вели туда и применял нормы обычного права, а именно: возмещение украденного [Бабич 2000].

Согласно решению вновь учрежденного суда за убитого, без различия пола и возраста (осетина или ингуша) взыскивался штраф в пользу потерпевшего в размере 600 руб. Штрафы, которые взымались с убийц, сразу же после разбора дела судом, вносились в специальные кассы. Затем деньги выдавались потерпевшей стороне.

Если совершивший преступление человек был не в состоянии уплатить необходимый штраф, то у ингушей он взымался с его ближайших родственников, до третьего колена включительно по мужской линии, у осетин же — с имущества семьи, затем с членов его фамилии, живущих в одном с ним селении. Если же вышеуказанные родственники виновных также не могли уплатить штраф, то касса пополнялась обществом того селения, к которому принадлежал виновный.

Опишем несколько случаев, обнаруженных в архивах.

В сентябре 1908 г. в казенном лесу произошла ссора между ингушом Б. Б. (сел. Сагопши) и 4 осетинами (сел. Владимирское), в результате которой ингуш был смертельно ранен. Имена осетин, совершивших преступление, не были известны, однако следы из этого леса привели на землю сел. Владимирского. Дело рассматривалось в Осетино-ингушском суде присяжных, который 20 октября 1908 г. вынес следующее Постановление: «Взыскать с общества сел. Владимирского, куда были выведены следы, в пользу двух вдов убитого Б. Б. — Баби и Хаби, 600 руб., в прогон и суточные судьям — 16 руб., мулле с. Тулатово и переводчику по одному рублю каждому, а всего 618 руб.» [Плиев 2017].

Между тем дело на этом не закончилось. Старшина сел. Владимирского Андрей Батманов принимал все возможные меры к розыску виновных в убийстве ингуша. В апреле 1909 г. ему удалось обнаружить убийц. Это были Б. Н. и Д. А. Учитывая показания свидетелей, которые видели Б. Н.,

бежавшего с бердянкой с места преступления, дело вновь было передано на рассмотрение Осетино-ингушскому смешанному суду присяжных. Суд допросил свидетелей, затем потребовал от них очистительные присяги, однако они отказались их дать. Тогда суд постановил: «Взыскать с жителя сел. Владимирского Д. А. и с имущества умершего Б. Н. в равных долях в пользу общества сел. Владимирского в возврате уплаченных ими за убитого Б. Н. 618 руб. Если же обвиняемые окажутся несостоятельными, означенную сумму взыскать с имущества их семей, а затем членов их фамилий, живущих в одном с ними селений» [Плиев 2017].

Отношение к присяге было настолько серьезным, что отказа от ее дачи оказывалось достаточным для того, чтобы признать виновным подозреваемого в убийстве. Таким образом, ни методы следствия, проводимого судом присяжных, ни сумма установленной им компенсации за убийство не отличались от тех, которые были приняты в адатах чеченцев и ингушей.

Позже подобные дела были переданы в ведение осетино-ингушских примирительных судов, которые руководствовались как нормами обычного права, так и российским законодательством. Из практики местного адата ими применялись высылка убийцы за пределы области, а также очистительная соприсяга односельчан обвиняемого в случае, когда дело возбуждалось по подозрению и явных улик совершения преступления не оказывалось.

Во второй половине XIX в. российские власти пытались ослабить практику выдачи калыма. У ингушей это приданое со стороны жениха своей невесте. Калыма как выкупа у ингушей никогда не было. Дважды (в 1879 и 1887 гг.) в Ингушетии с помощью Горских словесных судов принимались общественные приговоры по вопросу об установлении ответственности за принятие и уплату больших калымов и за увоз девушек и женщин. Если ингуш насильно похитил девушку, то должен был платить родителям или родственникам, 3 коровы по 30 руб. (барча) за оскорбление, и девушке калым в размере 150 руб. Если похищение совершалось с согласия

девушки, то похититель платил лишь три барча, а девушка лишалась калыма [Плиев 2017].

С помощью Горских судов удавалось уменьшить размеры калыма, похитителей ссылали в российскую глубинку, а похищенная девушка возвращалась. Приведем пример решения Горского суда, который разбирал случай похищения девушки. В 1877 г. житель сел. Базоркино Д. М. похитил девушку К. Д. В ходе примирительных процедур молодой человек в качестве калыма заплатил 50 руб., тогда как обещал 105 руб. Похищенная девушка обратилась в российский суд за остальными деньгами. Дело рассматривалось в Назрановском Горском словесном суде. Судьи приняли следующее решение: Д. М. вместе с пятью присяжниками должен был под присягой подтвердить, что он увез девушку не насильно, а с ее согласия. Он это сделал. В случае отказа Д. М. должен был бы выплатить родителям девушки три барча за оскорбление и калым в размере 105 руб.

В своем рапорте Начальнику Терской области от 6 июля 1881 г. Начальник Владикавказского округа указывал, что «увоз девушек как с согласия их, так и против их желания, приговорами установившимися между Ингушскими племенами воспрещается, и кто увезет девушку, насильно, тот платит родителям ее или родственникам 3 барча за бесчестие, а девушке калым в размере 105 руб. Если девушка увезена с ее согласия, то увезший молодой человек должен платить 3 барча ее родителям, а девушка, если не пожелает остаться у своего похитителя женою, калыма лишается. Суд в подобных делах, руководствуясь установившимся обычаем, назначает похитителю девушки присягу, что он увез ее с ее согласия...». Вышеприведенный пример доказывает правдивость слов Начальника округа [Плиев 2017].

В конце 1880–1890-е гг. в ингушских и чеченских селах состоялись сходы, на которых под давлением российской администрации «единогласно» были приняты общественные приговоры, касающиеся совершения различных преступлений, в том числе и преступлений, связанных с похищением девушек и женщин. Например, общественный приговор

сел. Барсуки (Ингушетия) предусматривал высылку людей из своей среды, которые были замечены в каком-либо преступлении [Плиев 2017]. В 1880 г. по инициативе российской администрации был утвержден Общественный приговор жителей Аргунского округа (Чечня), согласно которого вводился запрет на выход просватанных девушек за других лиц до того, как они отказывались от прежних женихов и до возвращения прежнему жениху всего от него полученного. Согласно Договору мужчины не должны были принимать в жены, засватанных уже другими людьми женщин и девушек до отказа их от прежних женихов и до возвращения прежнему жениху всего от него полученного. Виновные в нарушении этих положений должны были подвергаться штрафу в пользу прежних женихов в размере 150 руб., из которых 50 руб. взыскивались с родных женщин и девушек, а остальные 100 руб., с людей, которые будут сватать или принимать в жены засватанных женщин и девушек [ПМАП].

Ответственность за похищение свободной девушки, согласно обычному праву чеченцев и ингушей, была меньше чем за похищение просватанной девушки и замужней женщины. В подобных случаях в ингушском обществе похититель должен был уплатить калым в 18 коров и, кроме того, лошадь, несколько баранов и 3 руб. на араку для угощения за обиду. Чаше за обиду платили больше, чем при уплате калыма, вносимого женихом своей невесты.

Наказанию похитителей и их родственников за похищение замужних женщин было самым суровым из всех, которые были известны чеченцам и ингушам, а потому такие похищения были очень редки. Добиться согласия на примирение при подобного рода похищениях, удавалось не ранее, чем через несколько лет. У ингушей примирение сопровождалось взысканием в пользу мужа с похитителя и ее отца по 50 коров.

Приведем пример, обнаруженный нами в ходе сбора полевого этнографического материала. Старики рассказывали нам, что на сходе Хамкинского общества (Ингушетия) выступал начальник российской администрации Владикавказского округа князь Георгий Александрович Андроников. Для того,

чтобы поймать известного абрека Залимхана, российская администрация арестовала его семью. Г. А. Андроников так сказала на сходе: «Вы, ингуши, горский народ, вы очень бедны, вы не знаете, что такое царское добро и жалость. После моего приезда в г. Владикавказ вы почувствуете и узнаете, что такое царское добро. Вы должны выдать абрека Залимхана царским властям». Залимхан в это время действительно скрывался в ингушских селениях. Ингушские старшины хорошо знали о местонахождении Залимхана, но выдать его не позволяли нормы адата. В результате несколько ингушей, находящиеся на службе в российской армии, например, капитан полиции Ш. С., посоветовали Залимхану убить князя Андроникова. Однако Залимхан ответил, что не может пойти на такое убийство, поскольку навлечет большие неприятности на ингушский народ, предоставивший ему приют.

Тогда ингуши передали Залимхану новые слова князя Андроникова. Якобы он спросил ингушей: «По какому ингушскому обычаю не смывается позор, если произвести выстрел, т. е. убийство?». Ингуши ответили, что по всем поводам может произойти примирение враждующих сторон за исключением «похищения просватанных девушек и жен». Тогда Г. А. Андроников в присутствии ингушей заявил, что он похитил у Залимхана его жену и жену его брата. Когда абрек услышал эти слова, то решил убить князя. Он узнал его маршрут и на следующей неделе действительно его убил. Залимхан в письме к представителю 3-й Государственной Думы в 1909 г. дает следующие показания: «...Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник» [Плиев 2017].

В 1918 г. произошел такой случай: бывший старшина М. (сел. Насыр-Корт, Ингушетия) — человек вспыльчивый и самоуверенный, похитил девушку, которая была невестой К. из сел. Кантышево. Оскорбленный К. и его родственники, которые были способны носить оружие, поскакали в сел. Насыр-Корт, чтобы отбить девушку и жестоко наказать похитителя. Жители сел. Насыр-Корт — не родственники М. вышли

навстречу кантышевцам, призвали к себе на помощь людей из других ближайших сел — Гамурзиево, Альтиево и Экажево, чтобы не допустить кровопролития. Не разнять дерущихся, не приложить все усилия к предотвращению драки — для чеченцев и ингушей считалось позором.

Старики от имени всего общества потребовали, чтобы кантышевцы вернулись домой, но те отказались. Тогда старики предложили им передать дело в суд старейшин. Кантышевцы также отказались. После этого старики дали слово кантышевцам разработать решение, которое будет для них, безусловно, почетным. Кантышевцы ответили: «Думайте». После долгих совещаний известных знатоков обычного права из всех ближних и дальних селений — мехка кхел — было вынесено решение: «Пусть род М. отдаст роду К. девушку без калыма».

Род М. с радостью согласился. Они обратились к матери одной из девушек рода с просьбой отдать ее замуж за К. Мать ответила: «Чтобы не пролилась кровь, и не умерли люди, я на все согласна». Согласился на решение стариков К. и его род. Два тейпа примирились. Был создан прецедент. Об этом узнала вся Ингушетия и после этого подобные случаи стали практиковаться как норма адата [ПМАП].

Роль общественного мнения в адатном примирении. Общинные санкции. При формировании общественного мнения во второй половине XIX — начале XX вв. ключевую роль играли уважаемые старики, знатоки обычного права — кхелай. Решить вопрос через кхел (медиаторский суд) не считалось для горцев Кавказа позорным, между тем соглашаться на выполнение требований враждебной стороны (багагI аьнна де — «сделать устно потребованное») считалось недостойным. Любой ингуш или чеченец скорее соглашался на очень тяжелое для него решение кхел, чем на легкое требование враждующей стороны.

В урегулировании споров, которые могли в дальнейшем привести к возникновению кровной мести, важную роль играло общественное мнение. Оно способствовало тому, что враждующие стороны соглашались на примирение по нормам

адата. Так, в августе 1917 г. в сел. Базоркино (Ингушетия) на сельском сходе обсуждали вопрос бытования кровной мести. Было принято решение о ликвидации в ингушском обществе этого правового обычая. Группа людей во главе с почетными стариками начали ходить в семьи кровников сел. Базоркино и беседовать о возможности их примирения. Обычно хозяева отвечали так: «Если все кровники в Ингушетии примирятся, то и мы поступим как все» [ПМАП].

Как указывалось выше, у осетин после вынесения медиаторского решения суд определял поручителей со стороны виновного и потерпевшего, фыдар лаг, которые должны были следить за тем, чтобы виновный выплатил компенсацию в срок. Поручителей выбирала противоположная сторона: родственники потерпевшего назначали поручителя от виновной стороны, и наоборот, родственники виновного назначали поручителя от потерпевшей стороны. Если виновный не выполнял решения суда, то поручитель обязан был принудить его родственников к выплате компенсации или выполнению других решений суда.

Другой действенной формой общинных санкций у осетин был так называемый бойкот (хъод), объявлявшийся либо пострадавшей стороной, либо сельчанами виновному в преступлении и его родственникам, согласно которому никто из односельчан не выдавал девушек замуж за мужчин этих семей и никто не женился на девушках из этих семей; никто не ходил к ним на похороны и свадьбы и никто не пускал их на похороны и свадьбы; никто не пускал их к себе в гости, и никто не ходил в гости к ним; никто с ними не разговаривал. Что бы ни случилось у такого человека, никто из общинников к нему не приходил [Бабич 2000]. Односельчане не выдавали дочерей замуж за мужчин, если в их фамилии кому-либо был объявлен бойкот. Никто не женился на девушках из таких фамилий. Жизнь семей, на которые были «наложен хъод», становилась невыносимой. Снять хъоды можно было только примирившись со своими кровниками или переселившись в другое отдаленное селение. Эта норма встречалась как у православных, так и у мусульман осетин.

1.5. Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1970–1990-е гг.)

Как правило, женщина у чеченцев и ингушей не могла быть объектом кровной мести, какое бы страшное преступление она не совершила. По обычаю убийство женщины, даже если она являлась убийцей, не допускалось. В этом случае мстят не ей, а ее ближайшим родственникам. Исключение составляло прелюбодеяние. Редко, но женщина могла стать субъектом мести. Приведем пример. В 1900 г., в Ингушетии в процессе драки был убит один молодой человек из тейпа А. Потерпевший не имел близких родственников-мужчин. У него была только одна сестра. Убийца, зная это, решил, что у него нет кровников среди близких родственников мужчин, поэтому он смело иногда посещал общественные места, нарушая, таким образом, принятый у горцев этикет кровников.

В то же время по адату сами женщины жестоко наказывались за любое преступление против нравственности. Примирения с прелюбодеем быть не могло. Если происходило убийство жены или прелюбодея одновременно, дело этим заканчивалось, если же случалось, что убитой оказывалась только женщина, то муж — убийца должен был платить *ах пхьа* — стоимость полкрови ее родственникам [ПМАП]. Если прелюбодея, нарушившего супружескую верность, наказывали обычно смертью, то виновного в нарушении нравственной чистоты девушки либо убивали, либо он мог искупить свою вину женитьбой. Если же нарушителем целомудрия девушки оказывался ее родственник, то мерой наказания для него было исключительно убийство. Иногда виновный, во избежание ответственности брал девушку за муж, а прожив с ней 2–3 года, давал ей развод [ПМАП].

В горских обществах наблюдалась еще одна дихотомия, содержащая противоречивые статусы женщин. С одной стороны, многочисленные литературные, архивные и наши полевые этнографические материалы свидетельствуют о том,

что при регулировании многих конфликтных дел женщина могла иметь решающий голос и в своей семье, и в своем роду, а с другой, при решении иных дел (например, брачных или наследственных) вообще не могла принимать никакого участия. Опишем случай. В 1916 г. один русский фельдшер был приглашен на свадьбу в ингушское сел. Ачалуки. Во время свадьбы два молодых ингуша поссорились, схватились за кинжалы и один другого убил. Виновный тут же покинул свадьбу. Родственники убитого организовали погоню за убийцей. На крик и шум вышла старуха, бросилась к убийце, прикрыла его шалью и сказала: «он — мой». Этого было достаточно, чтобы прекратить кровопролитие. Мужчины успокоились [ПМАП].

В чеченском и ингушском обществах очень строго каралось похищение женщин. У горцев различалось похищение молодой девушки, похищение просватанной девушки, и, наконец, похищение замужних женщин. Последние два вида похищения назывались саг яккхар (ингуш.) — «отбитие девушки». Самое серьезное — совершение похищения просватанной девушки или замужней женщины. Чаще всего примирения, как между похитителями и родственниками похищенной, так и между родителями похищенной и родственниками того, за кого она была просватана, не могло быть.

В предлагаемом разделе монографии, на основе собранных полевых этнографических материалов в Чечне и Ингушетии, которые можно датировать с 1870-х по 1910-е гг., будут проанализированы типы и особенности горских похищений девушек и женщин. Брачные традиции всех народов Северного Кавказа, безусловно, изучались, между тем типы похищений и их особенности у чеченцев и ингушей все же до сих пор не становились объектом изучения.

Насильственное похищение девушек. Молодой человек, задумавши совершить похищение девушки с целью дальнейшего брака, ставил об этом в известность своих ближайших родственников, родных и двоюродных братьев, а также своих ближайших друзей. Обычно чеченцы и ингуши похищали девушку, когда она выходила по воду. Правда, местом

похищения могло быть и любое другое место. Тем не менее они, как правило, никогда не врывались в дом избранной ими девушки.

Подобные похищения могли быть двух типов: насильственными, когда девушка ничего не знала о планируемом событии, и добровольными, когда похищение осуществлялось по обоюдному согласию молодых. Как правило, родители похищенной девушки, как при насильственном, так и при добровольном похищении (в случае согласия девушки), считали себя оскорбленными и всегда организовывали погоню.

Насильственное похищение, как правило, сопровождалось отчаянным сопротивлением девушки, на зов ее, взывающий о помощи, население охотно откликалось. Односельчане всегда принимали активное участие в отъеме похищенной девушки. В противном случае на них ложилось «большое пятно». Похищенная девушка могла обратиться за помощью к любому встречному, который по обычаю должен был оказать ей посильную помощь. Не оказать в таких случаях помощи похищенной считалось большим позором. Старики-ингуши говорили: «Отбить насильственно похищенную девушку или женщину — вот для чего мы носим кинжалы».

Проиллюстрируем примером. В чеченском сел. Шатое за девушкой долгое время ухаживал молодой человек Ш. Она обещала выйти за него замуж. Но вскоре девушка передумала. Никакие уговоры Ш. не могли привести к желаемому. Ш. оценил ее поступок как «обман, оскорбление чести». Он не мог это забыть. Ему оставалось одно — насильственное похищение любимой девушки, что он и сделал. Во время побега с девушкой они встретили в лесу местного жителя. Увидев его, девушка успела крикнуть и бросится к нему со словами: «Считай меня своей родной сестрой, не дай возможности меня увезти». Местный житель был со своим товарищем, у них было оружие. После этой просьбы он обратился к старшему по возрасту из похитителей с вопросом: «Что бы вы сделали, если бы оказались на моем месте?». Похититель, вспомнив об обычаях, которые соблюдают в таких случаях, подумал и вернул девушку местному жителю. Так

похищенная девушка была возвращена ее родителям. Тем не менее вскоре она вышла замуж за похитителя [ПМАП].

Если встречному человеку удавалось уговором или же силой отбить похищенную, он возвращал ее родителям и при этом просил отдать ее замуж на похитителя, поскольку если бы не он, то девушка была бы увезена. Родители девушки могли при этом поступить по своему усмотрению, однако отказ выдать девушку за похитителя означало передать себя на вечный и жестокий суд общественного мнения [ПМАП].

Если похитителям предоставлялась возможность благополучно уйти и скрыться от преследователей, в этом случае невесту везли в другое село. Обычно невесту старались привезти в такое место, где их меньше всего могли обнаружить. Похитители старались остановиться у влиятельных и авторитетных людей, рассчитывая на их помощь в урегулировании конфликта. Вступив под крышу дома любого чеченца или ингуша, похитители невесты оказывались под защитой. Обычно похититель со своими товарищами находил поддержку со стороны жителей. Если преследователи настигали похитителей, то на помощь последним приходил весь аул. Считалось большим стыдом, если преследуемым похищенной девушки удавалось ее отбить. Похититель рассматривался жителями села как гость, и ему требовалось оказать горское гостеприимство [ПМАП].

Как уже упоминалось, в чеченском и ингушском обществах похищенную невесту никогда мирно не возвращали. Выход был единственный — применение силы. Такие случаи практиковались редко, поскольку это означало, что родственники девушки могли столкнуться с двумя, тремя и более тейпами, между которыми возникали кровные отношения.

Для того, чтобы добиться согласия родителей похищенной девушки на брак, похититель обращался к крайней мере — к изнасилованию. После этого события никто другой замуж ее не возьмет. Более того, если даже кто-либо решил вступить с нею в брак, то пока похититель не отказался от девушки, новый жених не мог это сделать: могли произойти

столкновения, поскольку это расценивалось уже как саг якк-хар — «похищение жены». Это влекло за собой кровную месть.

Родители и ближайшие родственники похитителя, включая и родственников по материнской линии, знали, что все вопросы, связанные с оскорблением чести девушки, являлись наиболее сложными, которые зачастую кончались кровопролитием. Поэтому сторона жениха принимала все меры к тому, чтобы быстрее закончить процедуру перемирия. С этой целью родители жениха посылали к родственникам девушки наиболее почетных старцев. Переговоры, как правило, затягивались надолго. Когда посредники видели, что родственников девушки нелегко склонить на перемирие, то обязательно приглашали известных знатоков обычного права Чечни и Ингушетии. Они заканчивали спор мирным путем: либо похищенная оставалась, либо ее возвращали родителям.

Чаще всего в быту ингушей и чеченцев похищенную девушку удавалось укрыть от погони. Но если преследователи сталкивались с похитителями, и при этом происходило кровопролитие одной из сторон, то по обычному праву чеченцев и ингушей родственные отношения прекращались, и похищенную девушку возвращали родителям. Ингуши в таких случаях говорили: ций юкъе деннад (ингуш.), что можно перевести на русский язык как «кровь стала между нами».

В случае же, если удавалось склонить враждующие стороны к примирению, то родители или родственники жениха должны были уплатить выкуп — там (чечен.) или тоам (ингуш.). О его размере посредники договаривались сразу же. Данный выкуп включал в себя две части: калым — приданое невесте со стороны жениха и штраф за оскорбление чести родителей. Таким образом, тоам (там) всегда был больше калыма.

Родители девушки, не имея никаких возможностей противостоять против старцев, просящих о примирении, и, давая согласие на примирение, запрашивали непомерно большой выкуп, чем тот, что обычно устанавливался в таких случаях.

Тогда посредники обращались к прошлому горцев, доказывая несостоятельность больших размеров выкупа.

Если при столкновении преследователей с похитителем происходило убийство кого-либо (из любой стороны), то отношения между фамилиями полностью прекращались, так как могла произойти месть [ПМАП]. Однако при насильственном похищении девушек и женщин у плоскостных чеченцев чаще, чем у горных, случались традиционные примирения по адату, причем часто без выплаты компенсаций. Родители похищенной, как правило, забирали ее домой и после получения тоама могли выдать ее замуж за другого. Однако у чеченцев похищенную девушку редко кто брал в жены.

Обе стороны поклялись, дав очистительные присяги, что этот седьмой человек был убит случайно. После этого посредники начали мирить два тейпа: им удалось это сделать, причем даже без назначения тама [ПМАП].

Важно отметить, что если происходило похищение девушки у плоскостных чеченцев с целью оскорбления чести ее родителей или же, когда похититель уже имел семью, то в таких случаях обязательно происходило кровавое столкновение сторон или же похищение девушки из тейпа похитителя с целью нанесения ей и ее родителям подобного же позора [ПМАП].

Отметим, что институт похищения девушек ради дальнейшего брака в XIX — начале XX в. в большей степени был распространен у плоскостных чеченцев, в меньшей степени — у горных чеченцев и ингушей, поскольку у них наиболее распространенной формой брака было сватовство, при котором не было необходимости совершать добровольное или насильственное похищение. Тем не менее такое иногда случалось и у ингушей, и горных чеченцев, но сама традиция похищения отчасти отличалась от того, как это имело место у плоскостных чеченцев. Рассмотрим эти особенности.

Совершив похищение девушки, ингуш-похититель со своими соучастниками сразу же приезжал в другое село под покровительство того человека, которого он заранее

наметил. Выбирая такого человека, похититель брал во внимание его авторитет. Любые родственники похищенной девушки, сильные или слабые, всегда устраивали погоню. Находясь под крышею авторитетной семьи, похититель имел больше надежды на благополучный исход — примирение.

Если устанавливались враждебные отношения, то родственники девушки могли напасть на дом родителей похитителя, если они не могли найти самого похитителя. Особенности примирения при похищении девушки у ингушей и горных чеченцев были таковы: в этом процессе учитывалось «благородство, знатность» тейпа, откуда родом похититель. Если похититель из хорошей семьи, то сроки примирения могли быть быстрыми. При примирении назначался *тоам* (ингуш.), который шел родственникам девушки — его размер, как правило, был больше, чем калым-приданое. В тоам входил калым и штраф за оскорбление родителей девушки. Он мог быть даже больше *пхья* — суммы, выплачиваемой за убийство [ПМАП].

Если примирение состоялось, то тоам у горных чеченцев и ингушей был больше, чем у плоскостных: тоам у горных ингушей — 300 руб., у плоскостных — 200–210 руб. Если похититель давал клятву, что не был с девушкой близок, и она сохраняла девственность, тоам равнялся 100 руб., также дарилась одна лошадь и полная сбруя. Если похититель был в супружеских отношениях, то родители похищенной девушки категорически отказывались от родства с ним [ПМАП].

Если при насильственном похищении девушки произошло убийство во время погони кого-либо (со стороны похитителя или девушки), то в будущем свадьбы между похитителем и девушкой быть не могло. Ингуши в таких случаях говорили: *цций юкье деннад* (ингуш.), что можно перевести как «кровь стала между нами». В этом случае девушку возвращали, но потерпевшая сторона обязательно должна была отомстить за кровь убитого человека. Поэтому старики-посредники (кхлахой, ингуш.) пытались их примирить, учитывая степень морального и физического ущерба, причиненного каждой стороне [ПМАП].

Похищение просватанных девушек и замужних женщин. Бывали у горцев и случаи похищения просватанных девушек или замужних женщин. За это полагалось убийство похитителя. Учитывались следующие обстоятельства:

Похищение просватанной девушки могло быть и мезью семье несостоявшегося жениха, когда одна из ранее враждовавших сторон, желала нанести оскорбление другой стороне. Такое похищение подлежало общественному осуждению. Обычно в таких случаях примирения не могло быть, подобные похищения заканчивались кровной мезью. Чеченцы и ингуши говорили в таких случаях: топ яла еза (ингуш.), что можно перевести на русский язык как «должен произойти выстрел».

Похищение просватанной девушки могло быть и с целью создания семьи: молодой человек добивался годами руки своей возлюбленной, все об этом знали, а девушку родители решили выдать замуж за другого. Такое похищение называлось саг яккхар (ингуш.), что можно перевести на русский язык как «насильственно отобранная». В таких случаях молодой человек и его родители предпочитали иметь даже кровную мезь, нежели общественный позор. Аульчане, в свою очередь, не упускали случая упрекнуть молодого человека, смирившегося с выдачей своей возлюбленной за другого, в отсутствии смелости, мужества.

Был и третий случай похищения чужой невесты или жены: т. н. «формальное» (или фиктивное) похищение. При такой ситуации, хотя родители и знали заранее о намерениях своей дочери, но они делали вид, что будто ничего не знали о планах дочери. Чаще всего об этом узнавала мать, которая во многом способствовала его осуществлению. Ингуши в таких случаях говорили, что дочь не получила должного воспитания в семье, а потому и создавали видимость насильственного похищения.

Отношение родителей к похищению их просватанной дочери могло быть двояким: либо родители были заинтересованы в том, что их дочь вышла замуж не за просватанного жениха, а за другого; либо родители были заинтересованы

в замужестве дочери за просватанного. В первом случае родители девушки «делали» тоам с похитителями просватанной. Тогда возникала вражда между родителями девушки и родственниками просватанного жениха. Во втором случае — возникала вражда между родителями девушки и ее похитителем.

Опишем случай. В 1860-е годы в ингушском сел. Экажево у старика М. Д. был единственный сын Т. Отец, когда Т. было всего 17 лет, просватал ему девушку. Но незадолго до свадьбы девушка вышла замуж за другого молодого человека. Старик сказал своему сыну: «Т., похитили нашу невесту. Надо решить этот вопрос, не ожидая смерти отца». Т. отвечал отцу: «Отец, нет у меня ничего более серьезного, чем забота о тебе. Не сомневайся в том, что я все исполню по обычаю, а потому будь спокоен». Через некоторое время Т. возвращался домой с прогулки. Похититель его невесты вместе со своими друзьями схватили Т., отвезли к себе домой и заперли в доме. Об этом узнали в селе. Общественность обвинила похитителей в грубом нарушении обычаев: они похитили чужую жену, и похитили ее молодого человека в качестве раба. Более того, отец девушки зашел во двор отца Т. Это был нарушением ингушского этикета кровников. Отец Т., увидя его в своем дворе, убил отца девушки. Т., освободившись от похитителей, убил еще пятерых из фамилии похитителя. Отец и сын навсегда покинули Ингушетию, переехав на постоянное жительство в Осетию. Вскоре Т. женился на осетинке, изменил свою фамилию, боясь мести со стороны преследователей [ПМАП].

Если молодой человек похищал девушку, не зная, что она просватана, то возможно спокойное развитие событий: похитителю не мстили, если он возвращал девушку и давал клятву — мехка бокъо (ингуш.), что можно перевести на русский язык как «право, разъяснение народу», в том, что он предпринял этот шаг, не зная об этом и что он не был с ней в близких отношениях.

Между жителями горной и плоскостной Ингушетии были различия в размере выплачиваемого тоам при примирении после похищения просватанных девушек: у горных

ингушей — это 90 коров (или 100 руб.), у плоскостных ингушей выплачивался двойной калым — 210 руб., и 300 руб. — за нанесенное оскорбление, а также — 50 руб. штраф [ПМАП].

Соучастники в похищении девушки, независимо от их количества, должны были уплатить родителям невесты по одному коню. Бытовало такое понятие как «названный, указанный конь» — цџи тџатеха говр (ингуш.). Согласно этому обычаю родители похищенной девушки выбирали лучшего коня того или иного хозяина, и имели право в качестве тоам требовать именно этого коня. Соучастники, независимо от стоимости этого коня, выкупали его в полной сбруе и передавали родителям девушки.

Рассмотрим теперь примеры похищения при т. н. «колыбельном» браке, при котором родители сговаривались о браке своих малолетних детей или даже еще не родившихся, скрепляли передачей родителям девушки различных видов оружия, например, кинжалов. Если произошло похищение девушки, которая была с детства просватана за другого, в ингушском и чеченском обществах определялась тяжесть данного преступления. На это влияли следующие обстоятельства: 1) в какое время дня происходило «колыбельное» сватовство, 2) оглашалось ли данное сватовство. Если сватовство было совершено днем и с оглашением, то враждебные отношения возникали между родителями девушки и тем лицом, за которого она была просватана в колыбели. Если сватовство было совершено вечером, то враждебные отношения возникали между лицом, похитившим ее и женившимся на ней, и теми, кто ее сватал с колыбели. Все остальные нормы при похищении девушки, просватанной с колыбели, сходны со всеми остальными случаями [ПМАП].

ГЛАВА II. Советский период истории права Северного Кавказа

2.1. Инаушетия в административно-правовом пространстве Советского Союза

Новая государственная власть и создаваемая ею правовая система провозгласили защиту интересов народа. В основу Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) были положены принципы равенства всех наций и народностей и признание права наций на самоопределение, что способствовало внесению умиротворения в общество. Неприкосновенными объявлялись верования, обычаи и традиции, национальные и культурные учреждения народов Поволжья и Крыма, Сибири и Туркестана, Северного Кавказа и Закавказья.

В мае 1917 г. во Владикавказе по инициативе Временного Центрального комитета объединенных горцев открылся Первый съезд горских племен Кавказа, религиозная секция которого решила ввести в судах по всем делам мусульман шариат, учредить должность Кавказского муфтия с резиденцией во Владикавказе для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, ногайцев, кара-ногайцев и туркмен Ставропольской губернии. При муфтии должен был быть создан совет из четырех кадиев: по два от шафиитов и ханафитов [Музаев 2007: 377]. На должность муфтия был избран Нажмуддин Гоцинский.

После октябрьской революции, 4 ноября 1917 г., муфтий Нажмуддин Гоцинский обратился к муллам и прихожанам Северо-Кавказского муфтията с посланием: «Я, избранный волею горских народов, повинаясь велению шариатского права, приказываю всем сельским муллам приступить немедленно к обучению прихожан обрядам ислама, как-то: правильному совершению намаза, поста, отчислению пожертвований, закят, и совершению прочих личных религиозных обязанностей мусульманина. Я напоминаю всем сельским муллам, что воля тех же в дни обновления нашей горской жизни создала Центральный комитет, цели которого не противоречат правилам шариата, он желает одного — поднять политический и культурный уровень наших народов и отстоять их права в настоящее время, когда различные опасности угрожают даже самому существованию народов.

Поэтому я, ваш муфтий, приказываю вам предложить сельским обществам немедленно избрать из своей среды особых богобоязненных лиц, обязанных неумолимо проводить в жизнь правила шариата, во всей строгости в борьбе с ворами, разбойниками и убийцами, а все представители светской власти, областные, окружные комиссары и сельские старшины обязаны оказывать названным лицам свое содействие, ибо в противном случае они будут отстранены от своих должностей, как недостойные своего звания на основании постановлений Центрального комитета. Я объявляю своему населению, что все правила шариата будут мною и всеми светскими властями применены во всей строгости, без всякой жалости, включительно вплоть до отсечения рук ворами и смертной казни разбойникам и убийцам; для этого мною будут назначены особые лица, которые будут немедленно приводить в действие карательные постановления...» [Музаев 2007: 406].

Союз объединенных горцев функционировал в качестве высшего представительного и исполнительного органа власти народов Северного Кавказа с мая 1917 г. Его руководство заявило приверженность идее установления в России через Учредительное собрание Демократической Федеративной

Республики «отдельных самоуправляющихся автономных областей, с особыми законодательными палатами и выборными правительственно-административными органами, которым принадлежит право местного законодательства во главе с единой общероссийской палатой, выборным палатой президентом» [Султыгов 2007].

В ноябре 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев принял решение о создании Горской автономии (Горской республики), которая функционировала до марта 1918 г. — вплоть до провозглашения Терской советской республики в Пятигорске на 2-м Терском областном народном съезде.

В феврале 1918 г. на втором съезде народов Терека в Пятигорске был создан высший орган государственной власти Терской республики Терский съезд народных комиссаров, в структуре которого было предусмотрено создать Народный комиссариат юстиции, которому должны были быть подчинены суды. В резолюции съезда говорилось: «Каждому народу предоставляется право организовать свои народные суды, творящие правосудие, согласно народным обычаям и нормам» [Кодзоев 2006: 88].

7 марта 1918 г. ВЦИК принял Декрет о суде № 2, в котором сохранялись местные суды, и предусматривалось создание окружных народных судов для рассмотрения дел, которые превышали полномочия местных судов. Согласно этому декрету, члены окружных судов избирались и отзывались местными советами, председатель суда избирался и отзывался членами суда [Цалиев 2003: 19]. В том же году Ингушским народным советом членом Владикавказского окружного народного суда был избран Б. К. Далгат [Далгат 2004: 9].

После окончания Гражданской войны и восстановления советской власти на Северном Кавказе при Облревкоме Терской области, в состав которой входила Ингушетия (Назрановский округ), был создан Отдел юстиции. Отдел состоял из четырех подразделов: судебно-следственного, карательного, общего и административно-хозяйственного. При судебно-следственном отделе действовали такие органы, как

областной революционный трибунал, советы народных судей, народные суды, следственные комиссии, окружные бюро юстиции, коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Б. К. Далгат стал заведовать отделом юстиции в Назрановском окружном революционном комитете. Кроме того, в области, по решению местных революционных комитетов, официально продолжали функционировать шариатские суды [Далгат 2004: 9].

В Назрановском округе (Ингушетия) их было три [Кодзоев 2006: 77]. Первый располагался в крепости Назрань и рассматривал спорные вопросы близлежащих селений: Насыр-Корт, Гамурзиево, Альтиево, Барсуки, Плиево, Яндырка, Сурхахи, Экажево, поселок Назрань, Долаково, Кантышево и Базоркино. Второй — Ачалуковский — располагался в селении Средние Ачалуки и обслуживал жителей селений: Кескем, Пседах, Сагопш, Нижние Ачалуки, Верхние Ачалуки, Средние Ачалуки. Третий — в станице Сунженской — суд горной полосы с подведомственными ему районами: Камбилеевский объезд, хутора Шалки (Тарский хутор), Ахкин-Юрт, Таузун-Юрт, Мецхельское общество, Джейраховское общество, Редантское общество, Галашки, Мужич, два Алкуна, два Датыха, Арштынское общество, Хамхинское общество, Цоринское общество [Ингушская беднота 1920: 8].

Отношение советской власти к мусульманскому праву в корне отличалось от политики дореволюционной российской администрации.

Имперские власти поддерживали адат, тем самым надеясь ослабить позиции ислама как такового и мусульманского повстанчества в частности. Большевики же в начале 1920-х годов, наоборот, искали союза с мусульманским освободительным движением. 17 ноября 1920 г. И. В. Сталин на съезде народов Терской области отмечал: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России. У каждого народа,

у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, кара-чаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. <...> Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату» [Сталин 1947: 401–402].

Подобное заявление являлось всего лишь политическим маневром. Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет большевиков оказался верен. «Как и до революции, в 20-е гг. отличительной чертой Северного Кавказа оставался правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Кроме шарсудов (шариатских судов — прим. М. А.) были созданы народные и сельские словесные суды (их не следует путать с одноименными дореволюционными учреждениями, с которыми их объединял лишь внешний характер судопроизводства, тогда как фактически они судили по советскому праву), а также земельные комиссии. Первые народные суды были созданы в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались гражданские и уголовные тяжбы между мусульманами (в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд), а с 1923 г. все дела по убийствам и кровной мести, изъятые из ведения шарсудов. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству» [Бобровников 2003: 5].

В 1920 г. в Назрани был открыт советский шариатский суд под председательством Тарко-хаджи Гарданова [Боков 1998]. С 1918 г. он поддерживал большевиков, участвовал в борьбе против Г. Ф. Бичерахова и Деникина, в народе имел прозвище Красный Шейх [Музаев 2007: 435], будучи очень

влиятельным и авторитетным человеком. Шариатскому суду, который он возглавил, были подведомственны гражданские иски и дела о наследстве, а для контроля за деятельностью этого органа при Отделе юстиции Терского облисполкома был создан Шариатский подотдел. В мае 1921 г. после создания Наркомата юстиции ГАССР при нем был создан Совет шариатских судов [Кодзоев 2006: 88].

Однако с упрочением позиций советской власти борьба с религией и религиозными деятелями приняла жесткие формы. Мечети закрывались, а в их помещениях организовывались светские школы; видные богословы были высланы [Бутаев 1923: 30]. 8 августа 1922 г. Центральный исполнительный комитет Горской республики издал постановление № 16 «Об упразднении шариатских судов», как не соответствующих растущей сознательности горских масс и всей сложности юридических взаимоотношений [Кодзоев 2006: 89]. Деятельность последних перешла на нелегальное положение.

Еще какое-то время функционировали школы при мечетях. Преподавание в медресе велось на хорошем уровне. В частности, медресе в Гамурзиево, где работал Ильяс Мула Озиев, известный арабист и кадий Назрановского округа, считалось кузницей высококвалифицированных арабистов [Озиев 1996. № 24]. По сообщению Х.-М. Мугуева, в 1929 г. в Ингушетии функционировало 32 школы с полутора тысячей учеников, в которых велось обучение основам ислама, и такое же количество медресе с 825 учениками [Мугуев 1931: 37]. Преподавание в этих учебных заведениях осуществлялось местными муллами и хаджами, несмотря на то, что власть активно боролась с их влиянием на население и с ними самими, подвергая их репрессиям. Ведь именно выпускники этих учебных заведений становились имамами мечетей и возглавляли нелегально функционировавшие шариатские суды. Последнее было обусловлено религиозным сознанием населения, не мыслившего свое существование без учета соблюдения основ шариата.

В Горской АССР 1 марта 1923 г. был образован Горский областной суд, который заменил действовавшие до этого

Совет народных судей, особую сессию при нем и Горский революционный трибунал. Впоследствии Горский областной суд был переименован в Главсуд. Но он профункционировал чуть больше года и 17 июня 1924 г. был ликвидирован с последующим разделением его полномочий между Горсудом, который в свою очередь делился на Ингушский и Осетинский (Владикавказ в тот период являлся административным центром двух областей — Ингушского, Осетинского и Сунженского казачьего округа). Однако 1 августа 1924 г. Главсуд Горской республики был упразднен (в связи с упразднением Горской АССР и образованием на её территории: Северо-Осетинской, Чеченской, Ингушской автономные области и Сунженского казачьего округа), и параллельно с созданием Осетинского был сформирован Ингушский областной суд, который находился во Владикавказе, и три районных суда: во Владикавказе (Нагорный округ), в Назрани (Назрановский округ) и в Средних Ачалуках (Ачалуковский округ) [Кодзоев 2006: 97]. Председателем Ингушского областного суда был назначен участник гражданской войны Юсуп Тохович Албогачиев [Чахкиев 2000: 273].

Организация подобной судебной сети не могла исключить из жизни народа веками формировавшиеся законы обычного права, а также шариат. К годовщине создания ингушского областного суда в газете «Сердало» от 1 августа 1925 г., подводя итоги работы Облсуда за год, З. Ц. Тутаев отмечал, что ингушский народ полностью сохранил адат, который, «укладываясь столетиями, в жизнь ингушей пустил глубокие корни, являясь, таким образом, главным фактором мировоззрения данного народа, и что в стадии дореволюционного права, т. е. во времена царской власти, среди ингушского народа существовало три различных по духу и цели права, а именно: 1-е адатное (бытовое), 2-е шариатское (мусульманское), 3-е дореволюционное (русско-царское)», среди которых все-таки адат играл главенствующую роль, являясь «отражателем всех сторон социального положения данного народа». В статье отмечалось, что «общее условие действительности Ингушетии ставит перед ингушским судом

чрезвычайно трудную и сложную задачу вытеснить широко практикующееся право кровной мести, калым, похищения женщин и т. п. бытовые преступления, представляющие большое социальное зло, и построить правовую жизнь ингушского народа на культурных государственных началах». Как положительный фактор в деятельности ингушского судопроизводства отмечалось, что судами учитывается местная специфика: «Вместе с тем необходимо сказать, что почти каждое судебное дело носит своеобразный национальный отпечаток и требует особого к себе внимательного подхода, а для правильного разрешения много труда и времени. При таком положении ингушскому областному суду приходится учитывать слишком низкий уровень политического, культурного и юридического развития граждан, их психологию, правовые убеждения и понятия. Но зато надо сказать, что метод своей практической работы, избранной судебными органами нашей еще молодой автономной области, хотя и трудной, но верной, несомненно, приведет нас к намеченной цели» [Тутаев 1925. № 81].

Накануне осуществления общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации советская власть на Кавказе окрепла настолько, что решено было уничтожить шариатские и адатные институты и унифицировать судебно-административную систему в регионе. Уже в первой половине 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды [Бобровников 2003: 25].

Действие шариатского правосудия было окончательно отменено в Ингушетии в январе 1926 г. «В 1928 году в уголовный кодекс РСФСР была введена X глава “О преступлениях, составляющих пережитки родового быта”. Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204

главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагерь сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году» [Бобровников 2003: 5].

В 1934 г. Ингушетия без волеизъявления народов была объединена с Чечней в Чечено-Ингушскую автономную область. Был сформирован областной суд. Его председателем был назначен ингуш Ханиев Магомед Абдулаевич [Кодзоев 2006: 88]. В 1936 г. область была преобразована в Чечено-Ингушскую автономную советскую социалистическую республику. К этому времени в республике функционировало 18 участковых народных судов, из них 4 располагались на территории Ингушетии: народный суд Сунженского района в станице Слепцовой, нарсуд Назрановского района в селении Назрань, нарсуд Малгобекского района в поселке Малгобек, нарсуд Пригородного района в г. Ordжоникидзе.

Тотальные репрессии 1937 г., обрушившиеся на все население СССР, прокатились и по Чечено-Ингушетии. За полтора года республика была фактически обезглавлена. Подверглись арестам почти все руководители, начиная от ответственных работников республиканского масштаба и кончая председателями сельсоветов, колхозов, рядовых партийных функционеров. Репрессировали многих ученых, врачей, инженеров, деятелей культуры и народного просвещения и местного духовенства. В числе последних были имамы мечетей, которые рассматривали спорные вопросы, основываясь на мусульманской правовой системе. Особенно преследовались последователи учения Кунта-хаджи Кишиева.

В 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а народы ее населяющие — ингуши и чеченцы — были сосланы в Среднюю Азию и Казахстан. Запрет возвращения на родину был отменен 9 января 1957 г. указом Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР.

После восстановления Чечено-Ингушской республики партийные и советские органы развернули масштабную антирелигиозную кампанию. Деятельность духовенства могла

осуществляться только нелегально, муллы обучали детей и подростков в собственных домах и по возможности тайно. Запрещалось исполнение любых мусульманских обрядов. На территории республики не осталось ни одной действующей мечети [Шамилев 1963: 26]. Неафишируемой стала и деятельность неофициальных мулл. Тем не менее, они существовали, осуществляя культовые практики в домах членов вирда¹, имевшего просторные комнаты, где могли разместиться мюриды. Были и те, кто открыто выражал протест существующей политике воинствующего атеизма. Так, в 70-х гг. в доме Албогачиева Джабраила Мусиевича из сел. Сурхахи собирались мюриды, а сам хозяин, поднимаясь на крышу собственного дома, кричал призывную молитву (*азан*) пять раз в день. Его несколько раз арестовывали, но он был непреклонен [ПМАО].

Деятельность духовенства Ингушетии советского периода мало изучена, но несомненно то, что сохранение традиции тарикатного ислама в это время могло быть достигнуто только благодаря представителям духовенства. Как известно, в тот период во всех учебных заведениях республики проходили атеистические чтения и лекции. В 1970 г., с апреля по июль, в населенных пунктах Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов Чечено-Ингушетии проводились запланированные партийными организациями сходы жителей с осуждением пережитков прошлого, таких как многоженство, уплата калыма, похищение девушек, отправление религиозных обрядов [Патиев 2007: 180]. Такое положение продолжалось до начала 1980-х гг.

2.2. Советский период истории права в Осетии

Правовое реформирование, проводимое в первое десятилетие после установления советской власти в Северной Осетии, в отличие от других северокавказских республик,

¹ Вирд — суфийское братство.

не включало переходные этапы, когда советская администрация шла на уступки, создавая промежуточные, временные судебные органы с элементами местного права (обычного права и шариата), как это имело место, например, в Кабардино-Балкарии. В целом, установление и укрепление советской власти и советских судебных органов в Горской республике, куда входила Северная Осетия с 1912 по 1924 гг., проходило тяжело: советские партийные лидеры постоянно сталкивались, как сказано в архивном деле, с «восточным лицемерием и интриганством» [ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 54. Л. 132]. Наиболее трудное положение было в Чечне, где процветал бандитизм, имевший тесные связи, как с местными мусульманскими лидерами, так и с агентами из Турции и Афганистана. В результате к 1922 г. в Чечне сформировалась «сильнейшая группировка мулл, представляющая достаточно серьезную силу в чеченских условиях, пользующаяся авторитетом у большей части населения», не признававшего советскую власть. Между тем, как отмечалось в архивных материалах, легче всего процесс «советизации» проходил в Северной Осетии, где уже к началу 1920-х годов среди населения в значительной степени сформировалось уважение к российской власти и российскому закону.

Это явилось причиной того, что только эта область стала полигоном резкой ликвидации адатно-шариатского судопроизводства и активного внедрения советского права и судопроизводства. В 1921 г. в Северной Осетии уже были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела, и курировавший их работу областной Совет народных судей. Наряду с народными судами действовали революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным и политическим (выступления против советской власти) делам. В Горской республике был сформирован Главный суд, при котором и функционировал Горский Ревтрибунал. После распада Горской республики и образования Северо-Осетинской автономной области был сформирован Северо-Осетинский областной суд (1924 г.)

[ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 23. Л. 311; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62].

Отношение советской администрации Северной Осетии к обычному праву изначально было резко отрицательным. Как известно, в ранней советской правовой доктрине адат был провозглашен «опасным пережитком прошлого». Власти Горской республики, а после ее распада в 1924 г. — НКЮ СНК Северо-Осетинской автономной области, — проводили политику ликвидации полномочий третейских судов. ЦИК Горской республики не раз отказывал сельским советам в их просьбах открыть на местах медиаторские суды, мотивируя это решение тем, что «с точки зрения советского законодательства медиаторский суд не допустим». В тех случаях, когда неофициально осетины проводили медиаторское примирение и судьи принимали решение о выплате компенсации, советская администрация, не запрещая это, все же контролировала все этапы данного процесса [ЦГА РСО-А Ф. 161. Оп. 1. Д. 16; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3 об, 4, 39].

Как свидетельствуют архивные материалы, в начале 1920-х годов третейское примирение использовалось осетинами для урегулирования конфликтов, связанных с причинением материального и физического ущерба. Иногда это удавалось, иногда — нет. Медиаторы определяли виновной стороне выплатить компенсацию родственникам потерпевшего, подарить им верховую лошадь в полном снаряжении и помочь провести похороны и поминки (тризну), а затем организовать примирительное угощение и пригласить всех тех, кто был на похоронах и всех членов враждующих сторон (обычно 200–300 чел.). Во время угощения виновная и потерпевшая стороны должны были пожать друг другу руки. И затем виновная сторона должна была поставить памятник потерпевшему. Иногда после выплаты компенсации семья виновного добровольно или по решению медиаторов переезжала на жительство в другое селение Осетии, или в другую республику Северного Кавказа, например, в Кабардино-Балкарию.

Между тем 1920-е г. стали временем резкого увеличения обращения осетин к институту кровной мести, а также значительного увеличения числа кровников, которые не смогли примириться с помощью третейского суда. К убийству в качестве мести прибегали в тех случаях, когда хотели отомстить за совершенное в исходном конфликте убийство или за политические убеждения. Кровная месть в эти годы превратилась, как сказано в архивном деле, в «классовую месть». Отмечу, что месть продолжала сохранять многостадийный характер. Сохранялись также отголоски общинных санкций, связанных с совершением кровной мести. Тот сельчанин, который был обязан осуществить месть (как правило, родной брат или сын), и не делал этого, подвергался целому ряду формальных и неформальных форм воздействия со стороны родственников (уговаривание, устыжение). Старшие по возрасту настраивали более молодых отомстить за убитого родственника. Так, в одном архивном деле указывалось, что братьев к убийству склонил 70-летний К. Б., в другом — подстрекателем мести был 70-летний К. Если и это не помогало, то обязанность мщения принимал себя один из ближайших родственников. В этот период продолжало бытовать общественное мнение о необходимости отмщения за убитого родственника. Так, адвокат одного обвиняемого в совершении убийства на почве кровной мести, чье дело рассматривалось в Ревтрибунале, указывал, что у осетин сохранялся обычай кровной мести и он не мог поступить иначе, «так как в противном случае его называли бы трусом».

И все же осетины по большей части стремились примирить кровников в своих селениях. Во многих архивных делах можно прочесть следующее: «постоянные попытки со стороны общества примирить враждующие семьи и этим самым прекратить между ними кровную месть. Тем не менее сельчанам редко удавалось уговорить конфликтующие стороны примириться. Часто для этого требовались годы. Так, в одном случае сельчанам удалось примирить стороны только через 8 лет, в другом — через 19. Однако и после совершения

примирения кровная месть могла состояться. Как мне представляется, дореволюционные третейские суды, не подержанные российско-имперской властью, к 1920-м г. в значительной степени утратили свои регулятивные функции. В результате к этому периоду в Осетии оказалось много фамилий, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и третейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивность между людьми и изменить сложившийся в этот период конфликтную ситуацию.

В этих условиях советская администрация попыталась воссоздать третейские суды в виде примирительных комиссий, решения которых контролировались уже не общинами, а советскими судебными и правоохранительными органами власти. Еще в мае-июне 1921 г. в Горской АССР были созданы одна окружная (Владикавказская) и подчинявшиеся ей более десяти сельских примирительных комиссий по кровным делам. В их функции входило руководство примирением конфликтующих фамилий. Согласно нормам осетинского адата судьи устанавливали «цену крови» — в денежном или натуральном выражении; сроки устройства примирительного угощения кровников; вели переговоры с советскими властями о выдаче сельской общине убийц и похитителей девушек. При этом в полномочия сельских комиссий входило урегулирование конфликтов внутри общины, а окружной — разбор столкновений на почве кровной мести между выходцами из разных сельских общин. После распада 7 июля 1924 г. Горской АССР примирительные комиссии продолжали работать в Северо-Осетинской Автономной области. Согласно новому административному делению края, Владикавказская окружная комиссия была заменена двумя новыми — Дигорской и Осетинской.

Хотелось бы отметить существенные отличия советских примирительных комиссий от традиционного осетинского суда медиаторов. Во-первых, примирительные комиссии не были добровольным третейским органом, создаваемым

конфликтующими сторонами. Их создание было поручено исполкомам сельских советов. Формально решение об их образовании принималось на сельских сходах, однако, как свидетельствуют архивные материалы, комиссии создавались советской администрацией вопреки желаниям сельчан. Более того, советские органы власти заставляли конфликтующие стороны обращаться в эти комиссии для урегулирования своих споров, угрожая в противном случае высылкой всех кровников в сибирские регионы. Советская администрация настаивала на том, чтобы осетины рассматривали решения советских примирительных комиссий как закон [ЦГА РСО-А. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56; Д. 6; Д. 75. Л. 44 об, 46; Д. 11, 20, Оп. 2. Д. 2; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. 160. Оп. 1. Д. 11].

Во-вторых, советская администрация создавала одну примирительную комиссию для примирения всех имеющих в селении кровников, тогда как осетинский третейский суд создавался для каждого дела отдельно. В-третьих, в состав комиссии входили представители не двух (конфликтующих) сторон, а трех — потерпевшей (2 чел.), виновной (2 чел.) и властных органов (3 чел.).

Иногда конфликтующие стороны соглашались на рассмотрение своего дела в советской примирительной комиссии, но впоследствии отказывались подчиняться ее решению. Поэтому советская администрация ввела и другую норму адата, а именно: до начала судебного разбирательства в примирительной комиссии конфликтующие стороны обязаны были подписать документ, названный по аналогии с осетинским третейским документом медиаторской подпиской, в которой стороны соглашались подчиниться любому решению примирительной комиссии. Так, в 1924 г. примирительная комиссия сел. Нокгау рассмотрела одно дело, связанное с убийством и вынесла решение о выплате компенсации вдове — 600 руб. в течение 6 месяцев. Тем не менее вдова и через год не получила компенсацию и возбудила уголовное дело в областном суде. Наконец, даже в тех случаях, когда, как свидетельствует архивный материал, комиссии удавалось

примирить кровников, то часто через некоторое время кто-либо из фамилии потерпевшего совершал кровную месть и убивал члена фамилии виновного в исходном конфликте. Все же отмечу, что отдельные успешные случаи примирения кровников с помощью советских примирительных комиссий имели место в 1920-х г. Если дело, регулируемое такой комиссией, попадало в советский суд, то суд учитывал решение примирительной комиссии и выносил оправдательный приговор виновному или просто закрывал дело, апеллируя к широко распространенному в 1920-х г. принципу смягчения наказаний лиц, происходящих из «социальных низов».

Судьба шариата в советской Северной Осетии была иная, чем в других регионах Северного Кавказа. Если борьбу с православием в осетинском обществе советская администрация начала сразу, то к исламу было более мягкое отношение, поскольку большинство северокавказских горцев, в том числе и тех, кто населял Горскую республику, исповедовало ислам. Как свидетельствуют архивные материалы, осетины как часть населения Горской республики, рассматривались как мусульманское население. На учредительном съезде Горской АССР, состоявшемся 16–22 апреля 1921 г., было принято специальное постановление «О введении шариатского судопроизводства». На территории республики создавались отдельные шариатские суды для местного мусульманского населения республики. Так, в Чеченском округе было создано 16 судов, в Ингушетии — 3, в Кабарде — 4. Тем не менее, как свидетельствует архивный материал, в мусульманских селениях Осетии шарсуды не были созданы. Лишь к концу 1921 г. таковые появились и у осетин. Шарсудам стали подсудны гражданские и наследные тяжбы между мусульманами. Для направления текущей судебной деятельности шариатских судов и надзора за рассмотрением судебных дел при областном совете народных судей было учреждено шариатское отделение совета на правах апелляционной инстанции для всех шариатских судов. Кассации на решения шариатских судов могли подаваться в созданный при Отделе юстиции Терского

облисполкома Шариатский подотдел. Ему же был поручен общий контроль над деятельностью всех шариатских судов области. При подотделе учреждалось постоянное совещание из представителей горских национальностей. В Горской республике при Наркомюсте был сформирован шариатский отдел. К началу 1922 г., когда в Горскую республику входила только Осетия и Ингушетия, шариатские суды были упразднены. К концу этого года система шарсудов была полностью ликвидирована в Осетии и сохранена в Ингушетии. Тех осетин, которые продолжали соблюдать мусульманские обряды, и вступивших к этому времени в партию ВКП (б), исключали из партии [ФП. ЦГА РСО-А. Ф. 240. Оп. 1. Д. 77. Л. 47; Д. 53. Л. 22; Мисроков 2002: 117–119; ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об., 111, 112].

Таким образом, уже в 1922 г. в Северной Осетии советские судебные органы стали единственным правовыми учреждениями, в которые осетины могли обратиться для рассмотрения спорных ситуаций. Они рассматривали все гражданские и уголовные дела осетин. Серьезные уголовные дела, в том числе и убийства на почве кровной мести, в первой половине 1920-х гг. рассматривались уголовно-следственным отделом Главного суда и Ревтрибуналом. В первой половине 1920-х гг. советская судебная система Осетии характеризовалась, во-первых, вынесением чрезвычайно мягких приговоров, во-вторых, учетом примирения сторон с помощью медиаторов или членов советских примирительных комиссий. Судьи использовали все возможные виды амнистий, которые они применяли к виновным осетинам. В эти годы амнистии проходили, во-первых, каждую годовщину Октябрьской революции, во-вторых, каждую годовщину образования СССР; в-третьих, осетин амнистировали «как хлебобобов и социально неопасных». В результате виновных в серьезных гражданских или уголовных преступлениях, освобождали либо полностью, либо условно. Так, в мусульманском сел. Карджин в 1907 г. между двумя сельчанами произошла ссора, в результате чего один убил другого. В 1920 г. между

родственниками конфликтующих сторон состоялось примирение. Однако вскоре родственник потерпевшего убил кровника. Через два года два брата потерпевшего в последнем убийстве убили виновного. Дело рассматривалось в Ревтрибунале. Суд вынес суровый приговор: одному брату — 8 лет лишения свободы, другому — 2 года. Применяв к виновным право амнистии в связи 5-й годовщиной Октябрьской революции сроки наказания были снижены соответственно до 5 лет 8 мес. и 1 год 4 мес. В 1922–1923 гг. из 16 рассмотренных Главным судом дел по убийствам 5 чел. получили условные сроки лишения свободы (от 1 до 2 лет, в редких случаях — от 3 до 8 лет), 2 чел. были полностью освобождены по амнистии, двум виновным были снижены сроки: с 8 до 2 лет, и лишь 7 чел. получили реальные сроки наказания: 5 чел. от 5 до 10 лет. Если суд рассматривал дела об убийстве на почве кровной мести, то он учитывал состоявшееся медиаторское урегулирование конфликта или примирение с помощью советской примирительной комиссии [ЦГА РСО-А. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 39; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 18; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 55. Л. 7; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–150; Д. 1. Л. 115; Д. 22. Л. 19, 28, 33, 102 об.].

Обычно суровые наказания, в том числе и высшую меру наказания — смертную казнь, получали лишь те, кто участвовал в грабежах. Такие дела рассматривались Ревтрибуналом. Тем не менее в первой половине 1920-х г. и на эти преступления распространялась амнистия. Как видно из материалов судебных дел Главного суда, в 1924 г. за ограбление было осуждено 4 чел., из них два чел. получили условные сроки наказания, два чел. — реальные сроки — по 5 лет лишения свободы. За кражу было осуждено 23 чел., условные сроки получили 7 чел., реальные сроки получили — 18 чел. (от 1 до 3 лет лишения свободы). За грабеж было осуждено 2 чел., одного виновного приговорили к расстрелу, который был заменен 10 годами, другой получил 6 лет 8 мес. За бандитизм 5 чел. были осуждены и получили сроки от 2 до 6 лет лишения свобод [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 20. Л. 337–345; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 72. Л. 39; Оп. 1. Д. 49. Л. 1–150].

Во второй половине 1920-х г. судебная система в Северной Осетии была ужесточена. При рассмотрении дел об убийстве, в том числе и на почве кровной мести, назначались сроки лишения свободы от 2 до 8 лет. Часто в суд попадали дела, которые уже были рассмотрены примирительными комиссиями, но после казалось бы успешного примирения ими кровников кто-нибудь из фамилии потерпевшего совершал убийство на почве кровной мести. Виновные в подобных преступлениях получали от 3 до 8 лет. Как показывает анализ рассмотренные Ревтрибуналом материалов по убийствам, совершенным на почве кровной мести, суд часто выносил суровые наказания без права амнистии. Тем не менее в ряде случаев право амнистии распространялось и на тех, кто был виновен в убийстве, совершенном на почве кровной мести. До введения X главы в УК РСФСР (1928 г.) в советском судебном решении учитывалось и состоявшееся примирение кровников [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 6, 25, 28, 37, 38; Д. 8. Л. 70 об.; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 50].

Дела, связанные с похищением девушек и их изнасилованием, находились в компетенции областных судов. В первой половине 1920-х г. за эти правонарушения виновные получали чаще всего условные сроки лишения свободы. В 1924 г. в новом УК появились статьи 228 и 229, которые позволили судам назначать реальные сроки наказания виновным: от одного до трех лет [Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2, 10, 14, 17, 22, 30, 31].

В 1930–1950-е гг. в Северной Осетии советское судопроизводство значительно укрепило свои позиции, а осетины приспособились к жизни в условиях единой советской судебной системы. С 1940-х г. правоохранительные и судебные органы стали все больше требовать ужесточения уголовных статей за преступления, связанные с пережитками «капитализма и феодально-родового быта», в том числе и с кровной местью. Тем не менее многие дела, касавшиеся убийств на почве кровной мести или похищением девушек, продолжали закрываться без осуждения виновных. По данным обкома КПСС Северной Осетии на 1959 г., «терпимо иногда

относятся к таким фактам органы суда, милиции и прокуратуры». Сельчане, как правило, вообще скрывали происходившие в их селении конфликты. Отмечу, что если верить официальным документам количество случаев кровной мести значительно сократилось. Так, в докладе С. Д. Кулова на заседании Пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б), приводились следующие данные: в 1930 г. произошло 3 убийства на почве кровной мести (за эти преступления было осуждено 8 чел.), в 1931 г. — 4 случая (осуждено 5 чел.), в 1940 г. — не было зарегистрированных случаев. В 1940–1950-е годы официально сообщалось лишь о единичных случаях совершения кровной мести. С. Д. Кулов отмечал, что в этот период кровная месть сохранялась, но она приняла новые формы. Так, если представители одной фамилии получали руководящие должности в колхозном правлении, то они могли преследовать рядовых колхозников — своих врагов с помощью административных мер (выговоров, лишения премии и т. д.). Враждующие стороны также создавали группировки, которые проводили клеветнические кампании друг против друга. Одной из распространенных форм некровной мести стало лжесвидетельство [ФП. ЦГА РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 7; Оп. 1. Д. 25. Л. 22; Д. 586. Л. 27, 30–31; Оп. 13. Д. 814. Л. 118; Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. Л. 27, 30–31, 35–37, 77; Оп. 13. Д. 814. Л. 118].

Некоторые конфликты сельчане старались урегулировать с помощью третейского посредничества, которое продолжало неофициально бытовать в 1940–1950-е гг., хотя бы в незначительной степени. Так, на одном из собраний парторганизации Северной Осетии говорилось, что «есть случаи, когда отдельные люди пытаются культивировать примирение кровников путем выплаты компенсации и организации большого хиста, т. е. поминок». Было частым примирение и при похищении девушек. Как только случалось похищение, в семью девушки шли, судя по архивным данным, ходатаи или по-осетински минавардтее (родственники и соседи похитителя), которые начинали вести переговоры с родственниками девушки о браке и размере калыма. Чаще всего девушка и ее родители соглашались на брак.

В этом случае если ко времени примирения уже было возбуждено уголовное дело, то дело закрывалось.

Такая правовая практика сохранялась в осетинском обществе вплоть до 1990-х г., когда изменения общественно-политических и социально-экономических условия в стране, и в том числе в республике, привели к появлению новых черт в общественной правовой идеологии и правовой практике в республике Северная Осетия.

2.3. История кровной мести на Северном Кавказе

Установление советской власти на Северном Кавказе, и связанные с этим социально-экономические и политические изменения в значительной степени повлияли на увеличение конфликтов в горских обществах: с одной стороны, возросло количество спорных ситуаций, ранее имевших незначительное распространение, с другой стороны, возникли новые, не свойственные горским обществам конфликты. Земельные конфликты в 1920-е г. стали едва ли не главной причиной большинства происходивших спорных ситуаций. В основе этих конфликтов лежала борьба северокавказских народов за передел земель. Эта борьба проходила как на личном уровне, когда отдельные сельчане, пользуясь отсутствием сильной сельской и областной администрации, проводили самовольные захваты земель, так и на государственном, когда властные структуры отдельных северокавказских регионов пытались получить земли соседних народов с помощью признания своих прав на землю или в Северокавказском земельном управлении, или в центральных органах советской России.

Другой распространенной формой имущественного ущерба оставалось ранение или убийство животных [ЦГА КБР. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 19, 20, 30]. И наконец, кражи, главным образом скота, продолжали быть серьезным имущественным преступлением [ЦГА КБР. Ф. Р.-183. Оп. 1. Д. 239. Л. 116]. Горцы стали чаще совершать кражи у своих же сельчан, даже

у соседей и близких родственников, например, у двоюродных братьев. Появилась новая форма воровства, а именно кражи, совершаемые вооруженными бандами [ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Л. 236 об.; Д. 111. Л. 492; Д. 63. Л. 54, 74, Оп. 3. Д. 17. Т. 1. Л. 120; Т. 2. Л. 203–210; Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 11. Л. 171, 187, 230; Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–22]. В 1920-е годы осетины стали объединяться в небольшие группы, в количестве 5–7 чел., для совершения не просто обыкновенной кражи скота, а вооруженных ограблений, которые сопровождались убийствами хозяев украденного имущества и скота.

В 1920-е г. наблюдалось огромное количество конфликтов, происходивших между общинниками, с одной стороны, и представителями советской сельской администрации, с другой. Новым явлением для внутрисельской жизни стали групповые столкновения на политической почве, когда одна часть сельчан поддерживала советскую власть, а другая была против. Драки обычно происходили между общинниками и представителями советской администрации в селении. Так, два брата из осетинского сел. Дзагепбарз избили секретаря парторганизации за то, что тот исключил одного из братьев из партии [ЦГА РСО-Алания. Ф. 166. Оп. 2. Д. 13]. Отметим, что драки, во время которых наносился незначительный ущерб, в этот период стали редким явлением. Чаше они заканчивались серьезными ранениями или даже убийствами. Увеличилось количество убийств. В Осетии в 1926 г. 45 % всех преступлений, зарегистрированных в области, составляли похищения девушек [ЦГА РСО-Алания Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 55. Л. 7; Ф. 166. Оп. 1. Д. 26, 31; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 26. Л. 156, 220 об.; Д. 2; Ф. 166. Оп. 1. Д. 17, 18].

Часто кровная месть происходила во время или после совершения похищения девушки [ПМАП, сел. Сурхахи, информатор – А. Э. Аушев, 1890 г. рожд.]. Приведем примеры. В 1921 г. житель ингушского сел. А. пригласил к себе на прополку кукурузы родственников (сына своей родной сестры, т. е. своего племянника, и племянницу жены). Во время работы молодые люди познакомились, полюбили друг друга, вскоре девушка забеременела. Юноша не знал,

что делать: похитить девушку, даже с ее согласия, было невозможно, так как за нее в ответе оказался бы дядя. И юноша застрелился. На выстрел сбежались люди, раздались плач и вопли женщин. Девушка, не сумев перенести потери любимого, последовала его примеру. Две трагические смерти подняли на ноги все селение. Члены тейпа девушки объявили «двойную» кровную месть членам тейпа молодого человека — за смерть девушки и за ее «позор» (внебрачную связь) [ПМА, г. Грозный, информаторы — Д. Д. Мальсагов, 1898 г. р., Х. Д. Ошаев, 1898 г. рожд.]. В 1928 г. в чеченском сел. Ведено молодые ребята их двух зажиточных семей поссорились из-за девушки. Один из них нанес другому пощечину, что являлось, по чеченским адатам, серьезным оскорблением, влекущее за собой кровопролитие. Начались враждебные отношения между семьями поссорившихся ребят [ПМАП, сел. Ведено, информатор — М. Дадаев, 1882 г. рожд.]. Случаи похищения девушек продолжались и в 1930–1940-е гг. В сел. Ачхой Мартановского района (Чечня) Д. Б. ухаживал за дочерью Н. Д. Но девушку вопреки ее желанию выдали замуж за другого. Д. Б. был «оскорблен». Через некоторое время произошла кровная месть. В нетрезвом виде Д. Б. подошел к дому Н. Д. и стал стрелять, в результате чего ранил вторую дочь хозяина Н. Д. Н. Д. схватил ружье и убил Д. Б. Между семьями началась кровная вражда [ПМАП].

Горцы по-прежнему не вполне разделяли причинение физического и имущественного ущерба, в силу чего могли применить одну и ту же форму мести к обоим видам ущерба. Иными словами, месть не всегда была эквивалента причиненному в исходном конфликте ущербу. Так, за причиненный имущественный ущерб, например, кражу, поджог, потраву вспаханного поля, потерпевший стремился нанести виновному некоторый физический ущерб [ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 47. Л. 92; Оп. 3. Д. 36. Л. 6–8; Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 41, 47 об. — 48 об., 87].

В 1920-е г. правила определения объекта и субъекта мести не изменились. У адыгов объектами мести становились преимущественно сами виновные в исходных конфликтах

[ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 47, 98. Л. 61; Д. 47. Л. 92; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 6; Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 15]. У осетин чаще всего месть совершалась либо над самим виновным в убийстве, либо над его братом [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58, 75; Ф. 161. Оп. 1. Д. 1, 22, Ф. 166. Оп. 1. Д. 14, 28, 33, 58; Ф. 166. Оп. 1. Д. 8, 6, 37, 38, 24, 75]. В эти годы объектом мести могла оказаться и женщина. Так, в 1931 г. житель селения Кашкатау нанес односельчанину хозяйственный ущерб. Последний убил виновного в нем. Через год родственники убитого совершили покушение на жену убийцы [ЦГА КБР. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 504]. В селении Старый Урух осетин убил кабардинца, родственника председателя исполкома. Последний, собрав своих родственников и друзей, в отместку избил группу осетин, состоявшую не только из мужчин, но и из женщин [ФП ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 41, 47 об. — 48 об., 87]. Подобные случаи известны в других регионах Северного Кавказа. Так, один осетин убил и ограбил ингуша. Брат потерпевшего М. Яндиев убил и самого виновного, и его тетю [ФП ЦНА РСО-Алания. Ф. 166. Оп. 2. Д. 26]. Новым явлением для правовой практики в северокавказских обществах 1920-х годов стало появление редких случаев совершения мести женщинами.

Отметим, что в 1920-е г. далеко не все горцы, являвшиеся кровниками, соблюдали этикет избегания кровников. Так, в одном прошении родственника убитого кабардинца указывалось, что убийца «не только не желает выполнить обычай и будучи соседом не старается не встречаться и давать по обычаю дорогу, а напротив своими действиями постоянно раздражает мою семью и родственников как бы вызывая их на кровную месть» [ЦГА КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131]. Именно во время случайных встреч кровников, а иногда и оскорбительного поведения виновной стороны во время этих встреч происходили убийства [ЦГА КБР. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 115-115 об.; Д. 22]. Так, один осетин Е. не велел своему кровнику К. ходить по той улице, по которой он каждый день выгонял своих телят в поле, однако кровник не соблюдал эту

просьбу, в результате чего между ними произошло новое столкновения [ЦГА КБР. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 6. Л. 163 об.].

В 1920-е г. адыги начали использовать другую меру ослабления кровнических или враждебных отношений, возникающих после исходного конфликта, обратившись к советской правоохранительной системе. В архивах есть прошения от родственников потерпевших в правоохранительные органы КБАО, в которых содержатся просьбы об аресте виновных в совершении различных преступлений (изнасиловании, убийстве и т. д.).

1950–1970-е гг. В этот период кровная месть не только сохранялась на Северном Кавказе, но в некоторых регионах, например, в Чечне и Ингушетии, даже усилилась, что было связано с возвращением депортированных народов на Родину. По мере возвращения чеченцев и ингушей в родные селения стали восстанавливаться и старые связи, возобновляться прежние взаимоотношения, существовавшие до второй мировой войны, и вместе с тем оживать обиды, нанесенные ранее. У себя на Родине часть чеченцев и ингушей начала вспоминать далекое прошлое, и семьи, в которых в прежние времена был убит кто-то из ее членов, начали делать попытки осуществить кровную месть. В течение 1940-х г. многие семьи, в которых произошло причинение физического или материального ущерба, не были примирены с виновными и его родственниками.

По данным Республиканской примирительной комиссии семей, состоявших в кровнических отношениях, было 314 семей [ПМАП]. Для изучения ситуации, связанной с кровной местью в 1960-е г., мы проанализировали уголовные дела, связанные с совершением кровной мести по отношению к виновным в первичном конфликте, которые проходили через Верховные суды Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балкарской республики [ВС КБР, ВС Ч-И.].

Типология конфликтов, которые вызывали месть, в целом сохранялась в послевоенное время. Непосредственными мстителями являлись либо сами пострадавшие, либо их ближайшие родственники. В этот период кровомститель

и ответчик могли быть из одной и той же фамилии [ВС КБР. Д. 2-53. Л. 310-331]. Возраст субъектов мести был таким: от 20 до 30 лет — 10 чел., от 31 до 40 — 8 чел., от 41 до 50 — 3 чел., от 51 до 60 — 2 чел., старше 60 — 1 чел. Принцип талиона при совершении мести сохранялся. Убийство как ответная реакция использовался, как правило, тогда, когда в исходном конфликте также произошло убийство [ВС КБР. Д. 4-Н-65, 2-29, 21-05-22, Т. 1-2]. Если в исходном конфликте произошло изнасилование, измена или прелюбодеяние, то в качестве кровной мести виновного в этом мужчину могут убить, но чаще подвергают телесным наказаниям. Но стали появляться новые, не прямые формы мести [ПМАБ. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; 25, Тетр. 1. Оп. 2. Д. 5]. Так, после драки или нанесенного оскорбления виновного могут опозорить во время какого-либо торжества. Например, ему не дают произнести тост или во время тоста говорят о нем плохо и т. д. [ПМАБ. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18]. Или другой пример. Если представители одной фамилии оказались в руководстве колхоза, то они могли вредить свои противникам, используя свои властные полномочия. Враждующие стороны могли создавать группировки, которые проводили клеветнические кампании друг против друга. Одной из распространенных форм некровной мести стало лжесвидетельство [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 62, 65-66].

Объектом мести обычно становится либо сам виновный, либо его близкий родственник, например, брат, в редких случаях — дальний родственник [ВС КБР. Д. 4-Н-65, 2-29, 21-05-22, Т. 1-2]. У адыгов субъектами мести, как правило, являлись мужчины: родные братья потерпевшего, сыновья и дяди. В 1960-е г. в различных регионах Кавказа и Средней Азии появилась новая категория лиц, готовых совершать убийства на почве кровной мести, а именно — наемные убийцы.

Горцы продолжали придерживаться некоторых правил совершения мести. Так, сохранялся открытый характер ее совершения. Иногда человек всем рассказывал, что он собирается убить своего кровника [ВС КБР. Д. 4-Н-65, 21-05-22, Т. 1-2, 2-29]. Сохранялись и некоторые внешние атрибуты подготовки мести. У многих народов Кавказа бытовала традиция,

согласно которой человек, давший клятву убить кровника, в знак этого отращивал бороду, которую сбрасывал только после совершения мести. Многие горцы, давая клятву отомстить, использовали различные предметы и вещи (окровавленную одежду, хвост животного, оружие и т. д.) и хранили у себя как залог, обязывающий совершить месть.

Конфликтующие стороны, считающиеся кровниками, продолжали соблюдать этикет кровников. Они не здоровались и не общались между собой, старались не встречаться в общественных местах [ПМАБ. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2; Оп. 2. Д. 2; Оп. 6. Д. 1]. Несоблюдение данной традиции могло вызвать совершение кровной мести. Так, в селении Куба во время похорон встретились кровники: убийца и сын потерпевшего. Первый, видя кровника, не только не ушел в другое помещение, а наоборот, начал оскорблять парня. В результате сын потерпевшего не смог сдержать своих чувств и убил кровника [ВС КБР. Д. 21-05-22, Т. 1-2].

2.4. Примирительные комиссии на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг.

Установление советской власти на Северном Кавказе повлекло за собой и модернизацию правовой системы в регионе. До революции Российская империя осуществляла постепенную модернизацию судопроизводства на Северном Кавказе, во многом сохраняя традиционную правовую систему. В первое десятилетие становления советского строя в регионе происходило постепенное внедрение нового правового порядка. Введение советского законодательства на Северном Кавказе, безусловно, осложнялось бытованием в горской среде традиционного правового менталитета: наказания, устанавливаемые советскими судебными органами, часто не удовлетворяли северокавказцев. Случалось, что родственники потерпевшего ждали возвращения убийцы из тюрьмы, что с ним «расправиться» самостоятельно, т. е. совершить кровную месть. Например, в ингушском сел. было совершено убийство.

Виновного М. Д. осудили и посадили в тюрьму. После отбывания срока виновный вернулся в свое селение. Однако между ним и его семьей, с одной стороны, и фамилией потерпевшего, с другой, установились кровные, враждебные отношения: кровники постоянно преследовали виновного [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-111, Д. 2, Л. 11.]. Следовало обратиться к традиционному примирению. Поэтому советские и партийные органы решили взять на себя функции посредников — примирителей, для чего были созданы специальные советские комиссии для примирения кровников практически на всем Северном Кавказе. В предлагаемом разделе мы проанализируем этот процесс на примере республик Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и выявим основные модели правовой модернизации в 1920–1930-е гг.

Ингушетия. Первая примирительная комиссия на Северном Кавказе была создана в 1920 г. — в Ингушетии. Она занималась разбором и примирением конфликтов во всем Назрановском округе. Проработала она до конца 1923 г. [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 29. Л. 8]. Рассмотрим правила, по которым она работала. Во-первых, в состав комиссии входили не выбранные враждующими сторонами авторитетные люди, а члены существовавших еще до революции адатных и шариатских судов [ЦГА Ч-И АССР. Ф. 158. Оп. 1. Д. 14. Л. 11, 13]. Во-вторых, члены комиссии получали от советской власти небольшую зарплату и «довольствие» (которая, правда, не всегда вовремя выплачивалась) [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 36. Л. 251, 252; Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 246. Л. 7 об.]. В-третьих, комиссиям разрешалось руководствоваться нормами адата и отчасти шариата. Поэтому в эти годы примирение кровников с помощью примирительной комиссии сопровождалось уплатой определенной суммы денег потерпевшей стороне, а также уплатой «позора» девушки (в случае совершения изнасилования) — половина стоимости «крови». В качестве примирения использовалась и другая мера — переселение убийцы и его ближайших родственников в другие селения

на постоянное жительство [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 134. Л. 277; Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 293. Л. 70].

Во многих решениях Примириательной комиссии Назрановского округа мы находим подтверждение того, что действительно при урегулировании конфликтов она обращалась к нормам обычного права, в частности, по делу примирения А. и Х. с Е., где потерпевшая сторона была «удовлетворена» выплатой тоама, согласно норме, утвержденной. После получения примиренческих денег Комиссия просила обе стороны предоставить расписки о состоявшемся примирении и получении компенсации [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 28. Л. 140–142]. Советские органы стремились оказывать максимум «содействия» Примириательной комиссии. До начала примирительной процедуры следственные органы проводили расследование дел, особенно в сложных случаях [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 25. Л. 93].

Хотя советские Примириательные комиссии во многом продолжали традиционное медиаторство, тем не менее, советские и партийные органы власти Чечни и Ингушетии понимали разницу между традиционным (адатным) посредничеством и созданными ими Примириательными комиссиями. Поэтому они вводили различные санкции, направленные на то, чтобы «заставить» враждующие стороны примиряться с помощью советских комиссий. Так, мы видим в архивных материалах, что в Ингушетии всякий шаг, направленный на дискредитацию работы Примириательной комиссии, пресекался. Если кто-то отказывался мириться в комиссии, его подвергали аресту [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 34. Л. 68].

Советские и партийные органы власти проводили большую работу среди родственников виновного в убийстве, а также общества в целом. Например, случалось так, что, скрываясь от органов власти, убийца тайно посещал своих родственников, знакомых, находил у них поддержку и помощь. Если человек после совершения убийства скрылся от следственных органов и советской власти, органы внутреннего управления делали милиционерам соответствующие

предписания, как это имело место в сел. Галашки (Ингушетия): «если убийцы скрылись, описать все их имущество, сдать на хранение благонадежным гражданами, а населению Галашек объявить, что если они будут способствовать сокрытию убийц или их имущества от описи, то за это ответят всем обществом» [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 96].

Население, находившееся в кровной вражде, прибегала к помощи Примирительной комиссии иногда добровольно, а иногда и «добровольно-принудительно»: советские и партийные органы предупреждали родственников потерпевшей от кровной мести стороны, что их дело передано на рассмотрение в Комиссию и в случае каких-либо шагов к самовольному его разрешению (т. е. примирению вне рамок Комиссии) или совершению акта мести, они будут наказаны [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 134. Л. 277]. Приведем примеры. В документе от 1 декабря 1921 г., адресованному начальнику Назрановской окружной милиции, читаем: «Препровождая рапорт Председателя комиссии по примирению кровников от 3 декабря с. г. по делу о примирении гр. О. с К., предлагаю взыскать по норме, определенной Комиссией, в пользу потерпевшего К. сумму» [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-183. Д. 28. Л. 140]. Таким образом, в данном случае власти применяли два вида санкций: опись имущества семьи виновного и введение ответственности всего общества за сокрытие убийцы.

Чечня. В Чечне «Специальная Центральная комиссия по ликвидации последствий кровной мести путем примирения враждующих на почве кровной мести сторон была создана значительно позднее — в 1926 г. и работала она до 1929 г. [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 108. Л. 68]. Комиссия включала в себя 7 чел. — представителей советских и партийных органов (председатель — Ахмад Тучаев) [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-264. Оп. 1, Д. 293. Л. 70].

Правила деятельности данной комиссии были уже совершенно другие, чем в начале 1920-х г. в Ингушетии. Во-первых, ее членами должны были стать советские чиновники (члена Областных исполнительных комитетов, председатель

районного Исполкома, начальники окружной или районной милиции). Таким образом, члены комиссии не выбирались враждующими сторонами. Они не пользовались авторитетом для кровников. Во-вторых, каждый член комиссий имели право на получение зарплаты (500 руб.) [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-58, Д. 9. Л. 64]. И наконец, комиссия не назначала выплату компенсаций за причиненный физический или материальный ущерб (как это было до революции), а требовала примирения без выплат, требуя лишь расписки от конфликтующих сторон. Во многом это было формальное примирение. По сути, чеченская Примирительная комиссия лишь отчасти напоминали дореволюционный примиренческий процесс. В советское время в процедуру примирения в Чечне уже входило наказание виновного по советским законам.

Тем не менее, изучение архивных материалов по данному примирительному процессу в Чечне позволяет нам сделать вывод, что в практике работы Примирительной комиссии в Чечне подобного рода требования о наказании по советским законам все же составляли исключение. В то же время этот документ свидетельствует о больших изменениях, которые произошли в сознании народных масс с начала 1920-х г. к 1926–1927 гг., а именно — в предпочтении, оказываемом законам советского государства перед нормами адата и шариата.

Кроме того, советские и партийные органы поставили перед комиссией задачу — вернуть всех кровников в их прежние селения. Крестьяне, преследуемые своими кровниками, в силу укоренившегося обычая, как правило, переселялись в другие аулы, тем самым нарушали «структуру хозяйства» [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 293. Л. 99–100]. Таким образом, советские и партийные органы в Чечне выступили против одной из нормы адата — добровольного или принудительного переселения семьи виновного в другое селение на постоянное или временное жительство.

Чеченская примирительная комиссия, также как и Ингушская, изучала обстоятельства конфликта, потом

приглашала обе стороны на совместную встречу, посылая им извещения о дате встречи. Как правило, сбор происходил у здания сельского совета. В извещении указывалось, что неявка участников конфликта будет рассматриваться как уклонение от примирения и наказываться согласно Уголовному кодексу РСФСР. Неявка вызывала санкции: «удаление из пределов данной местности с конфискацией или без конфискации части имущества» [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Приведем статистику рассмотрения сложных дел в Примирительной комиссии в Чечне: по данным на 1927 г. в 11 округах Чечни (кроме Галанчожского и Надтеречного), было зафиксировано 319 случаев совершения кровной мести. В 1926–1927 гг. Комиссия наиболее плодотворно работала в двух плоскостных округах Чечни — в Шалинском и Урус-Мартановском, в результате чего ей удалось примирить 107 семей, находящихся в кровных отношениях [ЦГА Ч-И АССР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 293. Л. 70; Д. 46. Л. 37].

На процедуру примирения обычно созывалось все жители селения. За порядком следила милиция. Вначале выступали члены Примирительной комиссии, которые разъясняли значение акта примирения и призывали кровников примириться. Далее выступали односельчане, присутствовавшие на сходе. Затем происходила следующая процедура: убийца пожимал руку ближайших родственников потерпевшей стороны. Пожатие рук происходило у стола, где заседала Комиссия. Каждый член фамилии преследующей стороны при этом громко произносил: «Ради советской власти, перед лицом народа, я навсегда прощаю тебе, — за себя и за свое потомство». После такой церемонии Примирительная комиссия составляла акт о примирении. Безусловно, как показывают полевые этнографические материалы, примирение без предоставления выкупа редко были успешными. Враждующие стороны по-прежнему стремились урегулировать свои отношения с помощью выплаты компенсации за причиненный физический ущерб.

Кабарда и Адыгея. Первый этап становления советского судопроизводства в Кабарде и Адыгее характеризовался созданием формального (видимого) компромисса между советскими судебными органами и религиозно-адатным судопроизводством. В основе данной правовой политики была идея постепенной замены традиционных юридических институтов, основанных на адате и шариате, на новые, базирующиеся на советском законодательстве. Этот процесс включал сохранение на первом этапе медиаторского суда, основанного на адате [Бабич 2000]. В Кабарде и Адыгее вначале не только не были созданы новые Примириательные комиссии, а были оставлены дореволюционные медиаторские суды как официальные судебные органы (до 1925 г.). Как видно из архивных данных, наибольшее количество рассматриваемых медиаторскими судами дел приходилось на 1918–1922 гг. [ЦДНИ КБР. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 58–59; Д. 25. Л. 5, 12–14, 18–19; Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 64; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178; Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134 об.; Д. 1. Л. 5–7; Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 6. Л. 291; Д. 3. Л. 97, 102; Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–10; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 17, 18. Л. 1–38].

Уменьшение количества разбираемых медиаторами дел было связано с введением в 1922 г. в Кабарде и Адыгее советских народных судов, в которые, согласно инструкциям советских судебных органов, должна была быть передана основная часть уголовных дел подведомственных ранее медиаторским судам [ЦДНИ КБР. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 72; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 212]. Если до 1922 г. эти суды разбирали все виды уголовных дел, то после 1922 г. — только те, которые были связаны с причинением неумышленного физического ущерба.

Тем не менее, на практике и после 1922 г. медиаторские суды продолжали рассматривать все дела, связанные с причинением имущественного и физического ущерба, в том числе и умышленного, однако в ряде случаев записи о таких судебных процессах не велись [ЦДНИ КБР. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 12–14, 18–19; Д. 17. Л. 72].

В 1920-е г. в Кабарде и Адыгее советский медиаторский суд состоял из 3 чел.: двух медиаторов (по одному от каждого

участника рассматриваемого конфликта) и одного посредника. Как и в пореформенной адыгской общине, если рассматриваемое дело было сложным и запутанным, медиаторский суд включал в себя уже не 3, а 5 чел.: по два медиатора от каждой стороны и одного посредника. Такие случаи описаны в архивных материалах. При выборе членов суда у адыгов сохранялась традиция выбирать на должности медиаторов уважаемых людей. Как видно из архивного материала, в этот период в состав медиаторского суда часто включали эфендия квартальной мечети [ЦДНИ КБР. Ф. Р-126 Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 102; Д. 6. Л. 291; Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 12–14, 18–19; Д. 17. Л. 62, 72; Д. 7. Л. 1–10; Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134 об.; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178].

В целом, анализ деятельности медиаторского суда в Кабарде и Адыгее в 1918–1925 гг. показывает, что он сохранял основные нормы ведения судебного процесса и применения уголовных адатов. Тем не менее, можно говорить о значительном сокращении сферы его применения. Многие описанные выше конфликты в тот период не были урегулированы с помощью медиаторов. Ограничение деятельности медиаторских судов со стороны советской администрации было главной, но не единственной причиной этого явления. Имели место конфликты, которые медиаторам не удавалось урегулировать по разным причинам, в том числе и по неспособности судей найти компромиссные решения, и по отсутствию действенных санкций со стороны общины и российской администрации, направленных на выполнение решений медиаторских судов. Случалось, принятое медиаторами решение не выполнялось: семья потерпевшего не получала положенной им компенсации. До 1925 г. такие семьи пытались, как и в пореформенное время, обращаться за помощью в советские судебные и административные органы, которые, в отличие от российской пореформенной администрации, не взяли на себя исполнение приговоров медиаторских судов. При слабости общинных санкций и отсутствии таких санкций со стороны советских органов власти в 1920-е г. медиаторский суд во многом потерял свою эффективность.

Приведем пример: дело об убийстве сельчанина — кровника шестью братьями. Дело было рассмотрено медиаторами, которые применили к виновным довольно жесткие меры наказания, поскольку было совершено убийство на почве кровной мести. Медиаторы приняли решение о выплате компенсации в размере 180 тыс. руб. (по 30 тыс. руб. с каждого из шести участников конфликта) и об их выселении на жительство в другое селение. Однако виновные и их медиаторы отказались подписать такое решение. Дело осталось незаконченным [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178]. Наконец, случилось, что потерпевшая сторона предпочитала обращаться не в медиаторский, а в советский народный суд. Известно, что эти суды по-разному оценивали некоторые преступления. Суд медиаторов при рассмотрении дел о неумышленных ранениях или убийствах назначал выплату денежной компенсации, а советский суд оправдывал виновного [ЦДНИ КБР. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 7; Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 490]. Поэтому некоторые виновные в причинении неумышленного физического ущерба отказывались выплачивать компенсацию и обращались в советский суд и правоохранительные органы с тем, чтобы они, во-первых, оправдали их, а, во-вторых, защитили их от возможного совершения над ними мести, если они не выплатят компенсацию [ЦДНИ КБР. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 163. Л. 2-36; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 366. Л. 5]. Такая позиция в отношении к традиционному и советскому праву, безусловно, свидетельствует о частичном изменении правового сознания у адыгов.

Первые попытки северокавказской администрации ликвидировать медиаторский суд в Кабарде и Адыгее появились в 1923 г. Советская администрация начала применять в своей деятельности адыгский институт посредничества. Так, в 1921 г. во время похищения невесты произошло убийство кабардинца. Областная администрация собрала в г. Нальчике представителей населения от Кабарды, Балкарии и русских селений КБАО. На собрании родственники убитого кабардинца — члена ВКП(б) — дали клятву примирения. Они обязывались не совершать кровной мести в отношении

родственников убийцы. Все участники собрания подписали примирительный документ. Это собрание — прообраз созданных позже примирительных комиссий и административных коллегий [ЦДНИ КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 603].

Примирительные комиссии должны были создаваться по инициативе местной администрации для рассмотрения конкретного конфликта. В архиве мы обнаружили материалы о Баксанской примирительной комиссии. Она состояла из шести человек и рассматривала дела по кражам в сел. Верхний Баксан, применяя к виновным норму адата о возвращении стоимости украденного. Позже подобные комиссии создавались при советских народных судах. Перед тем как подать документы на рассмотрение дела в народный суд, участникам конфликта следовало обратиться в примирительную комиссию, которая в течение 15 дней пыталась их примирить [ЦДНИ КБР. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 201. Л. 1; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 234. Л. 93].

Административные коллегии в Кабарде были введены в 1923 г. Согласно постановлению, эти коллегии должны были состоять из трех человек. Они получили право разбирать имущественные споры на сумму не более 25 руб. и мелкие уголовные дела. Жалобы на решение административных коллегий могли подаваться в советский народный суд. Данный судебный орган просуществовал около года. В своей практической деятельности, как свидетельствуют архивные материалы, он рассматривал в основном дела, связанные с кражами [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 136; Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 11. Л. 117].

В 1924 г. по постановлению прокуратуры РСФСР административные коллегии заменялись третейскими судами. Как видно из материалов заседаний бюро областного комитета Кабардино-Балкарии, местными партийными работниками было принято решение о сохранении административных коллегий, проведя лишь их переименование. Основное юридическое различие между прежними административными коллегиями и новообразованными третейскими судами заключалось в том, что последние не имели права разбирать даже мелкие уголовные дела. Третейский суд состоял из трех

человек и создавал по просьбе участников конкретного конфликта. По окончании суда составлялся документ — третейская запись [ЦДНИ КБР. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 9-10; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 51. Л. 25; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 80. Л. 226].

С конца 1923 г. в Кабардино-Балкарии начались первые попытки ликвидировать медиаторские суды. Было принято непродуманное и невыполнимое решение, согласно которому все рассмотренные с 1918 по 1923 г. в медиаторских судах дела должны передаваться в советские народные суды для их пересмотра на основе норм советского законодательства. Вскоре это решение было отменено и прокуратура КБАО приняло секретный циркуляр N 294, согласно которому все совершенные кабардинцами до 1924 г. уголовные преступления не подлежали пересмотру в советских народных судах [ЦДНИ КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-7].

Однако медиаторские суды в тот период еще не были ликвидированы. В течение 1924–1925 гг. они существовали полуполюгально: при официальном их запрете областной администрацией и с разрешения местных сельских органов советской власти. В 1925 г. двухгодичный период полуполюгального существования медиаторского суда в Кабарде и Адыгее закончился [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 14. Л. 236]. В циркуляре Баксанского окрисполкома говорилось: «Окрисполком неоднократно замечал, что в селениях округа до настоящего времени допускается разбор споров граждан медиаторским решением. Усматривая ненормальность подобных явлений, окрисполком категорически воспрещает допущение сельским исполкомам разрешать споры граждан медиаторскими решениями, а таковые направлять по подсудности в судебные учреждения, как-то сельские административные коллегии Нарсуда и т. д. Исполнение сего возлагается на личную ответственность председателей сельских исполкомов и их заместителей». Областная администрация создала специальную Инспекторскую комиссию, которая начала проводить регулярные проверки случаев обращения адыгов к медиаторам [ЦДНИ КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 77. Л. 6; 7, Оп. 1. Д. 18. Л. 20-21].

Однако в 1926 г. вышло постановление центральных российских органов власти, согласно которому региональным администрациям разрешалось возрождать суды по адату. Тем не менее областные партийные лидеры и юристы Кабардино-Балкарии отказались это сделать. Так, председатель Областного суда Я. Вержбицкий указывал, что в КБАО суды, применявшие адат как пережиток старого быта, уже изжиты и возрождать их не следует. Секретарь обкома партии Кабардино-Балкарии Б. Калмыков в письме, направленном в Отдел национальностей при Президиуме ВЦИК, сообщал о нецелесообразности возрождения адатных судов в этой области [ЦДНИ КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 130. Л. 72, 75, 77–81]. С 1926 г., как мы видим из секретных партийных циркуляров, медиаторские суды в Кабарде и Адыгее приобрели скрытую форму [ЦДНИ КБР. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 156. Л. 2].

Осетия. В Северной Осетии членами медиаторских судов численностью от 5 до 9 чел. (3 чел. — от потерпевшей стороны, 2 чел. — от виновной) становились, как правило, старшие по возрасту сельчане (60–70-и лет), пользовавшиеся авторитетом в своей общине. В редких случаях, когда конфликт был затяжным, медиаторами становились почетные осетины из других селений. Любопытно, что в осетинском обществе различались посредники, минавар лаг, т. е. те, кто в составе делегации посещали дом потерпевшего и просили дать согласие на урегулирование конфликта с помощью медиаторов, т. е. тархони лагтае [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3 об. — 4, 39; Д. 75. Л. 51; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об. — 28; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об.].

Медиаторы выносили медиаторское решение. Приведем пример подобного решения, датированного 5.05.1921 г., в котором говорилось следующее: «мы нижеподписавшиеся, выборные медиаторы... рассмотрели убийство Н. К. по примеру наших предков при примирении кровников и по Постановлению Беслановского съезда обсудив всесторонне постановили: уплатить родственниками убийцы Туоевыми...» В конце медиаторского решения приводились фамилии медиаторов [ЦДНИ КБР. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 39].

Если медиаторский суд разбирал дело, связанное с причинением незначительного физического ущерба, вначале судьи назначали виновному оплатить услуги лекаря, предоставить потерпевшему финансовую помощь в приеме тех гостей, которые будут навещать его во время болезни, и лишь затем определялось выплата компенсации. Услуги лекаря оценивались дорого. Так, в одном архивном деле указывается, что виновный отдал лекарю за лечение потерпевшего одного быка и 10 мер кукурузы. Недешево для виновного обошелся и прием больным гостей. Для приема гостей он принес в дом потерпевшего, как сказано в архивном источнике, 1 пуд керосина, 5 кусков мыла, новую простынь, 3 фунта сахара, $\frac{1}{8}$ фунта чая, 2 воза дров, 1 пару исподнего белья, $\frac{1}{2}$ пуда пшеничной муки первого сорта. Помимо этого, виновный обязан был в течение месяца каждые два дня приносить по одному барану. Если физический ущерб был причинен в период полевых работ и потерпевший не мог сам их выполнить, то виновный нанимал за свой счет работника для их выполнения. По данным на 1920 г., размер компенсации за причинение ранения составлял 100 тыс. руб. Медиаторы, принимая решение о компенсации, определяли и сроки ее выплаты, которые могли быть продолжительными, вплоть до двух лет. После выздоровления потерпевшего виновный устраивал традиционный ужин, примирительное угощение. Во время этой церемонии семья виновного дарила потерпевшему лошадь или корову [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 22. Л. 19, 28, 33, 102 об.; 6, Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 58–59, 9, Ф. 8 Оп. 1 Д. 212; ЦГА КБР. Ф. Р-126 Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 102].

Остановимся на ритуале примирения у осетин. Сразу же после происшедшего убийства виновный старался скрыться и прислать посредников для примирения. Процесс примирения можно разделить на четыре этапа. Во время первого этапа взрослые члены фамилии виновного должны были отправиться на могилу убитого сельчанина и послать гонца в дом потерпевшего с вестью об этом. Если семья потерпевшего согласна была мириться, тогда старшие фамилии потерпевшего давали согласие на появление этой делегации

во дворе дома убитого. Как свидетельствуют архивные материалы, такое согласие давалось не сразу. Были случаи, когда фамилия виновного ждала по 1–2 суток на кладбище с надеждой, что родственники потерпевшего согласятся мириться. Во время второго этапа делегация численностью от 100 до 400 чел. во главе с посредниками шла в дом семьи потерпевшего, становились перед ними, как требовал обычай, на колени и просили помириться. Эта традиция сохранялась и в 1940-е годы [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3 об – 4; Д. 75. Л. 51; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 8. Л. 70 об.].

Если не удалось уговорить родственников потерпевшего примириться с первого раза, то делегация могла прийти еще раз. Как свидетельствуют материалы одного дела, медиаторы пытались примирить конфликтующие стороны в течение 23 лет. 8 раз посредники приходили мириться. На третьем этапе проводилось заседание медиаторов, на котором определяли размер компенсации. Чаще всего это происходило на нихасе — месте на улице, где собирались и проводили свободное время сельчане [ЦГА КБР. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 149].

Затем после выплаты компенсации виновный совершал ритуал примирения: он обращался к родственникам убитого, как указано в архивном деле, «с повинной головой», просил прощения, и родственники потерпевшего принимали его «как сына». Виновная сторона устраивала примирительное угощение и дарила семье убитого лошадь трех лет. После этого у осетин виновная сторона должна была поставить памятник потерпевшему [ЦГА КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134 об.; 3, Д. 74. Л. 39; Д. 75. Л. 44 об, 46].

Дореволюционные осетинские третейские суды, не подержанные российско-имперской властью, к 1920-м годам в Осетии в значительной степени утратили свои регулятивные функции. Несмотря на то, что сельские осетины стремились примирить всех противников, сельчанам редко удавалось уговорить конфликтующие стороны примириться. Часто для этого требовались годы. Так, в одном случае

сельчанам удалось примирить стороны только через 8 лет, в другом — через 19. Однако и после совершения примирения кровная месть могла состояться [ЦГА РСО-Алания. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об, 111, 112, 147 об.]. В результате к этому периоду в Осетии оказалось много фамилий, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и третейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивность между людьми и изменить сложившийся в этот период конфликтную ситуацию. Как свидетельствуют осетинские архивные материалы, в 1930-е годы имелись случаи, когда уже после того, как состоялось традиционное примирение с помощью посредников и была выплачена компенсация за физический и даже имущественный ущерб, кровная месть все же совершалась [ЦГА КБР. Ф. 166. Оп. 1. Д. 37].

В результате к 1920–30-м гг. в Осетии оказалось много фамилий, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и третейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивность между людьми и изменить сложившийся в этот период конфликтную ситуацию.

Традиционное примирение. Примирительные комиссии в 1930–1940-е гг. Функционирование суда по адату в период коллективизации и первые десятилетия после ее окончания, к сожалению, не может быть определенно установлено. В 1930–1940-е годы в чеченском и ингушском обществах наблюдалось сочетание традиционного и советского методов примирения при урегулировании конфликтов, связанных с убийствами и возможной в дальнейшем кровной мстью. Опишем случаи в их жизни народов этого периода. Как указывалось выше, в 1930 г. в сел. Ачхой Мартановского района (Чечня) отец девушки, которую ранил обидчик (за него не выдали старшую дочь отца), убил его. По обычаю Н. Д. покинул село, чтобы избежать кровной мести. Была образована Примирительная комиссия, которой удалось примирить стороны — фамилии Д. Б. и Н. Д. Брат убитого — Б. Б. сказал: «Я никаких враждебных чувств к Н. Д. не имею» [ПМАП].

В 1922 г. в сел. Гехи (Чечня) в результате ссоры между сельчанами был убит А. М. Убийца О. А. не мог добиться согласия родственников убитого на примирение. В мае 1934 г. отец А. М. наконец-то согласился. Он сам объявил убийце и его родственникам, что он прощает им «пролитую кровь». Состоялось примирение, причем без уплаты примиренческих. Подобные примеры зафиксированы нами и в других сел.: Н. Ачалуки, Яндырка, Сагопши (Ингушетия). В 1915 г. в сел. Урус-Мартан (Чечня) во время совершения кражи чеченец Д. случайно убил женщину, которая к тому оказалась беременной. Кровная вражда длилась годами: в 1932 г. Д. был убит. После этого убийства примирение между сторонами все же состоялось: враждующие стороны были примирены без уплаты каких-либо дополнительных выкупов, штрафов и т. д. [ПМАП].

Мы располагаем полевыми этнографическими данными о сохранении практики суда по адату в Кабарде и Адыгее и в 1940-е г. В тот период была окончательно сформирована система двойного урегулирования конфликтных ситуаций: одновременное рассмотрение дела в советском народном суде и обращение к традиционному посредничеству. Так, в одном селении во время кражи кукурузы был убит сторож. Виновного судили в советском народном суде. Родственники потерпевшего решили отомстить семье убийце. В дело вмешались авторитетные старики. Они в качестве медиаторов рассмотрели ситуацию и назначили семье виновного выплату денежной компенсации. Компенсация была выплачена и конфликт урегулирован [ЦДНИ КБР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14]. Похожий пример имел место и в Осетии. В 1929 г. некто Тезиев из селения Кадгарон заколол кинжалом брата своей жены. Все отношения между фамилиями Цаликовых, к которому принадлежали убитый и жена потерпевшего, и Тезиевыми прекратились как между кровниками. Жена тотчас ушла от убийцы. Народный суд осудил его на 10 лет принудительных работ. Освободившийся по истечении срока наказания, Тезиев вернулся в родное селение. Здесь он еще три года работал пастухом, собирая деньги для примирения.

Только тогда, когда он уплатил «цену крови» и устроил примирительное угощение, на которое пригласил семью Цаликовых, отношения кровной вражды между двумя фамилиями прекратились [ПМАГ].

2.5. Модели медиаторства на Северном Кавказе в 1950–1970-е гг.

В конце 1950-х г. судебная политика советской власти по отношению к адату меняется. Сначала в годы хрущевской оттепели, затем в застойные годы советская печать и органы Министерства юстиции заговорили о наличии у северокавказских горцев до революции полезных адатов. Задачей советских судебных органов стало выделение сохранившихся полезных норм адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), их развитие и по-прежнему решительная борьба с вредными адатами (бесправие и забитость женщины, кровная месть).

Цель раздела — на основе анализа уголовных дел Верховных судов Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР в 1950–70-е гг. и выявленных авторами архивных материалов проанализировать формирование моделей медиаторства в исследуемый период. 1950–1970-е годы — наименее изученный период в истории медиаторства на Северном Кавказе.

В 1950–60-е гг. в советской правовой политике и идеологии произошли изменения: с одной стороны, принятый в 1960 г. новый Уголовный кодекс РСФСР значительно ужесточил меры борьбы с преступлениями, совершаемыми на почве кровной мести, и другими пережитками местных обычаев, а с другой, появилось разграничение между полезными и вредными обычаями (или адатами). В этот период во многих сельских районах Северного Кавказа при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста [ПМАБ]. Перед ними стояла задача помогать народным судам и сельсоветам

в поддержании общественного порядка в колхозе (совхозе), регулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности. В Северной Осетии такие советы действовали в нескольких десятках селений на равнине и в предгорьях. В отличие от до-революционных органов сельского самоуправления, которые они внешне копировали, советы старейшин в советских республиках Северного Кавказа играли чисто консультативную роль при местных народных судах и исполкомах сельсоветов. Гораздо большую власть в это время приобрели сельские сходы и особенно старики-примирители, сохранившие знание адатных норм. Наиболее авторитетных мужчин села, чье мнение могло быть принято, стали привлекать в качестве посредников-медиаторов. Власти смотрели на их полулегальное существование сквозь пальцы.

Советские примирительные комиссии в Чечни и Ингушетии. В 1960-е г. советская администрация на Северном Кавказе попыталась вновь возродить примирительные комиссии. Такие комиссии были созданы в Чечне, Ингушетии, Аджарии, Дагестане. В конце 1950-х — начале 1960-х годов в северокавказских обществах наблюдалось своеобразное сочетание традиционных форм примирения и деятельности советских судебных органов власти по урегулированию конфликтов. Однако в эти годы традиционное медиаторство не всегда срабатывало. Иногда после того, как состоялось примирение, все равно совершалась кровная месть, т. е. примирительная функция адата иногда не «срабатывала». Приведем пример. В 1963 г. житель Урус-Мартанского района (Чечня) А. Б. в качестве мести убил Х. Г. и одновременно пытался убить его двоюродного брата М. А., нанеся ему тяжелые телесные повреждения. Дело рассматривалось в советском суде, виновный был осужден, тем не менее чтобы «окончательно примирить» эти фамилии, почетные старики обратились к народным обычаям. Им удалось это сделать, но вскоре конфликт вспыхнул

вновь. Осужденный в советском суде после того, как вышел из тюрьмы, был убит [ПМАП].

Советских и партийных чиновников не устраивало и то, что во время примирения осуществлялись выплаты компенсаций в больших размерах. Это мы узнаем из материалов VIII-й Чечено-Ингушской областной партийной конференции (январь 1960 г.) [Плиев 1968]. В апреле 1960 г. на II-м Пленуме обкома партии председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской республики И. А. Алмазов остановился на деятельности «адатских (медиаторских) судов, основной мерой наказания которых являлись высокие штрафы». Поэтому были приняты меры по изменению ситуации. Республиканские власти создали свои, государственные примирительные комиссии у чеченцев и ингушей, которые контролировались республиканскими органами власти. Многие партийные деятели занялись примирением враждующих сторон. Так, в селе Ново-Чиркей (Дагестан) в 1958 г. в результате личного вмешательства первого секретаря района Алиева было достигнуто примирение между кровниками (чеченцами и дагестанцами), и кровная месть не состоялась. По инициативе директора совхоза в сел. Старо-Юрт (Чечня) были предотвращены два случая кровной мести. В двух враждующих семьях убитого и убийцы выросла молодежь. С ней директор и вел беседы, в результате чего состоялось примирение [ПМАП]. Таким образом, партийные и советские органы решили взять на себя роль «стариков-посредников». Таким образом, традиционное примирение в Чечне и Ингушетии постепенно трансформировалось в «советское посредничество»: иногда это было удачно, иногда нет. Главное отличие советского примирения от традиционного — отсутствие выплаты компенсаций за причиненный физический ущерб.

На упоминавшейся выше VIII-й Чечено-Ингушской областной партийной конференции было принято решение в связи с большим количеством случаев кровной мести организовать Республиканскую и районные примирительные комиссии «по ликвидации кровничества, в задачи коих входит

окончательная ликвидация пережитка кровной мести и примирение враждующих фамилий» [ВС Ч-И АССР]. В Республиканскую комиссию вошло девять человек во главе с заместителем председателя Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР А.-В. Т. Тепсаевым. Членами комиссии стали работники редакции республиканской газеты, профсоюзов, прокуратуры, рабочие, пенсионеры. Таким образом, было нарушено одно из главных адатных правил: посредниками должны быть исключительно авторитетные пожилые люди. Для членства в советской комиссии определяющим был должностной фактор.

Кроме Республиканской комиссии, которая должна была рассматривать дела, касающиеся всей республики, при всех районных и сельских советах были созданы аналогичные комиссии: районные и сельские примирительные комиссии, в чье ведение входило рассмотрение более мелких конфликтов и ссор. В функции комиссий всех уровней входило выявление и примирение кровников, составление соответствующих документов о примирении и т. д.

Примирительные комиссии всех уровней Чечни и Ингушетии сразу же приступили к работе. Прежде всего, ими был составлен список всех имеющихся в пределах Чечено-Ингушской АССР конфликтов, связанных с кровной мстью: всего таких случаев было 314. За период с февраля по ноябрь 1960 г. в Чечено-Ингушетии с помощью Примирительных комиссий удалось примирить практически половину кровников из имеющихся списков (157 конфликтов). Например, в Сунженском районе летом 1960 г. произошло убийство И. В течение двух месяцев 60 человек из фамилии виновного не могли работать в колхозе, так как опасались совершения над кем-либо из них кровной мести со стороны родственников потерпевшего И. Примирительная комиссия активно работала по этому делу и ей удалось примирить стороны [Плиев 2017].

ЦК КПСС выделило 30 тыс. руб. в качестве субсидии для ускорения работы Примирительных комиссий в Чечне

и Ингушетии. Выделенные средства расходовались на обеспечение членов Комиссии транспортом для поездок по селениям.

25 августа 1960 г. состоялось первое заседание Республиканской примирительной комиссии при Президиуме Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Каждый член Республиканской комиссии должен был контролировать «уровень конфликтогенности» в одном из районов Чечни, а председатель Комиссии И. Л. Алмазов занимался общим надзором работы всех районных примирительных комиссий. На этом заседании председатели районных примирительных комиссий отчитывались о проделанной за полгода работе. Так, председатель комиссии в Шалинском районе рассказала, что она приступила к работе лишь 25 апреля. За 4 месяца в районе было выявлено 30 враждующих фамилий. Началась работа с родственниками враждующих сторон, результаты которой были таковы: удалось 9 фамилий примирить, а остальные 21 — дали согласие на примирение. Председатель комиссии в Веденском районе озвучила их успехи: зарегистрировано было 19 враждующих семей: 7 — прошли примирение, а 5 — дали согласие на эту процедуру. В Советском районе из 36 выявленных враждующих семей только две были примирены и две подготовлены к примирению. Наибольшее количество враждующих семей — 87 было зарегистрировано в Ачхой-Мартановском районе. В этом же районе обнаружили самые плохие показатели по примирению: только в 8 случаях оно было успешно достигнуто.

Через четыре года — по данным на 1 июля 1964 г. успехи районных примирительных комиссий были таковы: всего в Чечне было примирено 424 враждующих между собой фамилий, по данным на 1 января 1965 г. — таких семей было уже 470.

Помимо деятельности районных и сельских примирительных комиссий советская администрация проводила общественные сходы, на которых с жителями обсуждались «пережитки прошлого». Так, 19 марта 1960 г. жители сел. Экажево, а затем 18 апреля жители сел. Сурхахи провели сельские

сходы, на которых были приняты два решения: о прекращении кровной вражды между жителями своих селений и о прекращении практики уплаты тоам («примиренческих»). Советская власть, таким образом, загоняла население в «угол», поскольку выплата компенсации — ключевой этап в примирении кровников, без него оно просто не могло состояться.

Отметим, что, как пишут советские чиновники, уже на самом сельском сходе в сел. Экажево некоторые участники примирились со своими кровниками, например, 80-летние старики М. А. и К. С., а также М. С., у которого отец был убит еще до его рождения. На сходе он сказал следующее: «Я прощаю кровь своего отца, хотя мне и трудно не иметь в дальнейшем кровничества» [ПМАП]. На сходе жителей сел. Экажево враждующие между собой люди, пожимая друг другу руки, заверяли, что отныне они являются братьями, а не врагами. Многие из них просили при этом представителей власти передать им на перевоспитание осужденных на разные сроки за драку между собой, что и было сделано. После этого родственники шести осужденных юношей примирились. Важно подчеркнуть, что принятые на сходе решения в дальнейшем не нарушались. В противном случае общество могло отказаться от отступников: «Если вы не соглашаетесь с нами, то мы от вас отказываемся, не будем иметь родства и хоронить умершего». Таким образом, фактически использовалась традиционная норма адата — «бойкот» по отношению к тем, кто отказывался мириться.

18 апреля 1960 г. на сельском сходе в сел. Сурхахи с участием Республиканской примирительной комиссии, партийных и советских работников, работников прокуратуры и милиции, а также жителей села (присутствовало 970 чел.) началась процедура повторного примирения. Вышел на трибуну житель сел. Сурхахи М. А. и начал говорить: «Я на днях примирился с Х., простил ему два убийства. Я прошу вас, сурхахинцы, давайте ликвидируем вражду. 44 года между нами и Б. продолжалась вражда, ни они не хотели убивать, и не мы, но ради национальных “обычаев” мстить — мы продолжали вражду». Другой житель этого селения И. А. добавлял: «Между

нами (кровниками — однофамильцами А. — прим. А. П.) уже 3 года как нет вражды, но злые слухи искусственно устраивают между нами кровную месть». Сельский сход в присутствии важных и почетных гостей закончился всеобщим примирением кровников, рукопожатиями, объятиями. Было примирено шесть враждующих семей. На сходе было принято следующее постановление:

«1. Навсегда покончить со всеми имеющимися случаями кровной мести и в дальнейшем не допустить ни одного нового случая.

2. Бойкотировать тех, кто не хочет согласиться с решением настоящего схода и просить органы применить к ним самые строгие меры, вплоть до выселения с семьями в отдаленные районы страны.

3. Просить правительство о высшей мере наказания — расстреле для убийцы, при каких бы обстоятельствах он не совершил убийство».

В этом постановлении, как нам представляется, проявляется одна важная черта нового, «советского» примирения, а именно: замена совершения кровной мести (в форме убийства) на «узаконенное» убийство путем назначения согласно УК СССР высшей меры наказания — расстрела. Таким образом, население переносило процесс совершения мести с себя на «государство». Не случайно, в постановлении так говорится: «при каких бы обстоятельствах он не совершил убийство», поскольку бывают смягчающие обстоятельства согласно УК СССР, благодаря которым виновному назначали более мягкое наказание, чем расстрел, однако население это «не устраивало» — только расстрел.

В это же время состоялось примирение двух семей в сел. Беной (Чечня). 25-летний житель примирился с убийцей своего отца (оно произошло давно, когда мальчику было всего полгода). Молодой человек говорил так: «Я рано не знал ласки отца. Когда я видел, что отцы ласкают своих детей, во мне вскипала злоба на тебя, убийцу моего отца. Я не думал, что есть на свете такая сила, которая заставит меня простить тебя, но ради Советской власти, которая возвратила меня

на Родину, я прощаю тебя от всей души». В ответ 70-летний старик с рыданием упал перед сыном убитого на землю и обхватил его ноги руками. Тот поднял его и пожал ему руку. Перед всем народом старик попросил у своего бывшего кровника разрешения заменить ему отца. Тот дал согласие и объявил, что отныне убийца его отца будет его вторым отцом. Оба крепко обнялись [ПМАП].

27 апреля 1960 г. под руководством Республиканской примирительной комиссии состоялся сельский сход в сел. Гойты Урус-Мартановского района (Чечня). На сходе состоялось примирение двух враждующих фамилий, чьи родственники находились во вражде с 1918–1919 гг., когда были убиты их близкие. На сходе было принято следующее постановление:

«1. Ликвидировать кровную месть среди Чечено-Ингушского народа.

2. Лиц, отказывающихся от примирения, передавать органами власти, чтобы последние лишали их права жительства в данном месте с конфискацией имущества». Опять-таки мы видим в постановлении сельского схода санкции против тех, кто отказывал мириться «по-советски», — принудительное выселение за пределы района.

30 августа 1960 г. в сел. Автуры Шалинского района (Чечня) состоялся сельский сход, на котором присутствовало 143 чел. Советская администрация поставила вопрос — «О борьбе со старыми вредными пережитками». Все выступавшие «благодарили партию и правительство за внимание к малым народам, за принятое решение о борьбе с пережитками прошлого». Сельский сход принял следующее постановление:

«1. Кровно враждующих граждан, кто бы ни был, в случае отказа от примирения, если он работает, снять с работы и лишить имеющиеся у него приусадебного участка, а также категорически запретить ему выпас скота индивидуального пользования на совхозной земле.

2. Сопротивляющегося ликвидации кровничества и других вредных пережитков бойкотировать, покрывать позором,

как носителя вредных пережитков, и просить правительство применить к нему 195 ст. УК с выселением его за пределы Чечено-Ингушской АССР.

3. В целях окончательной ликвидации кровничества и других видов вражды просить правительство к убийце применять высшую меру наказания, независимо от причины убийства».

В этом постановлении мы сталкиваемся с новыми видами санкций против тех, кто не хотел мириться «по-советски»: снятие с работы, лишение приусадебного участка, запрет на выпас частного скота на совхозной земле. Это очень серьезные аспекты советской политики по отношению к ослаблению кровной мести. Введение новых методов борьбы с враждой в Чечне и Ингушетии лишь доказывало наличие безусловных трудностей в этом деле [ПМАП].

Медиаторский суд. Медиаторский суд или советские государственные примирительные комиссии как правовые или общественные институты в 1950–70-е гг. отсутствовали в исследуемый период на Северо-Западном и Центральном Северном Кавказе: в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Однако многие дела, связанные с убийствами или похищением девушек, у адыгов и осетин продолжали «закрываться» без осуждения виновных. В партийных документах 1950-х г. говорится о терпимом отношении к таким явлениям в Северной Осетии. Сельчане скрывали происходившие в их селении конфликты, которые старались урегулировать с помощью третейского посредничества, которое продолжало в незначительной степени неофициально бытовать в 1940–1950-е гг. Так, на одном из собраний парторганизации Северной Осетии говорилось, что «есть случаи, когда отдельные люди пытаются культивировать примирение кровников путем выплаты компенсации и организации большого хиста, т. е. поминок» [ЦГА ИПД РСО-Алания].

Степень распространения данной правовой традиции на Северо-Западном и Центральном Кавказе в 1950–1970-е гг. определялась не только характером политики советской администрации по отношению к горским традициям,

но и эволюцией собственно обычного права горцев, которое лишь в незначительной степени продолжало неофициально функционировать у осетин. Так, известно, в Северной Осетии в 1950-е годы применялась выплата компенсации при урегулировании исходных конфликтов, во время которых произошло убийство, а также при похищении и изнасиловании девушек.

В целом, в течение 1950–1970-х гг. политика республиканских властей Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Северной Осетии состояла в невмешательстве в сельскую судебную практику. У адыгов было достаточно свободы в выборе формы урегулирования конфликтов. В тот период сложилась следующая судебная практика: советские народные суды рассматривали все происходившие в селениях уголовные преступления, главным образом убийства, разбирали дела, связанные с причинением материального ущерба, а также иски о разводах [ПМАБ]. Сразу же после происшествия органы милиции составляли рапорт, который отсылался в следственные отделы, а затем в советский народный суд. В основном это правило соблюдалось в отношении умышленных убийств. Если же произошла драка, в результате которой было нанесено незначительное ранение, органы милиции не всегда строго выполняли свои обязанности, предоставляя потерпевшему и виновному урегулировать свой конфликт с помощью медиаторов. Иногда бывало и так. Сразу же после происшествия потерпевший или его родственники подавали заявление в суд или милицию, но позже конфликт урегулировали с помощью медиаторов и забирали свое заявление, обращаясь с просьбой о прекращении рассмотрения конфликта. Судебные и милицмейские органы, как правило, соглашались с этим.

Работники местных советских судов, хорошо знающие адыгские правовые традиции, не препятствовали конфликтующим сторонам рассматривать свой спор в медиаторском суде. Тем не менее, как показывают этнографические данные, если в исходном конфликте произошло убийство, в советские годы нельзя было избежать рассмотрения дела в советском

суде. Виновному определяли меру наказания в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР. В то же время медиаторы занимались примирением родственников виновного и потерпевшего. При успешном его завершении оно позволяло, во-первых, ослабить или исключить установление кровных или враждебных отношений между сторонами, и, во-вторых, смягчить наказание, которое определялось советским судом [ПМАБ].

При рассмотрении дел о причинении физического ущерба медиаторы руководствовались, как и прежде, адыгским или осетинским адатом, и применяли следующие нормы: устройство примирительного угощения; подарки потерпевшей стороне; выплата компенсации; выселение семьи виновного на временное или постоянное жительство в другое место.

При умышленных убийствах, как свидетельствует судебный архивный материал, родственники виновных, как правило, даже не пытались через посредников начинать переговоры о примирении с родственниками потерпевших. Последние обычно велит себя очень агрессивно и в большинстве случаев обращались к российским судьям с просьбой, а порой и с требованием об определении виновному самого строго наказания, вплоть до расстрела. Иногда во время судебного процесса они заявляли, что отказываются от получения материальной компенсации в пользу вынесения российским судом смертного приговора виновному [ПМАБ]. Так, мать убитого осетина назвала обычай традиционного примирения «дурацким законом», подчеркивая, что обращение к нему возможно только при причинении неумышленного физического ущерба во время аварий на дорогах: злой умысел «прощать нельзя». Она попросила Верховный суд Северной Осетии, куда поступило дело, передать его на рассмотрение в другую северокавказскую республику и таким образом оно попало в Верховный суд КБР. Во время судебного заседания женщина потребовала от суда рассмотреть дело не по «нашим обычаям», а по справедливости, чтобы виновный понес «справедливую кару» [ПМАГ].

В осетинском обществе редко, но все-таки применялась и такая норма обычного права как выселение виновного: по традиции семья виновного должна выселиться, если она не может помириться с родственниками потерпевшего. Например, в сел. Сурх-Дигора в середине 1960-х г. некто Гоб. поспорился с молодым человеком из того же селения Гег. и убил его в драке. Убийцу судили в народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь род виновного, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Гоб. и его родственники, не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы. Или другой случай. Молодой колхозник из Южного поселка в 1970 г. умышленно зарубил топором своего отца, с которым он состоял в длительной ссоре. Убийца подвергся двойному осуждению. Народный присудил его к 7 годам тюрьмы. По выходе на свободу убийца подвергся своего рода «ostrakizmu» со стороны родственников и всей сельской общины. Все отношения с ним были прерваны, и он был вынужден поселиться на окраине селения [ПМАГ].

Советский суд и кровная месть. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. советское правосудие обратило внимание на уголовные дела, связанные с кровной местью. Нам удалось проанализировать такие дела, полученные из архивов Верховных Судов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушской АССР. Рассмотрим описанные в них ситуации.

В 1963 г. житель Урус-Мартанского района (Чечня) А. Б. в качестве мести убил Х. Г. и одновременно пытался убить его двоюродного брата М. А., нанеся ему тяжелые телесные повреждения. Дело рассматривалось в Верховном суде Чечено-Ингушской АССР 13 июля 1963 г.: за убийство Х. Г. и нанесение тяжких повреждений А. И. виновный А. Б. был приговорен к расстрелу. Однако уже 20 августа 1963 г. дело было

пересмотрено судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР, которая изменила приговор: смертная казнь была заменена 15 годами лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Проанализируем это уголовное дело: как нам представляется, два обстоятельства способствовали совершению второго преступления: во-первых, слишком скорое возвращение виновного домой из заключения, и, во-вторых, несоблюдение традиционных норм адата, согласно которому, после совершения примирения, вражда заканчивалась. Это свидетельствует о безусловной трансформации традиционного права чеченцев и ингушей в советское послевоенное время.

Приведем другой пример. 14 мая 1961 г. житель Ачхой Мартановского района (Чечня) М. находился на свадьбе, во время которой в нетрезвом виде нанес ножевые ранения братьям А. и М. После этого раненные братья избили М. В тот же день 33-летний житель, брат М. — Р. пришел к дому братьев А. и М. с целью совершения мести. Его увидел находящийся поблизости работник милиции, который сделал предупредительный выстрел. Р. нанес ножевое ранение постороннему лицу А. После этого работник милиции его задержал. Во время задержания Р. нанес ножевое ранение и ему. Таким образом, Р. причинил телесные повреждения лицам, не виновным в первичном преступлении. Дело рассматривалось в Верховном суде Чечено-Ингушской АССР. 11 ноября 1961 г. суд классифицировал действия Р. по статьям 15, 102 п. «к», 191, 112 ч. 2 УК РСФСР. По совокупности совершенных преступлений Р. был приговорен к восьми годам лишения свободы с отбыванием в трудовой колонии усиленного режима.

Опишем еще одно дело. 18 сентября 1962 г. Верховный суд Чечено-Ингушской АССР рассмотрел дело по обвинению нескольких жителей Веденского района (Чечня) — двух братьев: 34-летнего У. М. и 29-летнего М. М., а также 34-летнего Ш. Ю., совершивших убийство двух лиц — С. Ю., Х. К. на почве кровной мести. Один из участников уголовного

дела — 34-летний У. М. уже был ранее судим (1949 г., ст. 182 п. 1 УК РСФСР). Ранее авторитетным старикам в мае 1961 г. удалось примирить, как сказано в следственном деле, «согласно местным обычаям». Однако М. М. и его брата У. М. это примирение не устроило. И было совершено убийство. Вышеописанный случай свидетельствует, что причиной конфликта, как и в предыдущем случае, было оскорбление женской чести. Вражда продолжилась и после примирения сторон, произведенного стариками по местным обычаям. Примирение было нарушено убийством. Это свидетельствует о том, что в этот период традиционные нормы примирения уже не всегда были эффективны.

Обратимся к конфликту, в результате которого произошло преступление на почве кровной мести. Две фамилии Т. и Д. состояли во враждебных отношениях с мая 1937 г.: член рода Д. подрался с членом рода Т. (Д. Т.) и его другом (Б. Ю.) нанеся им ножевые ранения. Причем на суде ему удалось доказать свою невиновность, а тех, кого он ранил, даже суд посадил в тюрьму. Д. Т. вскоре умер. Родственники из рода Т. все время упрекали брата потерпевшего, что он не отомстил виновному — убийце его брата. Через много лет, в 1961 г. в 10 часов вечера 35-летний М. Т. (брат потерпевшего), будучи в нетрезвом состоянии, пришел на квартиру к жителю Веденского района (Чечня) — 33-летнему К. Д., и выстрелом из малокалиберной винтовки убил его. Дело рассматривалось выездной сессией Верховного суда Чечено-Ингушской АССР 11 июня 1962 г. М. Т. был признан виновным по ст. 102 п. «к» и «л» УК РСФСР (умышленное убийство, совершено на почве кровной мести и совершенное особо опасным рецидивистом). М. Т. был признан особо опасным преступником и суд приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Обратим внимание на некоторые обстоятельства данного дела: во-первых, в этом деле мы видим очень длительный срок вражды — первичное преступление датируется 1937 г., совершение мести — 1961 г. Во-вторых, в данном случае произошло несоблюдение традиционного этикета «уважения потерпевшей стороны», которое выразилось в том, что К. Д.

нанес ножевые ранения двум человек, которых потом и осудили. В общественной правовой идеологии чеченцев и ингушей сурово осуждались те, кто не проявлял требуемой адатом скромности по отношению к потерпевшим. Тем более осуждались те, кто на суде позволяют себе открыто заявлять о своей невинности в присутствии потерпевшей стороны. В-третьих, родственники применили норму адата — упрека — (тIихтохам) — важного побудительного повода к осуществлению акта кровной мести.

Приведем еще одно дело. 6 мая 1962 г. был убит пожилой житель Назрановского района Л. М. К. В момент нападения он проходил по улице вместе с М. И. К. Обстоятельства дела были таковы: они оба (Л. М. К. и М. И. К.) 17 марта 1962 г. приехали из Казахстана, где они тогда еще проживали, на Родину с тем, чтобы примириться с сыновьями их кровника — Б. Т. К., которые проживали в Дигорском (Осетия) и Назрановском (Ингушетия) районах. Конфликт между ними начался в 1940 г.: Н. К. и С. К. — члены фамилии К. убили собаку Б. Т. К. Через месяц в порядке отмщения Б. Т. К. совершал кражу лошадей у фамилии К.

Данный конфликт стали разбирать почетные старики. Старики долго уговаривали Л. М. К. В конце концов он согласился принять свою лошадь без «додачи». В соответствии с нормами обычного права ингушей и чеченцев при урегулировании подобных краж похититель должен был вернуть владельцу не только украденное, но и уплатить определенную сумму денег за «нанесение оскорбления, унижения» и т. д. Невзыскание штрафа считалось трусостью и подлежало осуждению общественностью, тем более что такая компенсация рассматривалась как наказание, которое могло предотвратить подобного рода преступления.

В 1942 г. между семьями был другой конфликт: У. и И. — члены фамилии К. украли кукурузу. Б. Т. К. каким-то образом узнал, кто вор, и он выдал воров хозяину кукурузы И. Т. У. У. К. «принял присягу», что в течение трех дней убьет Б. Т. К., что и было сделано в 1942 г. Между семьями установились кровно-враждебные отношения. Причем, потерпевший

и виновные имели одну фамилию — К., но они не были близкими родственниками, а были однофамильцами.

У. К. и И. К. умерли в Казахстане. У. К. являлся двоюродным братом Л. М. К., а И. К. — его племянником. Поэтому Л. М. К. и приехал мириться с сыновьями убитого Б. Т. К. — Су. и Са.

Примирительная комиссия начала работу, но не имела успеха. Са. вначале вообще отказывался от примирения, боясь насмешки, упрека со стороны общества. Он так говорил: «люди будут смеяться, что я пропиваю отцовскую кровь...», но потом согласился при условии, что согласится и его брат Су. Но вскоре и Са. отказался мириться, и убил Л. М. К. Он был признан судом виновным в совершении преступления и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Верховный суд РСФСР утвердил приговор, однако Президиум Верховного совета РСФСР, рассмотрев дело 12 июня 1963 г., помиловал С. К., заменив смертную казнь 15 годами лишения свободы.

Опираясь на данные Верховного суда КБР, проанализируем причины, лежащие в основе убийств на почве мести у адыгов. Из трех имеющихся в архиве подобных дел два убийства были совершены в качестве мести за убийство, а одно — по причине многолетних неприязненных отношений. Рассмотрим эти дела.

Первая ссора началась в 1960-е г., когда в сел. Лечинкай жили соседи: один, 50-летний М. Б., работал лесником и осуществлял контроль за использованием лесного участка, а другой, подросток Х. К., вместе со своими братьями, такими же подростками занимался хищением подконтрольного М. Б. леса. Лесник часто составлял на подростков протоколы о фактах совершения ими воровства, в результате чего между соседями установились неприязненные отношения. Х. К. подросток и в 19-летнем возрасте решил отомстить леснику. Он пришел в лес, дождался появления лесника, который, к несчастью, был со своим приемным сыном, и убил их обоих топором.

В двух других случаях в исходном конфликте произошло убийство. В основе первого конфликта, возникшего

между жителями селения Куба, М. К. и Х. М., в 1930-е г., были, как сказано в архивном деле, личные неприязненные отношения. Между ними происходили мелкие ссоры, оскорбления, драки. 31 августа 1931 г. оба прибыли в Нальчик на слет ударников республики. В перерыве между совещаниями М. К. ножом убил Х. М. Верховный Суд республики осудил М. К. на 10 лет заключения. В это время жена потерпевшего была беременна и в 1932 г. у нее родился сын В. М. Мальчик вырос и узнал об обстоятельствах убийства своего отца. Мать показала сыну сохранившуюся окровавленную рубашку. В 1942 г. убийца, отсидев свой срок, вернулся в родное селение. Через несколько лет в селении пропал старший брат В. М. — Н. М. Его родственники и сельчане подозревали в этом М. К. Первое столкновение между В. М. и М. К. произошло в 1951 г. К этому времени В. стал работать милиционером, а М. К. — муллой. Мать, боясь дальнейших столкновений, уговорила сына покинуть селение и поселиться в г. Нальчике. Тем не менее кровники неожиданно встретились во время похорон родственника. М. К., увидя В. М., начал вести себя вызывающе: он сказал В. М.: «Смотрите на эту скотину, он молод, но уже седой». Позже, на суде В. М. сказал, что он не мог вынести встречи с убийцей своего отца и подобного оскорбления от него. В. М. нанес 7 ножевых ранений М. К., от которых тот умер. После убийства В. М. рассказал матери о случившемся, добровольно пришел в милицию и сообщил, что совершил убийство на почве мести за убийство своего отца.

Введение советских норм судопроизводства оказало влияние на появление новых черт в традиционном правовом сознании кабардинцев. Изучая уголовные дела по изнасилованиям, мы пришли к выводу, что кабардинцы восприняли советские правоохранительные и судебные органы не как учреждения, в которые они обязаны обращаться в определенных ситуациях, а как средство оказания давления на участников конфликта. В тех случаях, когда насильник не торопился предложить потерпевшей выйти за него замуж, ее родственники обращались в правоохранительные органы с заявлением, в котором они просят возбудить уголовное дело против

насильника только в том случае, если он откажется жениться на потерпевшей. Данный факт показывает: с одной стороны, кабардинцы, безусловно, не признавали советские правоохранные и судебные органы как обязательные, а с другой, он свидетельствует о том, что они сумели найти в своей практике урегулирования споров нишу и для советской правовой системы и включили ее в свой арсенал способов оказания воздействия на участников конфликта.

Основная проблема, с которой сталкивались судьи, адвокаты и прокуроры во время судебных процессов, состояла в правильной классификации категории убийств на почве кровной мести. Для этого суду следовало ответить на два вопроса: 1) совершено ли убийство по мотиву кровной мести, 2) можно ли предполагаемого виновного отнести к группе населения, среди которой распространен обычай кровной мести. Исходя из вариантов ответа на эти вопросы, убийство можно было квалифицировать либо по ст. 102 как убийство при отягчающих обстоятельствах, либо по ст. 103 как убийство без таковых. Ответ на первый вопрос искали сотрудники правоохранительных и судебных органов в ходе дознания, а для получения ответа на второй вопрос Верховный суд КБР обращался в 1960-е г. и обращается до сих пор к ученым с просьбой о предоставлении им научной экспертизы, в которой они обязаны ответить на следующий вопрос: «Исторически сложился ли обычай кровной мести и был ли он признан и какой группой населения в Кабардино-Балкарии?». Местные ученые из Научно-исследовательского института гуманитарных наук КБР, составлявшие подобные документы, подчеркивали, что у кабардинцев и балкарцев институт кровной мести был распространен и имел общественное значение только в прошлые века и после 1917 г. перестал функционировать. Поэтому вряд ли можно, заключали ученые, кабардинцев и балкарцев относить к группе населения, признающих кровную месть.

Такую же позицию занимали адвокаты подсудимых. Так, в одной Кассационной жалобе адвоката В. М. в Судебную коллегия по уголовным делам ВС РСФСР было подчеркнуто,

что «факты проявления в отдельных местностях КБАССР тех нравов и обычаев далекого прошлого, свойственное родовому строю и патриархально-феодалному быту, как обычай кровной мести» отсутствуют. В КБР кровная месть уже перестала быть обычаем. По мнению адвоката, «убийство на почве кровной мести предполагает наличие в сознании виновного пережитков далекого прошлого», тогда как в народном правосознании уже давно нет места кровной мести как варианту продолжения исходного конфликта. Поэтому адвокаты предлагали суду рассматривать подобные убийства не как убийства на почве кровной мести, а как убийства на почве сложившихся неприязненных отношений, что позволяло квалифицировать их по 103 ст.

Местные советские правоохранительные органы проводили политику невмешательства во внутрисельские конфликты. Во-первых, известно, что преступления на почве кровной мести, как правило, готовились открыто. В тех случаях, когда правоохранительные органы знали о готовящемся убийстве, они не предпринимали никаких мер по его предупреждению и не возбуждали уголовных дел за недоноительство. Во-вторых, сельчане, знавшие детали уже совершившегося преступления на почве кровной мести, отказывались предоставлять информацию в правоохранительные органы, что, безусловно, было связано с боязнью совершения над ними мести. Местные жители не называли имен преступников, а если и называли в редких случаях, то отказывались помогать в их розыске и задержании. Виновные в совершении убийств не всегда сообщали о реальной причине преступления на суде, поскольку умышленное убийство рассматривалось как более тяжкое.

Верховный суд КБР не обращал в 1950–1970-е гг. внимание на информацию о попытке или факте дачи кабардинцами или балкарцами (родственниками обвиняемых) компенсации (выкупа) семьям потерпевших. Подобные действия горцев в 1920–1930-е гг. жестоко преследовались советскими правоохранительными и судебными органами. Позднее республиканские и федеральные органы стали относиться к применению этой

нормы традиционного права терпимо, почти без внимания, лишь изредка отмечая данный факт в судебном приговоре.

Советская правовая система оказала лишь частичное влияние на уровень сельской конфликтности, поскольку осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления советским судом ни к коей мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Как отмечали правоведы и прокуроры, даже при осуждении виновного советским судом к смертной казни родственники убитого все равно совершали кровную месть по отношению к кому-либо из членов семьи виновного. Известны случаи, когда советский суд осуждал виновного, а его семье не удавалось примириться с семьей потерпевшего, то обязательно следовала месть в какой-либо форме. Освобождение от мести могло быть осуществлено только после медиаторского примирения.

Поэтому иногда кабардинцы, родственники потерпевшего, во время судебного заседания выражали просьбы об определении более мягкого приговора виновному. Однако чаще всего потерпевший или его родственники просили суд назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они совершат над виновным кровную месть. В 1950–70-е г. возникла новая форма мести, когда потерпевший или его родственники просили народный суд, в котором рассматривалось дело, назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они сами совершат над ним кровную месть. Кабардинцы пытались ввести в советское судопроизводство и другую норму адата, а именно: выселение семьи виновного на жительство в другое селение. Авторы обнаружили в архиве Верховного суда КБР целый ряд дел, в которых родственники потерпевших просили суд о применении подобного наказания. Особенно это касалось тех случаев, когда участники конфликта жили по соседству. Жена одного убитого кабардинца, требуя выселения семьи виновного из селения, говорила на суде: «мы живем близ друг друга и я не хочу, чтобы дети выросли с чувством мести».

Сельчане пытались влиять и на ход судебного процесса. Еще до судебного заседания они проводили собрание, на котором обсуждались обстоятельства совершенного преступления, и принималось решение об оказании общественной поддержки либо родственникам потерпевшей, либо родственникам обвиняемого. Данный документ отправлялся в советский (русский) суд. Иногда кто-либо из сельчан зачитывал его во время заседания суда. Случалось, что сельчане просили о снисхождении членов суда к виновному. Так, в одном подобном документе говорилось, что сельчане близко знают семьи виновного и потерпевшей, что семья виновного взяла на себя воспитание потерпевшей до ее совершеннолетия. Как нам представляется, попытка сельчан участвовать не только в медиаторском процессе, но и в советском судебном заседании, свидетельствует о сохранении элементов коллективного правосознания и об особенностях восприятия горцами советских судебных органов.

2.6. Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1920–1970-е гг.)

Традиция похищения невест в 1920–1930-е годы. В 1920-е годы постепенно менялось положение северокавказской женщины, или как ее стали называть в 1920-е годы горянки, в обществе и семье: многие мероприятия советской власти были направлены на уравнивание ее в правах с мужчиной, на вовлечение в общественное производство, на привлечение к общественной деятельности, на повышение ее культурного уровня. Преодоление неравенства женщин в быту, по мнению советских чиновников, мешали многочисленные ингушские и чеченские пережитки. Одной из наиболее вредных, унижающих честь и достоинство женщины, по мнению советских идеологов равенства полов, была традиция похищения девушек с целью брака. Для того, чтобы предотвратить такие ситуации, советские и партийные органы власти в 1920–1930-е г.

приняли ряд директив [Плиев, 2017]. Но они «работали» плохо. Так, в марте 1929 г. на IV-м съезде Советов Чеченской автономной области прокурор области Мачукаев констатировал, что при разборе дел, связанных с похищением девушек, в советских следственных органах происходило много нарушений советских законов, и среди них ключевым было изменение первоначальных показаний похищенной девушки. Очень часто похищенная девушка под влиянием родителей похитителя, стариков и мулл на суде или у следователя меняла свои показания, утверждая, что она вышла замуж по своему согласию. В этом случае органы следствия были вынуждены прекращать дальнейший разбор дел. Фамилии похитителя и похищенной девушки приступали к разбору случившегося, исходя из норм обычного права, с помощью посредников. В большинстве случаев примирение сторон удавалось достичь, но иногда родители похищенной забирали девушку самостоятельно или с помощью стариков-посредников. Это осложняло отношения, появлялись претензии в «оскорблении чести родителей», увеличивался размер тоама (примиренческих) и т. д.

Но были и похищения с серьезными последствиями. Приведем пример. В 1921 г. в ингушском сел. Альтиево молодой человек О. похитил девушку из фамилии А. Родственники похищенной девушки устроили погоню. Началась драка, в результате которой был убит младший брат похитителя. На процедуру примирения ушло два года [ПМАП].

Отметим, что при подобных ситуациях в Чечне примирение происходило значительно легче, чем это имело место в Ингушетии. Так, в 1921 г. в чеченском сел. Валерик молодой человек С. похитил девушку М. С. Началась погоня, однако он увез ее в другое селение, где остановился у незнакомых людей. Гнавшимся за ними людям не удалось обнаружить молодых людей. Между тем хозяин, принявший беглецов, согласно обычаям, сообщил родителям девушки, что их дочь находится у него. Состоялся совет наиболее авторитетных стариков — родственников похитителя и похищенной девушки. Споры между ними продолжались три недели, после чего

удалось достичь примирения. Решение было таково: родственники С. должны были уплатить тоам (примиренческие) в размере 700 руб., а родители девушки — приготовить ей приданное, добавив еще от себя 400 руб. Все это было сделано, и свадьба состоялась. Если похитителей настигали родственники похищенной девушки, насильственные похищения сопровождались кровопролитием [ПМАП].

Несмотря на принятые постановления, резолюции, усиления уголовной ответственности за похищение девушек в уголовных кодексах РСФСР эта семейная традиция отчасти продолжалась в Чечне и Ингушетии и в конце 1920–1930-х г.

Между тем постепенно традиция насильственного похищения девушек и женщин действительно ослабла. По нашим полевым этнографическим материалам, в 1940–70-е г. случаи насильственного похищения стали очень редкими как у чеченцев, так и у ингушей. В основном, все этапы брачной процедуры стали происходить по взаимной договоренности. И ключевым этапом в этой процедуре стало не похищение, а выплата калыма. Калым как часть свадебных традиций и как часть правовой культуры существует и в настоящее время. В 1960–1970-е г. чеченцы разделяли собственно калым — там (чечен.) как выкуп, предоставляемый женихом родителям невесты, и урдо (чечен.) как определенная сумма денег, выплачиваемая мужем жене на случай развода. Важно отметить, что о выплате урдо и его величине стороны договаривались только после того, как удавалось достичь согласия на там и его размере. У ингушей такого различия не было, существовала лишь одна выплата — урдув (ингуш.) — выкуп, вносимый женихом и идущий в пользу невесты.

В 1960–1970-е г. сохранялись некоторые различия в брачном обряде чеченцев и ингушей. Опишем чеченскую свадьбу. Вечеринки, устраиваемые в честь приезда гостей, белхий — все это места, где всегда собиралось очень много молодежи. Через родственников, через знакомых или в шуточном диалоге происходило знакомство девушки и парня. Если молодые люди понравились друг другу при первом знакомстве, то не официальные встречи их в различных местах становились частыми.

Так происходило несколько лет — от 1 до 3-х и более. Наконец, молодой человек предлагал девушке выйти за него замуж. Если девушка принимала его предложение, то парень договаривался с ней о месте и времени встречи. В назначенный час (как правило, это вечер) девушка приходила в назначенное место, откуда молодой человек, пришедший туда со своими друзьями, забирал ее.

Являлась ли в 1960–1970-е г. данная форма сватовства одной из форм «похищения» девушек в традиционном ее понимании? Думается, что ее можно рассматривать как своеобразную форму добровольного похищения. Зачастую о предстоящем «похищении» девушки знали все домашние — как женщины, так и мужчины. Известен такой случай. Однажды, отец девушки ночью возвращался домой. Ночь была темная. Вдруг отец почувствовал, что его кто-то толкнул, оглянувшись, он увидел протянутую руку с узелком (в узелке были вещи первой необходимости, приготовленные девушкой). Нагнувшись, отец узнал свою дочь. Оказывалось, что девушка приняла отца за «похитителя». Узнав свою дочь, отец сказал: «Не я тебе нужен, те, кто тебе нужны, вот у забора стоят» [ПМАП].

Молодой человек забирал свою девушку, но вез ее не домой, и не к своим родителям, а в семью ближайших родственников или же к родителям своих друзей, обычно в другое селение. Такое явление в брачном обряде чеченцев называлось зуда йоссаяр (чечен.). Хозяин дома, где произошло зуда йоссаяр, брал похищенную девушку под свою опеку. Что бы ни случилось, за все отвечал хозяин. Родители жениха сообщали родителям девушки через посредника, что их дочь вышла по своему согласию замуж.

Родители девушки соглашались на брак, но при этом старались четко определить размера «тама», идущего на приданое. Продолжительность времени, проводимого молодоженами у того хозяина, где произошло зуда йоссаяр, зависело в первую очередь от согласия родителей девушки на примирение и от того, как скоро он, хозяин подготовит подарок. По обычаю хозяин, где происходило зуда йоссаяр, должен

был преподнести молодоженам ценный подарок. Время это обычно длится от одной недели до двух.

Уплатив там вместе с различными подарками родителям девушки, ее братьям и снохам, жених забирал ее к себе домой. В состав тама входили деньги, на которые родители девушки готовили приданое своей дочери. Последнее передавалось после того, как она возвращалась к своим родителям погостить.

Большинство чеченской молодежи заключало брак описанным выше способом. Браки по сватовству у чеченцев были очень редки. Родители в подобных случаях так говорили свои сыновьям: «Неужели ты не можешь жениться на любимой девушке по договоренности с ней?» [ПМАП].

У ингушей, в отличие от чеченцев, все браки, за редким исключением, заключались по сватовству. В 1960–1970-е г. происходило это следующим образом: к родителям избранной молодым человеком девушки посылали сватов. Дважды-трижды побывав у родителей девушки, сваты получали согласие на брак. Обычно посредники знали, когда они могли получить согласие на брак, поэтому брали с собой в этот вечер деньги в сумме, превышающей установленный в народе калым. Получив согласие на брак, сразу же договаривались о величине калыма, называемого у ингушей *урдуб*. Ингушский калым полностью передавался девушке и являлся ее собственностью. Эти деньги шли на приготовление приданого.

Все брачные выплаты у чеченцев и ингушей в 1960–1970-е г. включали в себя: захала лу ахча (ингуш.) — деньги, даваемые матери просватанной девушки в вечер получения согласия на брак. Эти деньги всегда шли в пользу дочери. Формально получив их, мать в тот же вечер или на второй день передавала своей дочери, которая использовала эту сумму вместе с калымом по своему усмотрению; далее — нейц чуводаш луш дола яхча — деньги, даваемые зятем в период его посещения до свадьбы. Деньги переходили в собственность девушки, никто не имел на них право. Девушка готовила себе поартал — приданое, приготовленное как за калымные деньги, так и за счет родителей, а также совгатыш — подарки девушке

с различных сторон. Все принесенные подарки становились ее собственностью, она их забирала при выходе замуж. И наконец, хьоалчагI — траты, связанные со свадебными угощениями.

Приданое у ингушей девушка готовила на «калымные» деньги, которые она получала от жениха. Если умирала бездетная женщина или женщина, не имевшая детей у ингушей все, что она привезла с собой в день свадьбы на полученный от жениха калым, оставалось у мужа. У чеченцев это было иначе: все то, что было приобретено девушкой на полученный там, оставалось в доме супруга [ПМАП].

ГЛАВА III. Постсоветский период истории права на Северном Кавказе

3.1. Кровная месть на современном Северном Кавказе

На современном Северном Кавказе реформа государственных судебных органов осуществлялась одновременно со всеми теми изменениями, которые имели место во всей России. Между тем со второй половины 1990-х годов в республиках начались и «собственные» правовые преобразования, связанные с попытками республиканских властей внедрить в механизм урегулирования различных конфликтов, в том числе и очень серьезных, связанных с кровной местью, ряд норм как обычного (адата), так и мусульманского (шариата) права.

Злободневный вопрос, тревожащий население Северного Кавказа, и особенно — Ингушетии, — это кровная месть, с которой боролись и борются ингуши на протяжении последних двух веков. Все это время в Ингушетии существовали и действовали примирительные комиссии, которые функционируют и поныне во всех населенных пунктах республики.

Началось все с того, что на традиционную правовую систему, сложившуюся в течение ряда веков и включавшую в себя нормы адата и шариата, обратил свое внимание один из наиболее известных и значительных Президентов Республики Ингушетия — Р. С. Аушев, который издал целый ряд постановлений и нормативных актов, регулирующих правовую жизнь ингушей, с учетом правовых ингушских традиций. Так, распоряжением Президента Р. С. Аушева от 6 сентября 1995 г. были приняты меры по предупреждению преступлений,

совершаемых на почве кровной мести. 15 сентября того же года им было утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести» [Патиев 2007: 307]. Позднее он обратил свое внимание и на шариат, введя в местную судебную и нормативную систему документ — «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» (19 сентября 1999 г.) и «Закон о Шариатском суде» (1999 г.).

В предлагаемом разделе, на основе собранного авторами этнографического материала в республиках Северного Кавказа будет рассмотрено современное состояние такого важного института обычного права как кровная месть.

В Ингушетии в 2006 г. более 180 семей в республике находились в состоянии «кровной вражды». Несмотря на все попытки примирить «кровников», многие из них не могут это сделать: в нынешнее время между собой враждуют восемьдесят шесть тейпов. В каждый из них входит несколько семей, а это сотни и даже тысячи человек [ПМАО]. Центрами примирения в последнее время становятся мечети. Здесь после короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: «Я прощаю тебя (аз пха битар хІона)», обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром.

Убийство, совершенное даже по неосторожности, непременно порождает другое, так как родственники убитого мстят за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется кровной местью или враждой (инг. Дов), а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, называются кровниками или состоящими в кровной вражде (инг. Довхой) [Очерки 1967: 145].

Кровная месть изначально являлась механизмом реагирования на нарушение социальных установлений, затягивала конфликт, предотвращала многие инциденты, потому что человек рассматривался не сам по себе, а как часть «целого». Объект посягательства перемещался с человека на родовые отношения, внутри которых находился данный человек. Этот обычай сохранил в себе дух древних времен, когда народы жили вне государства и этот обычай выполнял роль государственного института, регулировавшего

взаимоотношения между жителями общины, — предотвращал преступления и наказывал преступников.

Субъект мести. В прежние века кровную месть осуществлял кто-либо из членов семьи, рода, к которому принадлежал убитый, или племянники, как по мужской, так и по женской линии. В настоящее время члены рода не мстят. Эта обязанность распространяется только на сыновей, однако если покойный был бездетен — то на родных братьев убитого или племянниках.

Объект мести. Кровная месть — принцип, согласно которому человек, совершивший убийство, либо кто-то из членов его семьи, рода, племени обязательно должен быть лишен жизни в порядке возмездия, а не правосудия.

Если совершено групповое убийство, то по ингушскому адату кровную месть могут объявить всем участникам. Однако это адатное правило в нынешние времена дополняется законами шариата, согласно которым «кровником», по мнению местных имамов, может считаться лишь тот, кто является непосредственным исполнителем убийства, а соучастники, которые могли активно содействовать преступлению, не становятся объектами мести в Ингушетии [ПМАА].

Тем не менее в современное время ни законы адата, ни шариата в отношении выбора объекта мести не могут быть выполнены вообще. За последние годы в республике от террористических актов погибло значительное количество людей. Как отмечают родные и близкие убитых, «самое страшное для них то, что кровь останется не отомщенной и не прощенной». Согласно Корану и Сунне, прощение крови убитого ради Аллаха — самое богоугодное дело, но многие лишены этой добродетели, так как убийца неизвестен [ПМАА].

Когда кровник умирает естественной смертью, не дождавшись ни мести, ни прощения, под удар попадают его ближайшие родственники — отец, брат, сын, внук, а если таковых нет, то другие родственники-мужчины, преимущественно племянники покойного.

Формы урегулирования конфликтов, связанных с кровной мстью. Центрами примирения в последнее время становятся мечети. Здесь после короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: «Я прощаю тебя (аз пха битар хІона)», обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром. Деятельность исламских лидеров и старейшин по примирению кровников была поддержана нынешним Президентом Республики Ингушетия Юнус-Беком Евкуровым с целью искоренения обычая кровной мести. Он сам старался быть посредником во время примирения, провел личную встречу с главами нескольких враждующих кланов, которых он призвал к миру и прощению обидчиков. За последнее время около 10 пар кровников примирились. Президент Ингушетии Евкуров заявил, что за год постарается примирить все враждующие тейпы республики, однако сделать ему это не удалось [ПМАО].

Местные имамы мечетей всегда принимают активное участие в примирении враждующих сторон. Одним из них был уже умерший имам Суламбек Евлоев, который всю свою сознательную жизнь участвовал в решении многих спорных вопросов, состоял в примирительной комиссии и был членом шариатского суда. Среди нынешних можно назвать имена Хазира и Сайфудина Цолоевых, Магомеада Чибиева, Макшарипа Султыгова, Султана Белхароева, Сасурко Латырова, Асхаба Барахоева и др.

Рассмотрим случай кровной мести, показывающий своеобразную связь между институтом кровной мести как обычно-правовым явлением, и исламом как сложной системой морали и права. В середине восьмидесятых годов в ингушском селеении произошло убийство. Пятеро мужчин, имея недобрый умысел, вызвали из дома якобы для личной встречи гражданина Б. и стали его избивать. В результате этой драки один из нападавших, а именно гражданин С., умер. Б. пришел в милицию с повинной. Его осудили на 8 лет, однако после повторного расследования мера пресечения была изменена и вынесен иной приговор: 2 года заключения за превышение необходимой обороны. Старейшины и авторитетные люди — члены примирительной комиссии селения пытались примирить

стороны, однако пострадавшая сторона объявила о кровной мести семье виновного. В результате главы семей уволились с работы и вынуждены были вести затворнический образ жизни. Отсутствие доходов вынуждало их ежегодно ездить на сезонные работы, чтобы прокормить семью и дать возможность детям-студентам получить образование. Семья убитого С. предприняла четыре попытки убийства родственников из рода кровника. Покушались на 2-х его братьев, дядю и самого убийцу. Все это время к кровникам посылались примирители, но неизменно получали отказ. Чтобы предотвратить кровопролитие, местные власти прикрепили милицейскую охрану к семьям убийц на время работы примирительной комиссии. Попытки членов комиссии опять не увенчались успехом, так как каждый раз, когда они приходили в дом покойного, их встречала только мать, которая объявляла следующее: «женщины эти вопросы не вправе решать без мужчин, но если даже они простят, то я сама отомщу». Такое положение сохранялось 16 лет, пока родственники С. не убили невинного младшего брата Б. У покойного осталось четверо маленьких детей и молодая жена. Это случилось уже в 1990-е годы, когда исламские ценности и исламское поведение стали активно распространяться среди ингушей, поэтому отец покойного Б. сказал, что он прощает убийцу «ради Аллаха», так как исламские ученые единодушны в том, что и преднамеренное убийство, и непреднамеренное может быть прощено преступнику [ПМАО].

Приведем и другой случай. Четыре сельчанина поехали на такси, в безлюдном месте они связали водителя, который был из другого селения. Они угрожали ему, хотели убить. Выбросили его из машины и уехали. Спустя некоторое время машина была обнаружена, и все участники нападения были разоблачены. Дело попытались урегулировать по нормам обычного права: старейшины от всех 4-х родов, к которым принадлежали преступники, и местный имам и приехали к старейшинам из рода водителя с просьбой простить их и примириться. Родственники отказались прощать обиду и собирались отомстить. И тогда имам мечети сказал: «Земля

крутится, завтра может быть такая ситуация, что вы уже обратитесь к нам. Неизвестно, что будет, — у тебя тоже будут проблемы. Сегодня представители нескольких тейпов просят у тебя прощения. Неужели их мольбы не могут не затронуть твое сердце?» Именно эти слова оказали главное влияние на ответ: тот сказал, что ради Аллаха прощает и больше не держит зла» [ПМАА].

Приведем пример «многостадиальной» кровной мести, которая закончилась примирением через много лет лишь благодаря уважению участников конфликта к исламским ценностям. В роду одного из наших информаторов Б., до 1917 г. был убит глава семейства, у которого остались маленькие дети. У убитого не было родного брата, который мог бы соблюсти обычай кровной мести и преследовать убийцу. Прошло время и подросли дети убитого. Спустя 25 лет сын убитого Б. подстерег кровника Г. и убил его (в конце 1930-х годов). Существовавшая тогда примирительная комиссия не сумела примирить кровников и уже родственники убитого Г. начали искать возможность отомстить за него. Но случилось непредвиденное: спустя много лет, сын убитого из рода Б. при случайной встрече убил сына убитого позднее из рода Г. Обеспокоенные сложившимся положением дел, родственники с той и другой стороны обратились в современный шариатский суд с просьбой примирить враждующие стороны и остановить кровную месть, которая тянется уже на протяжении многих лет и вовлекла несколько поколений. Рассмотрев дело, суд пришел к выводу, что они должны примириться ради Аллаха и ради своих потомков, дабы не оставлять им такое «наследство». Решение было одобрено обеими сторонами, и наконец, спустя более 80 лет произошло примирение [ПМАА]. В этих случаях ингуши идут на примирение «ради Аллаха», — это наиболее предпочтительная, как отмечают члены шариатского суда, мотивация во время подобного примирения.

Тем не менее, даже при использовании «исламского» фактора бывают трудности в примирении кровников и даже многолетние неудачи. Вспоминает один информатор А.: «Я был

подростком, когда мой отец в драке убил соседа. Отец сам явился в милицию с повинной, его судили и посадили на 15 лет. После суда наша семья сменила место жительства, уехав из благоустроенного дома, который был расположен по соседству с кровниками, в другую республику, где нас никто не знал. Пока отец сидел в тюрьме, мы жили там, не заводя новых знакомств, боясь навлечь на себя беду. Это были годы затворничества и страха за свою жизнь и за жизнь близких. Так продолжалось до тех пор, пока отец, отсидев полностью свой срок, не вышел на свободу. Он был очень болен и не хотел оставлять на нас эту тяжелую ношу, поэтому просил старейшин и имама мечети помочь семьям примириться. Несколько раз семья отправляла посыльных в надежде на перемирие, но оно так и не состоялось. Через несколько лет отец умер. Мы надеялись, что теперь, после смерти отца, получить от кровников прощение будет проще. Но переговоры успеха не имели. Семья так и не вернулась в республику, до сих пор мы не знаем, когда туда вернемся» [ПМАА].

В современной Ингушетии наряду с имамами первой судебной инстанцией стали и созданные в 1990-е годы примирительные комиссии, которые, как правило, возглавляют: старшина мюридов¹ тхамада, его помощник — исполнитель турк и авторитетные члены сельского общества, которые, не доводя дела до шариатского (или российского) суда, сами решают спорные и сложные вопросы.

Примирительные комиссии рассматривают дела, связанные с причинением физического ущерба, с также сложные дела, в результате которых между фамилиями виновного и потерпевшего установились кровнические отношения и семьи находятся в состоянии кровной вражды. Для рассмотрения наиболее сложных вопросов члены примирительной комиссии объединяются вместе с членами сельских советов

¹ Мюриды принадлежат двум суфийским орденам или тарикатам — накшбандий и кадырий, в свою очередь подразделяющихся на *вирды*, которые различаются особенностями совершения обряда зикр и некоторыми ритуалами.

старейшин. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд.

Для того чтобы дело было рассмотрено в примирительной комиссии, требуется добровольное обращение хотя бы одной из конфликтующих сторон. Выслушав жалобу, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. Для того чтобы стороны согласились на примирение, члены комиссии прибегают к различным формам мотивации: уважению к старшим и старейшинам, а также и к любви к Аллаху. Люди часто мирятся «ради Аллаха». Это главная мотивация в «успешных» примирениях.

Если примирительной комиссии удастся разрешить конфликт, то на заключительной стадии процедуры конфликтующие стороны должны в знак примирения дать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем не возникнет претензий. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста еще очень высок и цена данного слова тоже [Албогачиева 2007: 102]. Это вторая «санкция» в достижении успешных примирений.

В современное время при урегулировании сложных конфликтов, когда в первичном конфликте произошло умышленное убийство, примирители назначают выплату компенсации, размеры которой диктуются потерпевшей стороной.

Переселение в другое место как форма предотвращения мести. Чаще всего в тех случаях, когда кровникам не удается примириться, то семья виновного на время или навсегда переселяется на жительство в другой регион. Житель сел. Плиево рассказал нам историю своей семьи. В период гражданской войны, его дед, в драке, случайно убил односельчанина. Но будучи больным человеком, он спустя несколько недель скончался естественной смертью, а кровная месть перешла к сыну. Опасаясь мести со стороны кровников они уехали из Ингушетии. Спустя 40 лет им удалось примириться

с семьей потерпевшего и лишь после этого и вернуться на Родину [ПМАА]. Таких случаев в нынешнее время — много. Интересен случай рассказанный художником М. Паланкковым: в конце XVIII в. в Пялинге произошёл инцидент, в результате которого один человек погиб. Убийцей оказался Г. П. «Кровники» объявили, что прощение будет достигнуто в том случае, если эта семья уедет из Ингушетии навсегда. Условие было принято, и семья уехала жить в Кабарду, изменив свою фамилию. Поскольку сторонам не удалось со временем примириться, им пришлось остаться там жить [ПМАА].

Опишем другой случай, переданный нам информатором С., которому в 2008 г. исполнилось 85 лет. Его отец в конце 1930-х г. во время ссоры убил своего односельчанина. Старейшины села неоднократно пытались «примирить» семьи виновного и потерпевшего, однако примирения не произошло, поскольку вдова убитого отказывалась примиряться с убийцей. У нее были маленькие дети и она надеялась, когда они вырастут, они отомстят за убитого отца. Когда сыну покойного исполнилось 18 лет, он сделал попытку убить виновного, но последний остался жив. Боясь преследования, С. вместе со своей семьей уехал в другой город, не разглашая места своего жительства (Киргизия). Через много лет, уже в 1990-е г., когда умерла вдова убитого, старейшины уже вместе с местным имамом вновь попытались заключить перемирие. Для этого виновный специально приехал в свое селение. На этот раз это удалось и лишь в 2003 г. дети виновного сумели вернуться в свое родное селение [ПМАА].

Этикет кровников. У ингушей сохраняется и так называемый «этикет кровников», например, виновный не имеет права посещать мечеть, в которой родственники убитого совершают намаз, ходить на свадьбы и похороны к общим родственникам. Женщины из семьи виновного и потерпевшего не носят светлые одежды и при встрече не разговаривают с кровниками. Из страха кровной мести многие увольняются с работы и учебы. Некоторые ингуши уезжают из родных и обжитых мест и скрывают свое местонахождение, боясь преследования.

В ингушском обществе существуют условия, при которых совершение мести невозможно. Так, согласно правилам ингушского обычного права нельзя совершать возмездие, когда человек спит, беззащитен — безоружен, раздет, купается и др. В народе всегда порицалось вероломное убийство из-за угла, со спины, из засады, без предупреждения, не окликнув. «нарушение правил кровомщения всячески осуждалось в ингушском быту. И наравне с этим всячески превозносилось прощение крови за случайное убийство. Так, в народе до сих пор превозносят поступок прославленного абрека Суламбека Гороворжева (Гандалоева), простившего невольного убийцу своего брата». [Зязиков 2004: 169].

Факторы, облегчающие примирение «кровников». Бывали случаи, когда кровника прощали и за смелость и достоинство. По ингушским обычаям «кровомститель» не должен был скрывать своих намерений и объявить врагу, что эта месть за убийство «такого-то» человека. В народе существует легенда, что узнав, что кровник выехал из селения, его мститель отправился вслед за ним. Они ехали около часа, кровник ждал, что убийца его брата оглянется и он сможет его убить, но он ехал спокойно не прибавляя ход. И когда они приблизились к очередному населенному пункту, кровомститель обогнал своего кровника и сказал, почему ты не постарался укрыться и не прибавил ходу, хотя знал, что я преследую тебя. Ты горд и бесстрашен? Ты не боишься возмездия? Он ответил, я знаю, что ты достойный человек и не станешь стрелять в спину. За его смелость и самообладание ему была «прощена кровь» [ПМАА].

Чрезвычайно интересна полученная нами в ходе полевых опросов информация. Перед лицом общей беды, в трагический день 23 февраля 1944 г., в районе Наьсыр-Корта было проведено общее собрание всего мужского населения, во время которого на ближайший холм поднимались кровники и всенародно объявляли о перемирии: «...При всех этих свидетелях, я прощаю тебе кровь покойного». Другой пример, связанный с теми же трагическими событиями. По свидетельству другого нашего информатора, во время остановки

поезда по пути в Казахстан, куда вывозились ингуши, он увидел человека искавшего своего кровника, который говорил: «Я хочу простить кровь, подскажите, где такой-то...» [ПМАА].

Процедура примирения кровников. В тех случаях, когда убийство в первичном конфликте не было умышленным, достичь примирения значительно легче. Так, в ноябре 2009 г. в сумерках водитель легковой машины из фамилии Х. сбил старика из фамилии Б., идущего вдоль трассы. Водитель оказал первую помощь и отвёз пострадавшего в больницу. В свою очередь близкие родственники водителя Х. приехали в больницу и одновременно к родным старика Б., сообщить о случившемся. С первого дня в больнице дежурили представители фамилии Х. и лично сам водитель. Они проявили своё участие и отправили своих старейшин с дипломатической миссией. Однако родственники Б. лишь ответили: «О чём-либо говорить, когда наш отец в таком состоянии мы не намерены». Две недели старик лежал в реанимации и умер. В день похорон снова появились старейшины с дипломатической миссией и получили следующий ответ: «Мы хороним своего человека. Никаких разговоров пока быть не может». После того, как тело покойного увезли на кладбище, в 12 часов дня снова появились старейшины-дипломаты, а многочисленная родня Х. водителя остановились на значительном расстоянии от дома — в метрах 500–700. Старейшина рода и члены примирительной комиссии направились во двор погибшего. Выразив сочувствие по поводу гибели старика, мулла начал спокойную речь, в которой просил милосердия друг к другу, прощения кровника, который стал им из-за роковой случайности. «Нас ингушей мало, — начал он свою речь — между нами много родственных связей. Мы все родственники друг другу. Мы вместе все пережили тяжёлые трагедии народа. Мы нелегко жили в горах, мы теряли близких и родных в депортации, мы умели быть сильными, когда требовали обстоятельства. Быть милосердными — это и быть мусульманами в душе. Аллах прощает тех, кто прощает на земле...». И дальше о том, что это была трагическая случайность,

произошедшая в сумерках, когда водитель не мог ожидать вдоль трассы идущего человека.

Мулла говорил свои слова сидя. Все стояли вокруг и слушали. Затем выступил старейшина из рода Б. Он говорил чуть меньше, но выразив сочувствие по поводу случившегося, сказал, что во имя Аллаха, во имя покойного они прощают смерть. Ни сыновья, ни жена умершего, ни дочери ничего не говорили, а молча стояли в гуще людей. Старший сын — по второму ряду среди близких родственников.

Далее, старший рода сказал, что родственникам водителя можно подойти к дому Б. а пострадавшей стороне нужно выйти им навстречу и стать вдоль дороги. Возглавил эту группу мулла и старейшины, за ними — старшие мужчины и в конце колонны — молодежь. В той же последовательности стала и вторая сторона, дожидаясь процедуры примирения. Получив знак, они склонив головы, подошли к мужчинами из фамилии Б., и выражая формулу соболезнования прошли через всю группу ожидавших примирения.

Затем без лишних эмоций, родственники Б. вошли во двор и сели старейшины, молодые остались стоять. Родственники Х., выждав паузу, в возрастном порядке широкой групповой колонной вошли во двор для выражения соболезнования всем родным. После чего, мулла сказал слова благодарности, связывая это с именем Аллаха. Всё это происходило в то время, когда на кладбище хоронили старика. Ко времени возвращения участников похорон и продолжению обрядового процесса после погребения, «кровь была прощена». На протяжении трёх дней похорон Х. приняли участие в трапезных расходах [ПМАА].

Кровная месть за похищение девушки. Похищение девушек с целью устройства дальнейших браков — явление, распространенное на всем Северном Кавказе. В тех случаях, когда девушка наотрез отказывается выходить замуж за похитителя, и возвращается в свою семью, между семьями девушки и похитителя возникают отношения кровной вражды: как правило, похитителя стремятся убить или подвергнуть гонениями. Так, в 1999 г. в Ингушетии была украдена девушка,

которая ожидала автобуса на остановке. Ее похититель уже был женат, но у первой жены не было детей, поэтому он и решил взять в жены другую. Девушка не знала этого человека и категорически отказалась выйти за него замуж, поэтому он был вынужден ее вернуть, однако через несколько дней родственники девушки убили похитителя [ПМАА].

Кровная месть в ответ на похищение девушки как один из фундаментальных институтов обычного права сложился у ингушей давно и несмотря на распространение мусульманского права сохраняется веками.

3.2. Женщины в современной Ингушетии

Умыкание девушек с целью женитьбы. Похищение невесты, или брак умыканием, был распространен во многих странах мира и еще бытует в некоторых регионах Российской Федерации. К числу последних относится и Ингушетия. Обычное право ингушей (адат) признает легитимность заключения брака не только через официальное сватовство, но и умыканием — «кражей невесты». Брак уводом имеет некоторую разновидность: увод с согласия девушки; увод девушки насильственным путем.

К первому сценарию прибегали в тех случаях, когда по каким-либо причинам родители не давали согласие на брак. Но известны и случаи, когда родители во избежание лишних затрат сами негласно давали согласие на подобный брак.

В старину бывали случаи, когда девушки годами были засватаны и готовили себе приданое, а жених собирал калым. Из полевых материалов следует, что умыкание в некоторых случаях бывало продиктовано самими жизненными обстоятельствами. Так, одна девушка просидела засватанной 10 лет, а ее несостоятельный жених не мог скопить нужную сумму калыма. Жених и невеста решили, что годы уходят безвозвратно и им нужно самим решить свою судьбу. Для этого в назначенное время молодой человек в сопровождении

друзей приехал в условленное место, «украл» девушку и увез к знакомым. Родственники с обеих сторон, зная причину, побудившую их к такому поступку, не осудили их и примирились [ПМАА].

Но бывали случаи, когда родители девушки не давали согласия на ее вступление в брак с избранником, даже если она и согласна. В таких случаях, если мир не достигнут в течение трех дней, имам мечети того селения, где проживает семья девушки, берет на себя обязанности отца девушки и в присутствии двух свидетелей совершает оформление брака. Имам получает выкуп за невесту (*дехар*) и отдает родителям. Родители бывают вынуждены смириться. В этом случае свадьбу справляют только в доме жениха.

После любой «кражи» невесты, с согласия или нет, к родителям девушки отправляется посыльный, который ставит ее семью в известность о случившемся. В настоящее время, как и в прежние времена, для выяснения обстоятельств похищения к девушке привозят почетных стариков во главе с муллой и близкую родственницу невесты. Они должны обязательно увидеть девушку и узнать, давала ли она согласие на умыкание. Если девушка отвечает положительно, они отправляются к ее родителям и сообщают о добровольном выходе замуж их дочери и о необходимости примирения (*тоам бе*). Известны случаи, когда насильно украденные девушки давали согласие на брак только лишь из-за боязни за жизнь родных, которые могут прибегнуть к мести. Понятие «преступление» у ингушей состоит из двух категорий морально-нравственной и материально-физической [Харсиев 2009: 100]. Месть за кражу девушки возникает именно из-за морально-нравственного урона, нанесенного семье девушки, который чаще всего стремились возместить через материальную компенсацию — это почти всегда удавалось. Труднее всего достигнуть примирения после кражи засватанной другим мужчиной девушки. Это очень большое оскорбление, за которым могла последовать месть, а в лучшем случае — материальная компенсация.

В тех случаях, когда девушки категорически отказывались от брака, их возвращали родителям. Но перед тем как вернуть девушку родителям, похититель должен дать очистительную присягу, что за то время, пока девушка находилась с ним, ничего противоправного с ней не произошло, и она, так же как и до кражи, целомудренна, и честь ее им не запятнана. К такой присяге прибегают в тех случаях, когда возвращают родителям насильно «украденную» дочь. Но как бы парадоксально это ни выглядело, только очистительная присяга похитителя дает «свободу» девушке, без которой она не может вступить в брак ни с одним другим мужчиной, кроме него. Поэтому не все мужчины соглашались дать свободу украденной.

Материалы полевых исследований проливают свет на многие процессы, происходившие в ингушском обществе и еще бытующие в настоящее время. Для нас интересен случай, который произошел еще в 1968 г. с выпускницей Северо-Осетинского медицинского института. Девушка была украдена жителем селения Али-Юрт Б. Когда к ней приехали родственницы, как принято в таких случаях, узнать, согласна ли она, девушка ответила «нет». Тогда мулла забрал ее домой и передал родителям. Молодого человека задержали и осудили на 8 лет. Зная местные обычаи, парень, укравший девушку, отказался принести очистительную присягу. Долгих восемь лет, девушку никто не сватал, зная, что, если кто-то и решится на брак с этой девушкой, он может быть убит, так как она не свободна. По истечении указанного срока Б. вернулся из мест заключения и не захотел дать ей освобождение, так как он из-за нее отсидел такой большой срок. Он неоднократно засылал сватов и угрожал ей. Девушка не соглашалась выйти за него замуж, так как все эти годы ее ждал другой молодой человек, который хотел на ней жениться и ждал развязки событий.

Мусульманская правовая система осуждает и не признает брак, заключенный без согласия девушки. Бракосочетание должно происходить с согласия жениха и невесты и их родителей.

Родители девушки обратились к старейшинам рода и членам духовенства с просьбой решить этот вопрос. Выслушав обе стороны, было вынесено решение, соответствующее нормам шариата, ведь насильственный увоз девушки с целью женитьбы не допустим по канонам ислама. Мусульманка должна выходить замуж с позволения и благословения родителей, официально оформив брак в соответствии с нормами ислама [Керимов 2007: 130–131]. Тогда родители девушки, сыграли свадьбу и выдали ее замуж без согласия Б. и его очистительной присяги. Однако молодожены, боясь мести со стороны Б., уехали жить из Ингушетии [ПМАО].

В рассмотренном примере молодой человек мстил девушке за отказ выйти за него замуж и в наказание не давал очистительную присягу, которая по адату ингушей имеет силу. Но родители решили эту проблему по закону шариата и выдали по обоюдному согласию дочь замуж.

Обычай умыкания невесты оказался удивительно живучим, несмотря на то, что он в корне противоречит исламу и не одобряется многими членами общества. Самое любопытное, что приверженцы подобных обычаев искренне считают их аутентично исламскими, тогда как ислам признает брак, заключенный только с соблюдением всех необходимых ритуалов свадебной обрядности. Обычай «кражи невест» относится к адатным нормам права и должен быть изжит из жизни современного ингушского общества как противоречащий шариату и законам Российской Федерации, считают многие жители республики. Вместе с тем нельзя не учитывать причины его бытования, во многом обусловленные низким уровнем благосостояния населения Ингушетии. Молодые люди, вставшие перед выбором спутницы жизни, вынуждены руководствоваться не только чувствами, но и учитывать отсутствие нужной суммы калыма и расходов на проведение свадьбы.

Такой адат настолько вжился в канву традиционно устоявшихся отношений в ингушском обществе, что вытеснить его из жизни народа, как и любой другой неисламский пережиток, крайне непросто. Но общество всеми доступными средствами борется с этим обычаем.

Калым. Калым по адату выполнял функцию выкупа невесты у родителей. Теперь калым не предусматривает доли для родителей и весь используется на покупку приданого для невесты. Эта функция калыма ближе к нормам шариата, рассматривающая эти платежи, как предбрачный дар самой невесте, на случай вдовства или развода [Керимов 2007: 130]. Богатые мужчины выплачивали калым сами, а бедным помогали родственники [Далгат 2008: 190].

После образования Республики Ингушетии легализована была работа ингушского духовенства, начали функционировать советы старейшин. На конференции мусульман Республики Ингушетии в 1999 г. был установлен размер калыма — 2 тыс. долларов. Как указывалось выше, 5 июля 2010 г. на конференции мусульман Ингушетии было принято решение: назначить калым в размере 40 тыс. рублей. Нужно отметить, что калым в таком объеме берут не все родители. В некоторых семьях в 1990-е годы предпочитали ограничиться 25 руб. и не брать остальную сумму калыма. Эту сумму берут только потому, что по шариату для регистрации брака девушка должна получить предбрачный дар [Дзарахова 2009: 69].

Полигиния. Полигамия бытовала в ингушском обществе еще до принятия ислама. Ингушский адат позволяет многоженство. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, так как одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежащими на ней хозяйственными обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна [Далгат 2008: 356]. Принятие ислама не ограничило полигамию, так как согласно Корану, мусульманину разрешается иметь до четырех законных жен, при условии, что он может их одинаково обеспечить как морально, так и материально. Но с существенной оговоркой: «если вы это не можете, то женитесь на одной» (Сура «Ан-Нисаъ», аят 3). Эту последнюю часть суры Корана, мало кто из многоженцев принимает в расчет. Ведь выполнить полностью предписание священного писания в состоянии немногие. Поэтому даже в мусульманских странах, где

многоженство легализовано, к этой форме брака прибегают не часто. Нельзя ее рассматривать как широко распространенное явление и в среде ингушей. Немногие мужчины могут себе позволить повторный брак еще и потому, что это связано с дополнительными расходами на всевозможные праздники родственников жены и посещение похорон и поминок, где зять выступает одним из самых главных персон. Зять обязан делать самые дорогие подарки и угощения, делать существенные расходы на всех мероприятиях. А это не под силу многим.

В 1999 г. с автобусной остановки силой была украдена девушка. Ее похититель был женат, но у первой жены не было детей, поэтому он решил взять в жены другую. Девушка не знала этого человека и категорически отказалась выйти за него замуж, ее вернули, но через несколько дней родственники девушки убили похитителя, несмотря на то, что эти действия в корне противоречат законам шариата [Керимов 2007: 133]. Живучесть адата еще сильна. Это единичные случаи, но они еще встречаются в ингушском обществе, несмотря на огромную работу, проводимую духовенством республики относительно неприкосновенности личности, его прав и свобод и т. д.

Многоженство не распространено среди ингушей, но его бытование нельзя игнорировать. По той системе брачных взаимоотношений, которая сложилась в нашем государстве, иметь вторую жену очень сложно, так как из-за отсутствия официальной регистрации она будет ущемлена во многом (жилплощадь, наследство, регистрация рожденных детей и многое другое). В полигамном браке, как известно, все должно быть по справедливости: и деньги, и время, выделяемое на жен и право наследования, это по шариату. Что касается официальной регистрации брака, то она в большей степени необходима для установления правовых отношений с государством, нежели с мужем, но в то же время штамп в паспорте — катализатор ощущения ответственности.

Регистрация брака многоженцев стала возможна после введения президентского Указа Р. С. Аушева от 19 июля

1999 г., который гласит «в Республике Ингушетии граждане мужского пола, вправе заключать до четырех браков с лицами женского пола, не состоящими в браке». Предполагалось внести в Государственную Думу Российской Федерации в качестве законодательной инициативы проект федерального закона о внесении дополнения в статью 14 Семейного кодекса РФ, исходя из положений принятого Указа [Патиев 2007: 331]. Хотя на общегосударственном уровне вопрос не был решен, основываясь на вышеупомянутом указе, в Республике Ингушетии официально было зарегистрировано множество подобных браков. Получив правовое оформление это процесс начал набирать обороты. «Женщин в Ингушетии больше чем мужчин, а старая дева никому не нужна. В ингушском обществе, если у супруга нет детей, то муж, не разводясь с ней, берет вторую жену» [Арапханов 2004: 79]. Этот аргумент наиболее часто приводился сторонниками многоженства.

В период действия указанного документа в Ингушетии находились сотни тысяч внутриперемещенных лиц из Чеченской Республики и вынужденных переселенцев из Республики Северная Осетия–Алания [Султыгов 2004: 81]. Женщин, готовых вступить в брак, было предостаточно. На этой волне многие мужчины обзавелись несколькими женами. Несогласные жены разводились с прежними мужьями, не желая жить с мужем, который привел вторую или третью супругу.

Спустя пять с половиной лет, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетии № 11-РЗ [Патиев 2007: 331] этот Указ был отменен в связи полным противоречием с законодательством Российской Федерации. За этот период в Ингушетии успели оформить браки большое число «многоженцев». Все спорные вопросы, связанные с бракоразводными процессами такого характера, решаются только в шариатском суде, так как нет соответствующей правовой базы в законодательстве РФ [ПМАА].

Необходимо подчеркнуть, что в Ингушетии к полигамному браку негативное отношение. Вместе с тем можно полагать, что отчасти эта практика себя оправдывала. В республике явная диспропорция населения не в пользу

мужской ее части, это связано с тем, что многие мужчины уезжают на учебу, работу, за пределы республики, там женятся и остаются жить. Об этом свидетельствуют и данные Госкомстата Республики Ингушетия (2005 г.): на 1 тысячу женщин в возрасте 16 лет и старше — приходится 372 женщины никогда не состоявших в браке, — это самые высокие показатели в России. Для ингушек, проживающих в республике, не остается возможности выйти замуж, и многие согласны выйти замуж в качестве второй, третьей или четвертой жены, часто с одной лишь целью завести ребенка. Ведь по ингушским обычаям, она не может иметь внебрачных детей, выход замуж за иноверца или представителя другой национальности также не предусмотрено адатом, хотя по шариату таких ограничений нет, лишь бы был мусульманином. Влияние адата очень велико и многие ингушки остаются старыми девами на всю жизнь, так и не создав семью. Хотя и в ингушской среде есть исключения из правил и незначительная часть женщин выходит замуж за иноверцев. Но чаще всего она бывает отвергнута семьей и обществом.

Многие женщины соглашаются на брак с женатым человеком, боясь одиночества. Некоторые женщины даже не просят раздела имущества, после развода, довольствуясь тем, что у нее есть ребенок, рожденный в официальном браке.

Местное общество пытается расширить области применения шариата (и адата) как дополнительных правовых систем, признавая их не в качестве альтернативы российского государства, а в качестве дополнения. Вместе с тем полноценное признание в ингушском обществе российского права не означает отказ от традиций и национальной идентичности. И как в любом другом обществе, ингушское общество стремится сохранить неформальные институты, которые должны восполнять правовой вакуум. Это происходит потому, что в государстве нет правовой базы, закрепляющей права женщин в полигамном браке.

Развод. В современном ингушском обществе бытует негативное отношение к разводу. Местный адат и шариат в этом совпадают, так как главная ценность и той и другой правовой

системы — брак. Развод не богоугодное дело, мужчинам нужно иметь веские причины для того, чтобы произвести развод. Мусульманские богословы отмечают, что даже разрешенный развод вовсе не радует Аллаха [Мухаммад 2005: 250]. Следовательно, каждый мусульманин, прежде чем решиться на такой шаг, должен все взвесить и только после этого выносить свой вердикт, быть семье или нет. В этом контексте хочется отметить терпеливость ингушских женщин, которые, часто, несмотря на тяготы совместной жизни, стремятся сохранить семью. На разведенную женщину всегда смотрели отчасти с осуждением, считая ее виновной в случившемся. Ингуши называют разведенную женщину *жеро* (подтекст: плохая женщина), и чтобы избежать такого ярлыка, многие терпели и терпят.

Развод может быть совершен как по желанию мужа, так и жены, в этом адат и шариат имеют схожие позиции. Разница только в причинах, повлекших развод. Кто из супругов стал инициатором развода, и каковы доводы супругов, не желающих более состоять в законном браке.

Несмотря на то, что мы живем в XXI в., многие обычаи и традиции тесно переплетаются с адатом. Адат с годами менялся, и вопрос о том, с кем из родителей должен остаться ребенок в случае развода, всегда был актуален. При разводе дети, рожденные в совместном браке, оставались в семье отца, мать не имела никакого права требовать их от мужа по адату. Но в некоторых случаях сельские сходы иногда разрешали выгнанной мужем жене взять с собой одного ребенка из нескольких [Харузин 1888: 129]. Согласно исламскому праву, дети не должны быть разлучены с матерью до 7-летнего возраста, по истечении которого ребенку будет предоставлена возможность выбора между родителями. Желание ребенка играет решающую роль в вопросе о том, с кем ему жить [Мухаммад 2004: 272]. При наличии веских причин супруга также имеет право требовать развода (жестокость мужа, невыполнение супружеских обязанностей и т. п.). В этих случаях мусульманский суд расторгает брак [Мухаммад 2004: 272].

Права женщины были поддержаны не только шариатом, но и политика новой советской власти всецело была на стороне женщин. Получив поддержку местных властей, женщины почувствовали некоторую свободу и уверенность в своих силах.

В современном ингушском обществе семейно-брачные проблемы очень актуальны, многие вопросы невозможно решить в государственном суде, так как их решение не в поле их компетенции и значительная часть таких дел поступает на рассмотрение шариатского суда. Среди современных ингушей распространено заключение брака по мусульманскому обряду и только спустя некоторое время часть ингушей оформляет брак в ЗАГСе. В случае развода он тоже должен быть оформлен по законам шариата, но если брак не был оформлен официально в государственном учреждении, то женщина по российским законам абсолютно бесправна. Единственное официальное учреждение в республике, где будут считаться с интересами женщин и ее правами, является местный шариатский суд, или имамы мечетей. Они имеют право рассматривать и решать такого рода спорные вопросы.

Чаще всего это сложные и запутанные жалобы, и для их решения нельзя ограничиться только нормами шариата, так как обычного права сохраняют свою действенность. Одна семья на протяжении многих лет совместной жизни не имела детей. Они предприняли на этом пути множество разных шагов, но завести собственного ребенка не смогли. Тогда по обоюдному согласию супругов они удочерили семимесячную девочку. Ребенок оказался болезненным. На ее лечение уходило много денег. Супруг был недоволен сложившейся ситуацией и предложил вернуть девочку в детдом, но жена категорически отказалась. Так продолжалось на протяжении долгих 12 лет. В очередной раз вернувшись из санатория с дочкой, жена обнаружила, что в ее доме живут посторонние люди. На расспросы женщины, они ответили, что дом ими куплен у ее мужа полмесяца назад, и он с новой женой переехал в другой дом. Когда женщина стала требовать раздела имущества, муж ей в просьбе отказал, аргументировав свой

поступок тем, что он потратил на нее свою молодость и деньги на бесконечные лечения жены и приемной дочери. С этим вопросом бывшие супруги обратились в шариатский суд. «Согласно нормам Шариата в отношении наследования имущества, сирота не имеет автоматического права на получение части наследства, подобно родным детям» [Насущные 2005: 288]. Шариатский суд объявил, что другого решения они не могут вынести, и рекомендовали обратиться к совету старейшин или в примирительную комиссию, в которую входят знатоки, как шариата, так и адата. Этот вопрос был передан на их рассмотрение. Взвесив все за и против, они пришли к тому выводу, что бывшей жене полагается выделить 5000 \$ США, так как она остается без кормильца, да еще с маленьким ребенком на руках, усыновленного по инициативе мужа [ПМАА].

История развода следующей семьи такова. Поженились молодые по любви и с согласия родителей, была красивая и веселая свадьба. Через полгода муж начал упрекать жену и даже бить без причины. Встревоженная таким оборотом дел жена, обратилась к родственникам мужа, с просьбой о помощи в урегулировании конфликта между супругами. Муж даже не мог точно сформулировать, чего он хочет, или не желал оглашать какую-то свою тайну. Но как бы там ни было, желание расторгнуть брак он подтвердил при двух свидетелях. Жена не желала развода и просила мужа оставить ее, так как она была беременна. Но муж был непреклонен. Тогда родственники решили обратиться в шариатский суд за разъяснением относительно произошедшего в надежде, что развод с беременной считается не действительным. Изучив обстоятельства развода и переговорив с бывшим мужем, члены шариатского суда подтвердили, что подобный развод считается действительным. Но бывший муж до конца беременности обязан содержать бывшую супругу материально, а она в этот период не может выходить замуж [ПМАА].

К разводу ингуши прибегают не очень часто. Развод расценивается как не богоугодное деяние и к нему в обществе в целом негативное отношение. По данным статистического

комитета Республики Ингушетии, в 2003 г. было зарегистрировано 1003 брака, разведено 130 семей, а в 2004 г. зарегистрировано 1228 браков и 80 разводов [Статистический. 2004: 68].

3.3. 2010 год: конференция мусульман Республики Ингушетия и кровная месть

5 июля 2010 г. в актовом зале государственного Дома культуры г. Назрани прошла конференция мусульман Ингушетии. Мероприятие было организовано Духовным центром мусульман Республики Ингушетия. На конференции присутствовали представители тариката накшбандийа и кадырийа¹ — 400 делегатов от всех населенных пунктов республики, имамы всех соборных мечетей, представители Муфтията, органы власти, а также президент республики Юнус-Бек Евкуров.

Конференция была посвящена злободневным вопросам повседневности — кровной мести, размеру калыма и традиции похищения невест. Такая тема была продиктована современными реалиями ингушского общества, в котором некоторые существовавшие практики традиционного адата нужно было привести в соответствие, с одной стороны, с нормами ислама, а с другой, с законодательством Российской Федерации, а также с общими представлениями о «нормах человеческого общежития», которые с течением времени, естественно, изменяются.

Выбирая для очередного форума такую сложную тему, организаторы провели большую подготовительную работу на местах, выявляя проблемы, с которыми ежедневно сталкивается местное население. Для верной координации своих

¹ Ингуши принадлежат двум суфийским орденам или тарикатам (араб. «дорога, путь» — метод мистического познания Истины) — накшбандийа и кадырийа, в свою очередь подразделяющихся на братства вирд'ы (его члены дают обет придерживаться пути, предложенного шейхом), которые различаются особенностями совершения обряда зикр (радение) и некоторыми ритуалами, разработанными их устазами (основателями религиозного направления).

действий Муфтият предложил всем имамам мечетей вместе с тамадами¹ и туркхами² целенаправленно поднимать наболевшие вопросы на всех пятничных молитвах и выслушивать мнение прихожан относительно той или иной проблемы. В течение последних 2–3 лет во всех населенных пунктах Ингушетии производился сбор соответствующей информации и передавался в духовное управление мусульман Республики Ингушетия. Каждый понедельник в Муфтияте заседали специально созданная комиссия в составе муфтия, кадия, имамов мечетей, ученых алимов, почетных старейшин, которые обсуждали эти сложные вопросы и искали пути компромисса. Члены этой группы общими усилиями откорректировали перечень вопросов, поставленных на обсуждение, и определили, какие подходы возможны для решения этих непростых для ингушского общества проблем.

В результате этой работы были сформулированы следующие предложения: определены размеры калыма, выкупа за кровь убитого и правила поведения, предписанные для тех, кто желает вступить в брак умыканием (уводом) невесты.

Конференция мусульман Республики Ингушетия продемонстрировала преемственность традиций. Как и ранее, решение таких сложных вопросов возможно только при участии всего народа, как и в старину, когда заседал совет — Мехк-кхел. Для участия в заседании Мехк-кхел созывались общие собрания всех совершеннолетних мужчин сельской общины. Совет рассматривал вопросы, касающиеся различных областей жизни традиционного общества, межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, калыме, ссорах из-за имущества, дела о воровстве и многое другое [Мужухоева 1982: 69]. Сход определял меру наказания за различного рода нарушения норм общественной жизни, устанавливал цены на тот или иной вид преступления.

¹ Тамад — руководители вирдовых братств.

² Туркх — руководители ритуальной практики коллективного зикра.

Как и в старину, насущные социальные проблемы решала сильная половина общества. На конференции присутствовали только мужчины, но в виде исключения на мероприятие пригласили несколько женщин, которые не принимали участия в обсуждении вопросов, а занимали позицию сторонних наблюдателей¹. Языком конференции был ингушский, родной для значительной части докладчиков. Проведение конференции не на русском, а на ингушском было продиктовано тем, что участники мероприятия, в основном, люди преклонного возраста и им привычнее общение на родном языке (хотя ингуши все билингвы).

В настоящем обзоре проанализируем лишь те доклады, которые, на наш взгляд, отражают основные вопросы, предложенные к рассмотрению на данном форуме.

Работа конференции началась с чтения молитвы. Открыл заседание муфтий Республики Ингушетия Иса-хаджи Хамхоев. Он отметил, что данное мероприятие призвано обсудить социально значимые для народа вопросы материальной компенсации за гибель человека, размер калыма и проблему умыкания девушек. Конечно, в республике функционируют органы власти, призванные вести борьбу с перечисленными проблемами, и она постоянно ведется. Однако, отметил муфтий, проводить эту работу более плодотворно невозможно без участия жителей республики. Он выразил надежду, что данный форум позволит вынести соответствующие решения, не противоречащие нормам шариата и адата, с одной стороны, и не нарушающие российские законы, с другой. Для Ингушетии, как и для многих регионов Российской Федерации, характерен полиюридизм, где сосуществуют местные адаты, шариат и государственная система судопроизводства.

Актуальность вынесенных на обсуждение вопросов отметил президент Ингушетии Юнус-Бек Евкуров, который кратко перечислил негативные стороны обсуждаемых

¹ Автор была официально приглашена на конференцию, материалом для обзора послужили аудиозаписи сделанной во время конференции.

социальных явлений, их общественную значимость и выразил надежду, что это мероприятие позволит предотвратить в будущем многие конфликты, связанные с завяленными темами.

Вопросу материальной компенсации за гибель человека посвятил свой обстоятельный доклад кадий Республики Ингушетия — Абдурахман Мартазанов. Он отметил, что «материальная компенсация за гибель человека обозначена в Священном Коране, Аллах обязывает виновного в этом уплатить цену, равную стоимости 100 верблюдов. У нас же складывается такая ситуация, что повинных обычно прощают во имя Всевышнего Аллаха без уплаты какой-либо компенсации, но некоторые не извлекают из этого урока. Поэтому меры надо ужесточить, чтобы люди ценили чужие жизни. Это касается тех, кто взял в руки оружие, также сел за руль автомашины в нетрезвом состоянии или не соблюдал правила дорожного движения, или распространяет наркотические вещества, кто конфликтует из-за земли или по другим причинам, приводящим к смерти человека».

Вокруг этого сложного вопроса возникла оживленная дискуссия. Среди присутствовавших участников конференции были как сторонники, так и противники кровной мести. Кровная месть становится трагедией не только для семьи, в которой погиб человек, но и для семьи, чей родственник совершил это убийство. По существующим обычаям, человек, виновный в смерти кого-либо, даже после возвращения из мест заключения не освобождается от возмездия. Причем скрываться вынужден не только убийца, но и близкие родственники, которые также опасаются за свою жизнь. По существующему положению любой кровник, только пройдя официальную процедуру примирения, может быть свободным от преследования. Некоторые участники обсуждения считали, что человек, понесший уголовную ответственность и отсидевший в тюрьме много лет за совершенное преступление, должен освобождаться от преследования. Они указывали на несправедливость того, что в нашем обществе человек за убийство несет двойное наказание. Другие призывали

в случае неумышленного убийства «простить кровь ради Аллаха», поскольку прощение — самое богоугодное дело. Однако многие призывали не прощать неумышленное убийство водителям, которые нарушили правила в нетрезвом состоянии и т. д. Были и такие, кто считал, что превышение необходимой обороны не должно влечь за собой кровную месть.

После продолжительных дискуссий, значительная часть делегатов высказалась за увеличение суммы компенсации до 1 млн руб., получив которую, семья погибшего должна отказаться от претензий к виновнику смерти своего родственника. В прежние годы сумма компенсации за смерть родственника могла колебаться в пределах от 50 тыс. до 200 тыс. руб. Вопрос об увеличении максимального размера компенсации до 1 млн руб. был поставлен на голосование, в котором приняли участие все делегаты конференции, независимо от того, были ли они представителями духовенства Ингушетии или нет. Решение было утверждено большинством голосов. Участники конференции выразили надежду, что такая солидная сумма выкупа в некоторой степени повлияет на разрешение существующей проблемы. Было оговорено, что максимальная сумма, по согласованию обеих сторон, может быть уменьшена или отменена полностью. Самое богоугодное дело — это прощение крови убитого ради Аллаха, к этому призывает ислам. Глава Духовного центра мусульман Ингушетии, муфтий Иса-хаджи Хамхоев, пояснил: «Всевышнему угодно прощение, и у нас работают в селениях и на республиканском уровне примирительные комиссии, но не всегда можно достичь примирения». По словам Хамхоева, жители республики считают, что увеличение размера откупа повлечет уменьшение аварий и убийств на почве кровной мести.

Вслед за этим началось обсуждение другого, не менее важного вопроса ингушского общества — размера калыма. Обстоятельный доклад по этой теме был сделан имамом селения Яндырка Микилом Даурбековым. Он пояснил, что размер калыма (махр) за невесту предусмотрен нормами шариата, и девушка имеет на него полное право. Если по адату

калым выполнял функцию выкупа и предназначался родителям невесты, то теперь калым не предусматривает доли родителей и целиком используется на покупку приданного для невесты [Албогачиева 2007: 112]. Это позволяет ей повысить свой экономический статус. По нормам шариата калым рассматривается как предсвадебный дар семьи жениха самой невесте на случай вдовства или развода [Керимов 2007: 130]. Девушка по шариату может установить любую сумму калыма, но ей стоит все-таки исходить из реальных возможностей людей: в Ингушетии низкий социально-экономический уровень, высокая безработица. М. Даурбеков подчеркнул, что в течение последних 10 лет размер калыма в Ингушетии не менялся и составлял 12,5 тыс. руб. Раньше это была значительная сумма, но сейчас цены на товары уже не те, и ценность самих денег изменилась. Поэтому к официальным лицам и местному духовенству часто обращаются люди с просьбой пересмотреть сумму калыма, и нужно пойти им навстречу.

Доклад М. Даурбекова вызвал бурное обсуждение, в котором принял участие и муфтий Ингушетии Иса Хамхоев. Он отметил, что в республике многое связано с калымом. В последние годы в Ингушетии заключается в 2–3 раза больше браков, чем раньше. Это объясняется размером калыма, который молодой человек может теперь дать за девушку. В результате появилась категория молодых мужчин (правда незначительная), которые через непродолжительное время разводятся и женятся на других, в то время как разведенной женщине трудно устроить свою жизнь во второй раз. На конференции мусульман Республики Ингушетии, которая состоялась в 1999 г., был установлен размер калыма, который к 2010 г. в связи с инфляцией стал небольшим. «Мы советовались с народом, — сказал муфтий — Большинство людей считают нормальной сумму в 30–40 тысяч. Мы обговаривали вопрос с прихожанами мечетей, письма получаем от граждан на этот счет. Так что вопрос требует обсуждения».

Вопрос о сумме калыма вызвал большой резонанс, нашлись как сторонники, так и противники увеличения

калыма. Так, жители с. Вознесеновки отправили на конференцию делегацию из авторитетных лиц своего села с просьбой не повышать калым более 30 тыс. руб. Они отмечали, что жители их села имеют низкий достаток и поэтому просят Муфтият удовлетворить их просьбу. Мнения присутствующих относительно суммы калыма разошлись: одни предлагали 60 тыс. руб. и более, другие — 30 тыс. руб. и менее. В результате дискуссий была предложена сумма калыма за невесту в 40 тыс. руб., которая и была утверждена большинством голосов.

Сложный и неоднозначный вопрос о практике бытования традиции похищения (умыкания) девушек с целью женитьбы осветил в своем докладе имам Назрановской соборной мечети Хизир Цолоев. Он отметил, что похищение запрещено нормами шариата, хотя и допускалось по адату. 31 января 2008 г. представителями духовенства Ингушетии было принято решение о данной традиции, но делегаты конференции 2010 г. пересмотрели вопрос о правилах выдачи похищенной девушки замуж. По решению 2008 г. девушку следовало выдать замуж в день похищения. «Мы предлагаем решать этот вопрос на второй или третий день через официальное сватовство, — сказал Хизир Цолоев, для того, чтобы не создавать лишних проблем родственникам с обеих сторон и не ставить в непростое положение молодых, возможно, надо предусмотреть, чтобы девушку после умыкания обязательно возвращали в родительский дом, но при обоюдном согласии сразу на месте решали проблему создания новой семьи и родственных отношений, не затягивая этот процесс».

Такая постановка вопроса была связана с тем, что родственники украденной девушки не всегда знают, с кем они роднятся. Перенос решения на несколько дней позволяет близким родственникам взвесить все «за» и «против» и уже осознанно идти на этот брачный союз или на разрыв. В последнем случае, девушка может по своему выбору выйти позднее замуж за другого избранника. Бывали случаи, когда девушка без согласия родителей выходила замуж за человека, которого они считают недостойным ее руки. В этих случаях

похититель мог быть убит или избит близкими родственниками девушки. Еще хуже обстоят дела у похитителей чужих невест. Если девушка уже засватана за одного и ее похищает другой, то чаще всего эта попытка вступления в брак уводом невесты кончается убийством или большим штрафом. После непродолжительного обсуждения было принято решение утвердить эти изменения — голосование показало, что значительная часть делегатов согласна с вынесенным решением.

С заключительным словом выступил муфтий Ингушетии Иса Хамхоев, который призвал всех жителей республики исполнять данные решения конференции. Он отметил, что это всенародное волеизъявление, так как его приняли представители всех населенных пунктов, всех вирдов, все духовенство ингушского народа, люди, которые днем и ночью неустанно трудятся на пути возрождения и сохранения духовных ценностей ислама. «Я желаю всем нам и в дальнейшем такой же сплоченности и единства, чтобы мы так же, как и сегодня, могли сообща обсуждать и решать все актуальные вопросы на благо сохранения и процветания нашего народа, республики и всей страны», — сказал он в заключении.

Для оглашения постановления конференции (текст которого приводится ниже) на трибуну был приглашен председатель правления Союза писателей Ингушетии Ваха Висангиреевич Хамхоев. Он отметил, что слово духовного лица всегда играло огромную роль в обществе и на данном мероприятии состоялся полезный и конструктивный диалог, призванный оздоровить обстановку не только в республике, но и в регионе. После того, как было заслушано постановление, слово предоставили руководителю организации ингушской диаспоры Москвы и Московской области Салману Хамзатовичу Наурбиеву. Он поблагодарил организаторов конференции, ее участников и обратился к членам Муфтията с вопросом: «Ингуши проживают не только в Республике Ингушетия, но и за ее пределами. В одной Москве проживает около 50 000 ингушей, большие диаспоры в Санкт-Петербурге, Тюменской области и в других регионах страны и за рубежом. Решения, вынесенные на сегодняшней

конференции обязательны к исполнению для всех ингушей, независимо от места их проживания?» Ему ответил муфтий Республики Ингушетия Иса Хамхоев: «Постановление, принятое в результате конференции, обязательно к исполнению всеми ингушами независимо от места проживания, как в России так и за ее пределами... Сегодня вы зрело, мудро обсуждали три вопроса, дай Аллах, чтобы и в дальнейшем вы также собирались и решали все возникающие вопросы. Я здесь увидел единство помыслов и светской власти, и духовных лиц. Если это присутствует, значит, республика будет созидать и процветать», — заключил Наурбиев.

Ингушетия — самый молодой субъект Российской Федерации. В этом году исполнилось 240 лет официального принятия российского подданства ингушами. За этот период здесь почти не прекращались социальные и правовые реформы. При всех общественных изменениях и колебаниях в государственной политике характерной особенностью региона оставался нормативный плюрализм, заключавшийся в единстве государственного права, с одной стороны, и смешанного адатно-шариатного законодательства — с другой [Бобровников 2002]. При этом «с конца XVIII в. духовные центры российских мусульман получили возможность решать отдельные споры и применять наказания за некоторые правонарушения по шариату, нормы которого применялись также на Северном Кавказе после его окончательного завоевания Россией в XIX в. 1860-х г. здесь функционировали словесные и народные суды, которые рассматривали гражданские и семейные споры между мусульманами в соответствии с материальными и процессуальными нормами мусульманского права. После установления советской власти институты шариатского правосудия оставались в этом регионе вплоть до конца 20-х годов прошлого столетия. В последнее десятилетие Россия переживает своеобразное пробуждение ислама, которое ставит вопрос о перспективах включения отдельных элементов шариата в ее правовую систему» [Сюкияйнен 2014]. В этом смысле показателен опыт Республики Ингушетия.

Приводим текст постановления.

Постановление

Принимая за основу Священное учение Корана и Сунны пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!), заслушав и обсудив доклад Муфтия Республики Ингушетия, выступления участников конференции, а также учитывая внесенные предложения, направленные на усиление работы по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения нашей республики, основанные на обычаях и традициях народов Ингушетии, не противоречащих канонам Ислама, конференция мусульман Республики Ингушетия постановляет:

1. Конференция мусульман РИ решительно осуждает все действия, приводящие к гибели человека, жизнь которого может быть прервана только Всевышним Аллахом, его Творцом. Такие как террористические акты в отношении людей, вождение автомашины в нетрезвом состоянии или с нарушением правил дорожного движения, употребление и распространение спиртных напитков и наркотических веществ и все, что запрещено Всевышним Аллахом в Священном Коране и Сунне пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!). Взяв все это за основу, Конференция мусульман рекомендует установить размер материальной компенсации, на основе норм Шариата, за гибель человека в размере 1 000 000 рублей.

2. Обсудив вопрос выплаты калыма (махр) за невесту, исходя из норм Шариата, учитывая демографическую ситуацию, складывающуюся в Республике Ингушетия, и возможности молодых людей начать совместную жизнь, Конференция мусульман рекомендует установить размер калыма в сумме 40 000 рублей.

3. Обсудив вопрос умыкания девушки с целью женитьбы, что осуждается нормами Шариата, а также учитывая то обстоятельство, что умыкание нередко приводит к трагическим последствиям, Конференция мусульман РИ оставляет в силе ранее принятое советом алимов решение от 31 января 2008 года, за исключением пункта 4.

4. Конференция мусульман РИ оставляет в силе все ранее принятые и не затронутые на данном мероприятии решения совета алимов, тамад и туркхов населенных пунктов Республики Ингушетия

Муфтий Республики Ингушетия
И. Хамхоев

3.4. Современное медиаторство в Ингушетии

В Ингушетии современная реформа государственных судебных органов осуществлялась одновременно со всеми теми изменениями, которые имели место во всей России. Между тем со второй половины 1990-х годов в Ингушетии начались и «собственные» правовые преобразования, связанные с попытками республиканских властей внедрить в урегулирование различных конфликтов, в том числе и очень серьезных, связанных с кровной местью, ряд норм как обычного (адата), так и мусульманского (шариата) права.

Началось все с того, что на традиционную правовую систему, сложившуюся в течение ряда веков и включавшую в себя нормы адата и шариата, обратил свое внимание один из наиболее известных и значительных Президентов Республики Ингушетия — Р. С. Аушев, который издал целый ряд постановлений и нормативных актов, регулирующих правовую жизнь ингушей, с учетом правовых ингушских традиций. Так, распоряжением Президента Р. С. Аушева от 6 сентября 1995 г. были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести. 15 сентября того же года им было утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести» [Патиев 2007: 307]. Позднее он обратил свое внимание и на шариат, введя в местную судебную и нормативную систему документ — «О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков» (19 сентября 1999 г.) и «Закон о Шариатском суде» (1999 г.).

В предлагаемом разделе, на основе собранного авторами собственного этнографического материала в одной из республик Северного Кавказа — Ингушетии, будут рассмотрены попытки внедрения в современное правовое поле элементы адатного и шариатского судопроизводства и судоустройства.

В советские годы в Ингушетии властями велась активная «антирелигиозная» деятельность, в результате которой в республике к 1980-м г. не осталось ни одной действующей мечети. Первые мечети стали открываться в 1980-е г. С началом перестройки появилась возможность открыто выражать религиозные чувства и соблюдать нормы ислама. А после образования Республики Ингушетия произошли еще более значительные изменения в религиозной жизни.

На территории Ингушетии не существовало «официального» ислама, не было ни одной действующей мечети и шариатских судов. Только в 1983 г. было получено разрешение на открытие мечети в сел. Барсуки Назрановского района, но первая мечеть открылась в сел. Сурхахи. Ее имамом был избран Башир-хаджи Магомедович Аушев, получивший высшее духовное образование в Ташкенте и Бухаре. Он также стал первым ингушом, совершившим в послевоенное время паломничество в Мекку, являлся одним из самых авторитетных духовных лидеров Ингушетии. До самой своей гибели в 2002 г. он решал разнообразные спорные вопросы, примирял кровников и делал все возможное для укрепления норм шариата в Ингушетии [ПМАО].

С началом перестройки у людей появилась возможность открыто выражать религиозные чувства и соблюдать нормы ислама. А после образования Республики Ингушетии произошли еще более значительные изменения в религиозной жизни [Албогачиева 2007: 102].

В апреле 1993 г. на съезде мусульман республики был образован Муфтият, который является духовным центром и высшим религиозным органом мусульман Республики Ингушетии. Возглавил работу Муфтията Магомед-хаджи Албогачиев. Муфтий избирается советом алимов и имамами населенных пунктов Ингушетии сроком на пять лет [Устав

Муфтията Ингушетии 2004: 5]. Муфтият образован в результате объединения мусульманских общин и организаций Ингушетии, имеет устав, утвержденный на упомянутом съезде. Он руководит, координирует и контролирует деятельность всех мусульманских учреждений, независимо от того, кто является их учредителем, и оказывает содействие органам государственной власти при рассмотрении вопросов, затрагивающих деятельность мусульманских религиозных организаций Ингушетии. Органами управления Муфтията являются: совет алимов, муфтий и аппарат Муфтията, кадий и члены кадията. В ведении Муфтията находится шариатский суд, сформированный в республике в мае 1999 г.; его возглавляет духовный судья мусульман кадий (къаьда). Кадий является главным консультантом по шариатским вопросам на территории Ингушетии и избирается советом алимов сроком на пять лет, но, если работа кадия удовлетворяет совет алимов, его срок может быть продлен.

На общенародном сходе в Назрани были избран кадий — Абдурахман Шамсудинович Мартазанов, который работает по сей день. Члены суда могут применять самоотвод, на свободное место выбирается один из сильных знатоков шариата из местных духовных лидеров. Выбранное лицо должно иметь высшее духовное образование и непререкаемый авторитет среди своих коллег и, конечно, общества. Родственные связи и материальное состояние кандидата не учитываются.

В состав суда входят кадий и судьи (6–8 человек). Нечетное число его членов не является значимым критерием, так как ни одно решение не может быть вынесено при разногласиях его членов относительно рассматриваемого вопроса [ПМАА].

Мусульмане России живут по законам светского государства, используя лишь некоторые элементы шариата, укладывающиеся в рамки законности страны. Шариатский суд разбирает дела в соответствии с мусульманским правом (шафиитского толка), связанные с семейно-брачными отношениями, наследственными спорами, дела о кровной мести, краже невест, «дела частного обвинения» (клевета, оскорбление и т. п.).

В шариатском суде не рассматриваются вопросы харама, т. е. продажа спиртного, наркотиков, дележа прибыли со сделки. Решения шариатского суда никак не влияют на решения гражданского суда. Решения гражданских судов, как правило, приходится ждать очень долго. В шариатском суде решения выносятся не раньше не позже чем через 3–7 дней после окончания судебных разбирательств.

До 2001 г. суд был действующим орган, выдавал письменные решения. С указанного времени он продолжает свою работу как консультативный орган для физических лиц. С 1999 по 2001 г. шариатский суд рассмотрел свыше 1000 дел. Мусульмане Ингушетии, по мнению муфтия республики Иссы Хамхоева, продолжают обращаться в шариатский суд. Более 90 % обратившихся довольны решением дел [Албаков 2004: 82]. Если конфликтующие стороны не согласны с решением шариатского суда, они обращаются в гражданский суд. Все дела, подлежащие рассмотрению шариатского суда, конфиденциальны и не передаются в гражданский суд для дальнейшего разбирательства.

Вопросы, решение которых не входит в компетенцию кадията, не принимаются к рассмотрению. Необходимо отметить еще одно обстоятельство: имамы мечетей имеют право решать некоторые спорные вопросы на местах. Решения выносятся с учетом местного адата (маслахат) и шариата [ПМАО].

Духовенство проводит большую и важную работу на местах. В каждом населенном пункте есть примирительные комиссии, которые возглавляют старшина мюридов тхамада, его помощник-исполнитель турк и авторитетные члены сельского общества, которые, не доводя дела до суда, сами решают спорные вопросы. Для этого конфликтующие стороны обращаются в местную комиссию и сообщают о причинах конфликта. Выслушав жалобы сторон, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. Часто конфликтующие стороны идут на примирение (в разрез с личными интересами) только

из-за уважения к старейшинам и духовенству. Подобным образом часто решаются вопросы, связанные с драками, дорожно-транспортными происшествиями. После принятия решения примирительной комиссией конфликтующие стороны должны в знак примирения дать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем не возникнет претензий. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста еще очень высок и цена данного слова тоже [Албогачиева 2007: 102].

Современный шариатский суд не имеет исполнительного органа. Его можно рассматривать как орган досудебного расследования, в котором главную роль играет принцип добровольности [Албаков 2004: 82].

Спорные вопросы рассматривают также совет старейшин и члены примирительной комиссии. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд. На рассмотрение шариатского суда поступают и вопросы кровной мести, на которых мы остановимся более детально.

По инициативе Муфтията Ингушетии в мае 1999 г. был сформирован шариатский суд. Во главе суда был поставлен духовный судья мусульман — кадий, который стал главным консультантом по шариатским вопросам на территории Ингушетии. Кадий избирается Советом алимов, сроком на пять лет. Если работа кадия удовлетворяет совет алимов, его срок может быть продлен. Кадий встал во главе кадията, в состав которого вошли члены шариатского суда.

Стремление исламских лидеров легализовать отдельные нормы мусульманского права совпало с подобными попытками республиканских парламентариев, в частности, в Республике Ингушетия в 1997 г. был принят Закон о мировых судьях, заменивший сельский суд шариатским. Он получил право рассматриваться дела по разделу имущества и наследства, дела о клевете и оскорбления, а также бракоразводные дела на основе норм шариата, в том числе применяя и некоторые специфические судебные-процессуальные

нормы, в частности использование в качестве доказательства клятвы на Коране [Бабич 2007: 21–25].

Для выборов кадия в городе Назрань был проведен общенародный сход, на котором избрали кадия Абдурахмана Шамсудиновича Мартазанова. Поскольку его работа удовлетворяет Совет Алимов, А. Ш. Мартазанов и по сей день находится на этой должности. Относительно численности членов суда определенных правил и ограничений в ингушском шариатском суде нет: в 1999 г. в него вошло 6–8 человек, в том числе и кадий. Поскольку решения в шариатском суде Ингушетии могут быть признанными только при отсутствии разногласий относительно рассматриваемого вопроса, то количество судей может быть и четное число [ПИМАЗ]. Критерии выбора судей таковы: знание шариата, наличие высшего духовного образования, высокий авторитет среди своих коллег и общества в целом. Родственные связи и материальное состояние кандидата не учитывается. Важно подчеркнуть, что выдвинутый в члены суда мусульманин может взять и самоотвод, если он считает себя недостойным или неспособным выполнить эту работу.

В течение двух лет: 1999–2000 гг., шариатский суд Ингушетии функционировал как официальный орган судебной власти. Республиканские органы отнеслись к его организации позитивно. Деятельность шариатского суда была поддержана и Верховным судом Республики Ингушетия. В нем было рассмотрено более 1000 дел [Албаков 2004: 82]. Решения суда фиксировались письменно, истцу и ответчику также выдавались письменные судебные решения. Однако в 2001 г. Министерство юстиции РФ рекомендовало республиканским органам признать данный суд в качестве консультативного органа, что и было сделано с приходом нового президента Ингушетии — М. М. Зязикова. С этого времени он начал работать как консультативный орган для физических лиц. Как отмечает муфтий Ингушетии Исса Хамхоев, местные мусульмане продолжают обращаться в этот суд, и более 90 % обратившихся довольны тем, как

их спорные дела рассматриваются в соответствии с нормами мусульманского права [ПМАА].

Отметим, что ингушский шариатский суд конца 1990-х годов стал как бы «вторым» судебным уровнем в правовой структуре республики: «начальным» стал «мечетский» уровень — каждый имам сельской мечети получил право рассматривать и решать некоторые спорные вопросы прямо на местах, не прибегая собственно к республиканскому шариатскому суду [ПМАА].

Мусульмане России, в том числе и Ингушетии, живут по законам светского европейского государства, поэтому в шариатском суде рассматривается ограниченное количество дел, регулирование которых по мусульманскому праву не противоречит Российской законодательству.

Шариатский суд разбирает дела, связанные с семейно-брачными отношениями, разделом наследства, земельными спорами, причинением материального и физического ущерба, а также «дела частного обвинения» (клевета, оскорбление и т. п.). Кроме того, члены шариатского суда часто бывает «посредниками» при урегулировании «кровных» дел. В шариатском суде не рассматриваются вопросы харама, т. е. продажа спиртного, наркотиков, дележа прибыли со сделки.

Есть такие дела, которые могут быть рассмотрены как в шариатском, так и в российском гражданском суде. В этих случаях, во-первых, ингушский мусульманин имеет право обратиться в любой суд, во-вторых, если человек, обратившись в шариатский суд, оказался им недоволен и обратился в российский гражданский суд, то решение шариатских судей никак не влияет на решение гражданского суда [ПМАА].

Все дела, подлежащие рассмотрению шариатского суда, конфиденциальны и не передаются в гражданский суд для дальнейшего разбирательства. Но важно следующее обстоятельство: если решения гражданских судов, как правило, приходится ждать очень долго, то в шариатском суде решения выносятся через 3–7 дней после окончания судебных разбирательств. В период официальной деятельности

шариатского суда эти решения были письменными, в настоящее время они — устные.

Подчеркнем очень важную особенность функционирования ингушского шариатского суда: при рассмотрении дел судьи могут применять как нормы мусульманского права, так и нормы адата (маслахат) [ПМАА].

Дела в ингушском шариатском суде рассматриваются на родном языке. При необходимости подозреваемый в преступлении дает в ходе судебного шариатского судопроизводства очистительную присягу (дув баа), в которой сочетаются элементы адата и шариата. Присяга для ингушей, как, впрочем, и для многих народов Кавказа, имеет огромное значение. В процедуре принесения клятв перемешаны элементы обычного и мусульманского права. Так, по шариату клятва должна приниматься только от обвиняемого, а по местным адатам во время принесения присяги могут присутствовать и свидетели, которые должны подтвердить эту клятву, при этом от них принесение клятвы не требуется.

Шариатские суды рассматривают случаи причинения материального ущерба. Если чужой скот разорил огород, то суд принимает решение о полном возмещении виновным причиненного ущерба.

Причинение тяжелого физического ущерба. Современный шариатский суд рассматривает дела, связанные с причинением тяжких увечий во время дорожно-транспортных происшествий, и в первую очередь, случаи, когда семьи потерпевших отказываются урегулировать дело традиционным примирением сторон и выплатой денежной компенсации в соответствии с обычно-правовой практикой (адатом). Используя свой авторитет, при рассмотрении подобных дел, шариатский суд применяет также норму обычного права — выплату компенсации.

Опишем один случай. Произошла авария, в результате которой погиб человек. Семья потерпевшего объявила кровную месть водителю машины, который остался жив. Обеспокоенные таким оборотом событий, родственники обратились за помощью к старейшинам своего рода с просьбой помочь

разрешить конфликт. Для этого они встретились с родственниками потерпевшего с просьбой решить конфликт «мирным путем», однако те отказались это делать. Дело было передано на рассмотрение в шариатский суд. Изучив материалы дорожно-транспортного происшествия, члены шариатского суда вынесли единогласный вердикт, что халатность водителя дорожно-транспортного средства, повлекшая за собой смерть пассажира, расценивается с точки зрения канонов Священного Писания как непреднамеренное убийство. Для разрешения конфликта виновной стороне предложили выплатить денежную компенсацию семье погибшего. Виновник происшествия должен был поститься два месяца подряд [ПМАА].

При гибели пешехода или пассажира по вине водителя учитываются обстоятельства происшествия. Если человек умер по вине пьяного водителя, родственники погибшего имеют право требовать любую сумму денег. Пьяный человек нарушает не только правила дорожного движения, но и нормы шариата, ведь алкоголь мусульманину запрещен. Если водитель был в нетрезвом состоянии, то сумма откупа может быть назначена с учетом норм шариата. По шариату, если человек прощает кровную месть, он может просить 100 верблюдов [Керимов 2007: 190]. Из учета стоимости этих верблюдов может быть назначена сумма откупа.

До полного выздоровления больного потерпевшая сторона перекладывает все расходы, связанные с лечением пострадавшего, на виновника происшествия. Но в некоторых случаях пострадавшая сторона, зная тяжелое материальное положение виновника, отказывается принимать его помощь, желая тем самым облегчить его участь. Так, например, в аварии пострадали четыре врача, получив тяжелые увечья в результате ДТП, но от помощи со стороны родных водителя они отказались, зная о его тяжелом материальном положении — он подрабатывал в гуманитарной миссии водителем. Однако, если бы дело было предано в шариатский суд, то они получили бы материальную компенсацию за причиненный здоровью ущерб [ПМАА].

Приведем другой пример. Произошла авария, столкнулись две машины — одна новая, другая старая. В новом автомобиле сидели два брата — один за рулем, другой рядом. Водитель скончался на месте, а его брат получил многочисленные переломы и ушибы, но остался в живых, других свидетелей этого ДТП нет. Водитель старой машины погиб на месте. ГАИ обвинило водителя старой машины. Обвиняемая сторона обратилась в шариатский суд, так как считала, что решение, вынесенное ГАИ, получено вследствие подкупа правоохранительных органов. Шариатский суд предложил принести очистительную клятву на Коране оставшемуся в живых свидетелю происшествия. Это помогло семьям виновного и потерпевшего урегулировать конфликт.

Земельные конфликты и шариат. После распада СССР в Ингушетии участились случаи разбирательств, связанных с территориальными притязаниями и с передачей промышленных предприятий в собственность граждан. Многие ингуши в те годы сумели по остаточной стоимости приобрести бывшие государственные учреждения. Это, в свою очередь, вызвало резкий всплеск недовольства и возникновение конфликтов между новыми хозяевами и теми, кто когда-то давно, еще до передачи государству, владел этими объектами или землей, на которой они располагались.

Опишем некоторые случаи. Произошел спор относительно здания почты между новым хозяином и прежним владельцем земли, на которой располагалось строение. Для этого разбирательства были приглашены три почетных старца, которые могли свидетельствовать о том, где располагался тот или иной объект или земля. Члены шариатского суда прибегли к помощи старейшин, которые помнили, что граница спорной территории проходила на том месте, где располагалось большое дерево. При тщательном осмотре земли были обнаружены корни дерева, и это обстоятельство послужило основой для разрешения конфликта. Земля была разграничена по указанным ориентирам [ПМАА].

В последние годы в среде ингушей участились споры, связанные с выделением земли в собственность. Так,

в сел. Газиюрт житель А. получил от сельского правления участок земли размером 5 соток. Как только он начал осваивать землю и заложил фундамент нового дома, другой житель этого селения Б. объявил ультимативно, что эта земля принадлежала его предкам и на ней строить и жить кому-либо другому он не позволит. Для разрешения спора участники конфликта отправились в мечеть на пятничную молитву и после ее окончания обратились к имаму местной мечети с просьбой разрешить их спор. Зная горячность гражданина Б., ему объяснили, что этот вопрос подлежит тщательному рассмотрению, так как земля спорная. Для этого имам мечети, собрал у себя почетных стариков этого селения. Имам объявил о притязаниях на указанный участок земли жителя селения Б. Для объективного разбора данной жалобы старики отправились к нескольким старожилам этого селения и попросили оказать содействие в решении данной проблемы. Как выяснилось, спорный участок земли действительно принадлежал прадеду гражданина Б. и его притязания были справедливы. Получив такой ответ, имам местной мечети после очередной пятничной молитвы объявил сторонам о результатах своего расследования и предложил обратиться в гражданский суд для разрешения спора. Жалоба незамедлительно поступила в суд, затем последовало обращение в администрацию села. Узнав о законности (с точки зрения местных адатов) притязаний гражданина Б., глава администрации и члены земельной комиссии предложили гражданину А. участок земли в другом месте, а гражданина Б. обязали возместить затраты, которые понес А. на участке, теперь принадлежащем Б. Таким образом, спор благополучно был разрешен [ПМАА].

Иногда поступающие в шариатский суд дела сразу же передаются в гражданский российский суд. Приведем пример. Произошел земельный спор между двумя жителями селения Ингушетии: у одного были официальные документы на участок земли, а у другого есть два свидетеля, которые готовы подтвердить, что спорный участок принадлежит именно

ему. Шариатский суд отказался рассматривать такое дело и стороны обратились в российский суд.

Изнасилования. Шариатский суд рассматривает случаи, связанные с изнасилованием, и применяет в этих случаях нормы обычного права: если насильник признает свою вину, его обязывают жениться на девушке. Если он отказывается брать ее в жены, то он должен принести очистительную присягу, что он не виновен.

Система санкций при выполнении решений шариатского суда. В целом, современный шариатский суд в Ингушетии не имеет исполнительного органа. Его можно рассматривать как орган досудебного расследования, в котором главную роль играет принцип добровольности [Албогачиева 2004: 82]. Однако при вынесении решения в шариатском суде четко оговариваются сроки исполнения наказания. Решение суда стараются контролировать старейшины, турк и тхамада населенного пункта, где проживает наказуемый. Если в указанный срок не последует выполнения решения, вынесенного шариатским судом, то, учитывая сложившиеся обстоятельства, ответчику может быть продлен срок исполнения наказания.

Но если человек просто игнорирует вынесенное решение, на самом деле имея возможность исполнить приговор, его предадут остракизму. Этот институт обычного права применяется в качестве санкции для более быстрого исполнения решения шариатского суда. Такой человек отвергается местным обществом и «в радости, и в горе»: только самые близкие родственники поддерживают его. Как сообщают нам информаторы, даже если человек, не исполнивший решение шариатского суда, умирает, то его хоронят не мюриды, а родные. Если человек одумался и хочет снова стать полноправным членом местного общества, и выполнить решение шариатского суда, то он должен обратиться к другому институту обычного права: забить жертвенное животное, достигшее двух или более лет и раздать это мясо сиротам и бедным людям в присутствии свидетелей [ПМАО].

Примирительные комиссии. Наряду с имамами первой судебной инстанцией стали и созданные в 1990-е годы примирительные комиссии, которые, как правило, возглавляют: старшина мюридов тхамада, его помощник — исполнитель турк и авторитетные члены сельского общества, которые, не доводя дела до шариатского (или российского) суда, сами решают спорные и сложные вопросы.

Примирительные комиссии рассматривают дела, связанные с причинением физического ущерба, с также сложные дела, в результате которых между фамилиями виновного и потерпевшего установились кровнические отношения и семьи находятся в состоянии кровной вражды. Для рассмотрения наиболее сложных вопросов члены примирительной комиссии объединяются вместе с членами сельских советов старейшин. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд.

Для того чтобы дело было рассмотрено в примирительной комиссии, требуется добровольное обращение хотя бы одной из конфликтующих сторон. Выслушав жалобу, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. Для того чтобы стороны согласились на примирение, члены комиссии прибегают к различным формам мотивации: уважению к старшим и старейшинам, а также и к любви к Аллаху. Люди часто мирятся «ради Аллаха». Это главная мотивация в «успешных» примирениях.

Если комиссии удастся разрешить конфликт, то на заключительной стадии процедуры примирения конфликтующие стороны должны в знак примирения дать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем не возникнет претензий. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста еще очень высок и цена данного слова тоже [Албогачиева 2007: 102]. Это вторая «санкция» в достижении успешных примирений.

При урегулировании сложных конфликтов, когда в первичном конфликте произошло умышленное убийство, примирители назначают выплату компенсации, размеры которой диктуются потерпевшей стороной. Добиться примирения враждующих семей иногда очень сложно. До примирения кровная месть может длиться годами, иногда переходя из поколения в поколение.

Центрами примирения в последнее время становятся мечети. После короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: «Я прощаю тебя (аз пха битар хІона)», обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром [ПМАА].

Деятельность исламских лидеров и старейшин по примирению кровников поддержана нынешним Президентом Республики Ингушетия Юнус-беком Евкуровым с целью искоренения обычая кровной мести. Он сам старается быть посредником во время примирения, провел личную встречу с главами нескольких враждующих кланов, которых он призвал к миру и прощению обидчиков. Сейчас в республике между собой враждуют восемьдесят шесть тейпов. В каждый из них входит несколько семей, а это сотни и даже тысячи человек. За последнее время около 10 пар кровников примирились. Президент Ингушетии Евкуров заявил, что за год постарается примирить все враждующие тейпы республики [ПМАА].

У ингушей сохраняется и так называемый «этикет кровников», например, виновный имеет права не посещать мечеть, в которой родственники убитого совершают намаз, ходить на свадьбы и похороны к общим родственникам, женщины из семьи виновного и потерпевшего не носят светлые одежды и при встрече не разговаривают с кровниками. Из страха кровной мести многие увольняются с работы и учебы. Некоторые ингуши уезжают из родных и обжитых мест и скрывают свое местонахождение, боясь преследования.

Местные имамы мечетей всегда принимают активное участие в примирении враждующих сторон. Одним из них был уже умерший имам Суламбек Евлоев, который всю свою сознательную жизнь участвовал в решении многих спорных

вопросов, состоял в примирительной комиссии и был членом шариатского суда. Среди нынешних членов суда можно назвать имена Хазира и Сайфудина Цолоевых, Магомеад Чибиевв, Макшарипа Султыгова, Султана Белхароева, Сасурко Латырова, Асхаба Барахоева и др.

3.5. Обычное право и современная политика в Северной Осетии

Сложившееся в 1990-е годы в Северной Осетии конфликтологическое поле определяется тремя основными факторами: осетино-ингушским и осетино-грузинским конфликтами и российско-чеченской войной. Наряду с этим играют роль и другие обстоятельства, например, быстрый рост городского населения Северной Осетии. По данным на 1996 г., в республике проживало 660 тыс. чел., из них — 360 тыс. чел. во Владикавказе, в реальности число жителей столицы — более 400 тыс. чел., что составляет почти $\frac{2}{3}$ населения республики. При этом в сельских обществах Северной Осетии сохраняется роль соседских и родственных связей, которые в последние десятилетия стали едва ли не единственной основой сохранения традиционных устоев жизни сельского населения.

В целом, можно различать сельскую, более традиционную преступность и городскую, включающую в себя новые виды преступления, в первую очередь связанную с наркотиками, рэкетом, незаконным хранением оружия и похищением людей. Один из наиболее распространенных видов сельской преступности — кражи, в особенности кражи государственного и частного скота, совершаемые как отдельными личностями, так и бандами (кабардинскими, осетинскими, чечено-ингушскими). Наибольший рост воровства скота наблюдается в Дигорском, Правобережном, Алагирском, Ардонском, Кировском и Ирафском р-нах республики. В 1990-е годы появились и земельные конфликты, вызванные новой социально-экономической и политической обстановкой в регионе.

С 1930-х годов вплоть до 1980-х годов включительно в Осетии существовала колхозная система, которая объединяла все осетинские селения. Обычно один колхоз включал в себя земли одного-двух селений. В настоящее время на территории Осетии идет процесс ликвидации колхозов. Осетины, проживающие в разных селениях, требуют возвращения колхозных земель, принадлежавших до коллективизации их общинам. Появились в республике и новые формы владения и пользования землей: развивается фермерское хозяйство; фермеры получают земли из колхозного фонда, что также вызывает конфликты между ними и другими сельчанами. В 1990-е годы в колхозах и совхозах Северной Осетии произошло резкое уменьшение численности скота, в то же время можно наблюдать значительное увеличение количества скота у частных владельцев, которые испытывают острую нехватку пастбищных земель. Это ведет к конфликтам. Наконец, продолжает, как и прежде, оставаться распространенным видом преступлений в Северной Осетии причинение неумышленного физического ущерба (неосторожные ранения и убийства, происходящие на свадьбах или других праздниках во время стрельбы и во время автомобильных аварий на дорогах) [ПМАБ].

Общим бедствием, как для сельчан, так и для горожан Осетии в 1990-е гг. стало похищение людей с целью получения выкупа. По официальным данным, за 1998–99 гг. было похищено 121 чел., по данным общественной организации Стыр Ныхас — 172 чел. Чаще всего крадут жителей Пригородного, Правобережного и Затеречного р-нов, а также г. Владикавказа. В основном похищения людей совершаются организованными группами (осетино-ингушско-чеченскими) методом челночного ролевого участия: осетины крадут осетин, переправляют ингушам, а те — чеченцам. Часто похищения людей вызывают ответные захваты осетинами ингушей и чеченцев.

В то же время можно отметить значительное ослабление института кровной мести в современном осетинском обществе. Хотя в настоящее время сохраняется понятие кровной мести — туграйшын, между тем в реальности случаи кровной

мести крайне редки. По данным Верховного суда РСО-А и Судебного Департамента РСО-А, в 1990-е годы не было ни одного случая рассмотрения в суде убийства, совершенного на почве кровной мести [ПМАБ]. По мнению зам. председателя Парламента РСО-А, к. ю. н. С. М. Кесаева, кровная месть в современном осетинском обществе практически не существует и не является признанным способом урегулирования конфликтов. Это подтверждают и информаторы. Суд по их сообщениям, в современном осетинском селении не происходит явных убийств на почве кровной мести. Она все-таки иногда осуществляется кровниками тайно. Сельчане знают о том, кто убийца, однако в правоохранительные и судебные органы об этом не сообщают. В современном обществе как отголосок бытовавшей у осетин в прошлом кровной мести сохраняется страх совершения над виновным в исходном конфликте или его родственниками кровной мести, что и побуждает их обращаться к медиаторам за посредничеством в примирении.

Часто бывает так: между родственниками виновного и потерпевшего в исходном конфликте происходит традиционное примирение, но вместе с тем виновный осуждается в российском суде и получает срок тюремного наказания. Такая ситуация приводит к формированию в дальнейшем между сторонами натянутых отношений, при которых, с одной стороны, виновный и его родственники не опасаются совершения над ними кровной мести, а с другой, они стараются не встречаться с родственниками потерпевшего (они не ходят друг к другу на свадьбы или похороны, и т. д.). Такие отношения характеризуются формулой: «ни мира, ни войны». Я называю данную форму отношений враждебными. Приведу пример: Г., будучи начальником фабрики, уволил рабочего, который, обиженный, убил Г. Родственники виновного несколько раз приходили в дом потерпевшего мириться. Виновный имел плохую репутацию в своей среде, и родственники потерпевшего отказались от примирения. В день похорон прибыла делегация в составе 200 чел., в которую вошли родственники виновного и посредники, привезшая

с собой двух быков и деньги, которые они хотели передать родственникам потерпевшего для устройства поминок. Последние отказались принять быков, деньги и делегацию, сказав следующее: «мы мириться не будем, но и мстить тоже не будем» [ПМАГ].

В современном обществе третейский суд в том виде, в каком он бытовал у осетин во второй половине XIX — начале XX в., не существует. Между тем правовая примиренческая традиция, тутчынта, сохраняется преимущественно в сельском осетинском обществе на уровне общественного мнения. К настоящему времени у городских и отчасти сельских осетин сформировалось российское правосознание, которое играет значительную роль при обращении осетин (сельских — чаще, городских — реже) к традиционному примирению. С одной стороны, как показывают полевые этнографические материалы, осетины реже, чем другие горцы Северного Кавказа обращаются к нормам обычного права, и часто отказываются мириться со своими кровниками или врагами; с другой, — осуждение виновного в российском суде отчасти ухудшает взаимоотношения между конфликтующими сторонами.

Соблюдение примиренческой традиции играет важную роль в развитии дальнейших взаимоотношений между семьями виновного и потерпевшего. Осетинское правосознание различает причинение умышленного и неумышленного физического ущерба. Если произошло умышленное убийство или другое серьезное преступление, обязательно проводится судебное следствие в российских правоохранительных и судебных органах, даже если виновный и потерпевший — родственники. Причем родственники потерпевшего независимо от того, состоялось традиционное примирение или нет, сами настаивают на осуждении виновного в российском суде, расценивая это как акт заслуженного наказания. Приведем пример. В 1999 г. осетин из Южной Осетии убил свою жену-осетинку из Северной Осетии. Его родственники не раз пытались примириться с семьей женщины, однако их не пустили даже на похороны. Виновный был осужден в российском суде [ПМАГ].

Третейское примирение используется при урегулировании отношений между фамилиями виновного и потерпевшего во время причинения неумышленного физического ущерба (ранения или смерти), в том числе во время аварий с человеческими жертвами. К традиционным посредникам обращаются и при изнасилованиях, и похищениях девушек, которые также чаще всего сопровождаются изнасилованием. Подчеркну, что для сельского осетинского общества изнасилование не является распространенным видом преступления, и в этих случаях родственники виновного с помощью посредников стараются урегулировать ситуацию с помощью брака между виновным и потерпевшей девушкой. Традиционное посредничество не используется при урегулировании конфликтных ситуаций нового типа, в частности, похищении людей с целью выкупа. Переговоры о выплате выкупа ведут «подельники», члены банд, ничего общего не имеющие с традиционными осетинскими посредниками. Единственная применяемая в этом случае норма обычного права — это оказание однофамильцами финансовой помощи при уплате выкупа [ПМАГ].

Процедура традиционного примирения, фидыд, частично сохраняется в современном осетинском обществе. Если старшие из фамилии виновного решили идти мириться, то они отправляли в дом потерпевшего посыльного для того, чтобы спросить, можно ли им прийти. Если разрешение получено, то делегация численностью до 100 чел., в которую включаются посредники (фидауаг или минаварттае), духовные лица (если селение — мусульманское) и старшие родственники виновного, идет в дом потерпевшего. Их встречают старшие из фамилии потерпевшего, которые ко времени прихода делегации собираются в его доме. В настоящее время уже не бытуют многие обычаи примиренческого процесса, например, вставание на колени, сохранявшееся, как свидетельствуют этнографические материалы, еще в 1940-е годы. Если родственники потерпевшего соглашаются на примирение, то посредники начинают разговор о компенсации. Потерпевшая сама называет сумму. Бывает и так, что примирение

состоялось, хотя потерпевшая сторона отказывалась от компенсации, говоря, что они «кровь не продают». Помимо компенсации виновная сторона дает деньги и продукты для устройства похорон и поминок. Родственники из фамилии виновного должны прийти на похороны. В знак уважения к семье потерпевшего виновный и члены его фамилии иногда в течение 40 дней после погребения соблюдают траур: женщины ходят в черном платке, а мужчины не бреются и носят головные уборы. В редких случаях траур соблюдается в течение года [ПМАГ].

В современном осетинском обществе редко, но все-таки применяется и такая норма обычного права как выселение виновного: по традиции семья виновного должна выселиться, если она не может помириться с родственниками потерпевшего. Тем не менее примеров отказа от выселения множество. Например, в 1992 г. в сел. Чикола колхозник изнасиловал в состоянии опьянения свою пожилую соседку. Его семья отказалась выполнить требование сельского схода о выселении ее за пределы селения и несмотря на наложенное на нее хъоды продолжала жить в нем. Тогда местный ныхас обратился в народный суд. Насильник был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения, а семья осталась жить в своем селении [ПМАГ].

Если состоялось традиционное примирение, то обычно через год (после проведения годовых поминок) отношения между фамилиями виновного и потерпевшего восстанавливаются. Между детьми из таких семей бывают даже браки. На успех примирительного процесса влияет ряд факторов, в частности, родственный и территориальный. Если участники исходного конфликта — родственники, даже дальние, им помириться легче. Можно сказать, что традиционные правовые нормы лучше всего сохранились на уровне семейных отношений, поскольку в осетинском обществе до сих пор сохраняется понятие «родства»: все однофамильцы являются родственниками. Тоже самое происходит в случае близкого проживания участников конфликта. Принадлежность участников конфликта к православной или мусульманской

конфессии в целом не оказывает влияния на урегулирование правовых ситуаций. Если произошел конфликт, а его участники — православный и мусульманин, то стороны могут примириться также как и во всех остальных случаях.

На успех примирения сильно влияет характер преступления. Затруднено примирение при совершении умышленных убийств. В 1997 г. произошел следующий случай: молодой осетин, желая отомстить отцу за распад семьи, ограбил банк, которым владел его отец. Во время ограбления парень убил сотрудника банка. Родственники потерпевшего, с которыми согласно правовой традиции пытались примириться близкие совершившего трагедию, убийцу не простили. Вместе с тем, как показывают полевые этнографические материалы, и при подобных преступлениях осетины пытаются примириться с помощью медиаторов, но чаще всего это не удается и между фамилией виновного и потерпевшего складываются враждующие отношения. В этих случаях фамилия потерпевшего, который отказался от примирения, представляя российскому суду осудить виновного, мстить за убийство по законам горцев все же не собирается [ПМАГ].

Частично в осетинских селениях сохраняются общинные санкции по отношению к виновному и его семье, в частности, бойкот-хъоды. Семьям, которым объявляют бойкот, запрещают участвовать в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях сельчан. Так, в одном селении на сходе был бойкот-хъод трем семьям — наркоманам, в результате чего те были вынуждены уехать из села. Подобный случай был и сел. Фарн, где бойкот-хъод был объявлен семье воров, которые также были вынуждены вначале уехать в сел. Хагандон, а затем в сел. Суадаг. Но это скорее исключение, чем правило. Известны случаи, когда семьи, которым был объявлен бойкот, не обращали внимание на это, как в вышеотмеченном случае в сел. Чикола [ПМАБ].

В первой половине 1990-х годов произошла постепенная десоветизация всей судебной-правовой системы Северной Осетии. В декабре 1993 г., т. е. с принятия ныне действующей Конституции РФ, по всей Северной Осетии советы как органы

местной власти были упразднены. Указом Президента Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А) от 3 марта 1994 г. была прекращена деятельность городского, районных в городе, сельских и поселковых советов народных депутатов РСО. Повсеместно созданы органы местного самоуправления, назначены руководители местного самоуправления РСО — главы администраций. 11 февраля 1994 г. были приняты Закон РСО-А «О внесении изменений в Закон Республики Северная Осетия», «О местном самоуправлении в Северо-Осетинской ССР». В марте 1995 г. прекратил свою деятельность и Верховный Совет РСО-А.

Согласно принятой 12 ноября 1994 г. новой Конституции республики, в Северной Осетии официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве (ст. 102, 104). Единственным органом судебной власти являются народные городские и районные суды. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным Кодексом РФ, введенным в действие с января 1997 г. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет Верховный Суд РСО-А (ст. 102).

Изучая судебную практику российских народных судов и Верховного суда республики в 90-е годы, можно сделать вывод о превалировании российского законодательства при урегулировании большинства происходивших в сельских и особенно городских осетинских населенных пунктах конфликтов. Некоторые преступления, связанные с причинением неумышленного физического ущерба, скрываются от правоохранительных и судебных органов и не рассматриваются судами, а решаются, как и прежде, традиционным примирением. ВС РСО-А в 1999 г. рассмотрел 64 дела по авариям: 16 прекращено, остальные — с вынесением приговора [ПМАБ].

Между тем, все дела, связанные с причинением умышленного физического ущерба (ранения, убийства, изнасилования) рассматривались и рассматриваются в настоящее время народными судами. Наиболее сложные дела разбираются в Верховном суде РСО-А. Обратимся к статистике. Так,

в 1995 г. Верховный суд РСО-А рассмотрел 45 подобных дел. В 1996 г. — 52. В 1999 г. — 85 дел, связанных с умышленными убийствами и 92 дела, с причинением умышленных телесного ущерба (ранениями). В 1999 г. Верховный суд РСО-А осудил 62 чел., из них — 50 получили длительные сроки наказания. Приведу примеры подобных дел, рассмотренных ВС. В сел. Эльхотово из-за дележа приусадебного участка поссорились сын и отец, в результате чего сын ранил отца. ВС определил виновному три года лишения свободы. Во Владикавказе мужчина убил свою жену. ВС определил виновному смертную казнь. В 1997 г. 70-летняя осетинка решила убить жену своего сына и наняла киллера, который выполнил задание. ВС определил женщине 13 лет лишения свободы [ПМАГ].

Дела по кражам не часто поступают в российские суды, поскольку потерпевшие не всегда подают заявление в правоохранительные органы. Так, в 1999 г. в республике было зарегистрировано 187 случаев краж скота, и только 127 дел были переданы в народный суд. В основном это дела, касающиеся разбойных нападений (6 дел), грабежей (4 дела), а также — кражи скота, главным образом с пастбищ и мест выгона. Были осуждены виновные по 66 преступлениям. Верховный суд рассматривает и дела по изнасилованиям. Так, в 1999 г. ВС рассмотрел 16 случаев изнасилования, по 12 из которых были вынесены приговоры [ПМАБ]. Осетинские суды практически не рассматривают дела, связанные с похищением людей. Как правило, родственники потерпевшего не подают жалобу в правоохранительные органы, а пытаются собрать необходимую для выкупа сумму. Известен только один случай осуждения виновного в похищении человека. По данным ВС РСО-А в 1999 г. было похищено 52 чел., при этом было заведено 11 уголовных дел по организованным группам, специализировавшимся на похищении людей [ПМАБ].

В 1960–1980-е годы советские судебные органы Северной Осетии старались использовать сохранившиеся «полезные» нормы адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), развивать их и по-

прежнему решительно бороться с «вредными» адатами (бесправием и забитостью женщины, кровной мстью). По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу советской власти. С этой целью во многих сельских районах Северной Осетии при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. Их задачей было помогать народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе и совхозе, улаживать конфликты между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности. В 1960–1980-е годы такие советы действовали в нескольких десятках селений на равнине и в предгорьях. В отличие от дореволюционных органов сельского самоуправления, которые они внешне копировали, советы старейшин в советской Северной Осетии играли чисто консультативную роль при местных народных судах и исполкомах сельсоветов. Большую власть в это время приобрели сельские сходы.

В 1990-е годы, когда в большинстве северокавказских республиках наметились изменения во взаимоотношениях государственного и адатно-шариатского судопроизводства и начала формироваться новая общественно-правовая идеология, в Северной Осетии этот процесс принял своеобразный, несвойственный для этого региона характер.

В настоящее время в Северной Осетии сформировалось единое отношение к современной российской и местной правовой практики. Большинство властных структур, правоохранительных и судебных органов, общественных организаций прокуратура, судебный Департамент, Министерство юстиции сходятся во взглядах на современное правовое поле и ориентируются на внедрение во все области осетинского судопроизводства российского законодательства при сохранении нейтралитета к сохранившимся отдельным нормам местного права [ПМАБ]. Сторонники этих взглядов считают, что в правовой политике в Осетии следует руководствоваться

исключительно российским законодательством, но при этом учитывать различие в сельском и городском правосознании. Сельское население республики, которое составляет его меньшую часть, чаще обращается к традиции примирения для урегулирования отношений между конфликтующими сторонами. Признавая наличие отдельных норм обычного права в области урегулирования конфликтов, возникающих при авариях и при неумышленных преступлениях, сторонники этой позиции отмечают, что при совершении умышленного преступления виновного следует отдавать в руки российского правосудия. Традиция примирения, по их мнению, сохраняется в осетинском обществе для того, чтобы ослабить страх мести, который еще бытует среди осетин. Сторонники этой позиции считают, что у осетин существует уважение к российскому закону, поэтому осуждение виновного в российском суде не ухудшает взаимоотношений между участниками конфликта. Тем не менее, если одновременно с российским судебным процессом состоялось примирение между конфликтующими сторонами с помощью традиционного ритуала примирения, то это обстоятельство оказывает влияние, как на дальнейшую работу российского суда, так и на дальнейшие взаимоотношения между фамилиями потерпевшего и виновного. Приверженцы этой позиции считают, что право является государственным рычагом, в силу чего традиционные правовые обычаи тоже можно использовать, лишь без их дальнейшей легализации. Карательная же практика должна быть только российской и традиционное примирение не должно заменять российского правосудия.

Осетинские медиаторские институты пока так и не были узаконены Парламентом республики. Однако, согласно ст. 109 осетинской конституции, «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций».

Между сторонниками этой позиции существуют некоторые разногласия. Так, одни считают, что по отношению

к выплате компенсации можно сохранять нейтралитет, однако к возрождению других традиций, например, бойкотов, надо относиться отрицательно. Возрождение традиции бойкот-хъодов противоречит правам человека, поскольку, все граждане России, имеют право жить там, где они хотят. Другие считают, что можно шире обращаться к традиционным правовым нормам, не легализуя, а сохраняя их на общественном уровне. Если фамилии виновного в неумышленном преступлении и потерпевшего договорились между собой, то нет необходимости обращаться в российские правоохранительные и судебные органы республики, поскольку осуждение виновного в суде все же ухудшает дальнейшие взаимоотношения между родственниками конфликтующих сторон.

Третьи считают, что следует усилить деятельность правоохранительных органов. Как известно, еще в 1999 г. было принято Постановление Правительства РСО-А «О мерах по усилению борьбы с преступностью и укреплению правопорядка в РСО-А». Именно Парламент РСО-А выступил с законодательной инициативой об ужесточении наказания за наркоманию и похищение людей. В частности, такое отношение ясно проявляется в той дискуссии, которая развернулась среди юристов-теоретиков и практиков в последние годы на страницах печати относительно сохранения смертной казни в уголовном кодексе РСФСР. Как известно, в настоящее время в России введен мораторий на применение смертной казни как высшей меры наказания. Тем не менее в Осетии отношение к этому шагу федерального центра негативное. Большинство юристов, как теоретиков, так и практиков, сотрудников Прокуратуры, Парламента, Министерства юстиции, поддерживают сохранение в УК РСФСР статьи о смертной казни (Д. Келехсаев, Р. Кабалоев, С. М. Кесаев, К. К. Гетоев) [ПМАБ]. Приверженцы этой позиции приводят следующие аргументы в ее пользу: применение меры смертной казни позволит, во-первых, ослабить криминальный беспредел в Северной Осетии, во-вторых, реализовать традиционное понятие

о возмездии («во имя высшей справедливости — каждый, кто умышленно причинил смерть другому человеку, должен быть сам лишен жизни»). Д. Келехсаев, один из руководителей Министерства юстиции, указывал, что «следует учитывать мировосприятие, склад ума, или менталитет, как сейчас принято говорить, известных социальных групп и даже этносов, допускающих кровную месть и другие суровые меры негосударственного принуждения» [ПМАБ].

Одной из важных причин сложной криминогенной ситуации, возникшей в последнее десятилетие в Северной Осетии, как отмечают многие общественные деятели республики и руководящиеся работники судебных и правоохранительных органов, а также депутаты Парламента РСО-А, является слабость деятельности правоохранительных органов. В результате виновные в серьезных преступлениях не несут должного наказания. Многие отделываются за совершение особо тяжких преступлений небольшими сроками. По свидетельству доктора юридических наук бывшего министра юстиции РСО-А А. Цалиева, «немалая часть судейского корпуса республики не заслуживает высокого звания судьи. Не зря же в местной центральной печати неоднократно критиковалась работа наших судей». Анализируя данные судебной статистики Минюста, А. А. Цалиев заключил, «что наметилась тенденция заметного ослабления карательной практики районных судов, и что особенно тревожно, — по тяжким преступлениям» [ПМАБ].

Наиболее показательна позиция по отношению к государственному праву и местной правовой традиции лидеров образованного в 1993 г. всеосетинского народного движения Стыр Ныхас (ныне Аланты Ныхас). В основу деятельности Стыр Ныхас была положена идея возрождения народных традиций, в том числе и всех форм и методов народной дипломатии, традиций и обычаев горских народов для урегулирования конфликтов. По мнению лидеров движения, эту идею можно воплотить с помощью, во-первых, возрождения фамильных ныхасов, т. е. собраний членов родственных

групп, и, во-вторых, с помощью общественных примирительных комиссий, которые могли бы урегулировать различные сельские и городские конфликты. Так, в 1997 г. на московском форуме старейшин северокавказского региона по инициативе председателя Стыр Ныхаса М. И. Гиоева была образована постоянно действующая региональная примирительная комиссия Северного Кавказа для преодоления межнациональных конфликтов. Идея возрождения отдельных норм местного права разрабатывалась лидерами движения в рамках концепции «национальной идеи и национального развития» Осетии. Так, в 1998 г. на 3-м Съезде осетинского народа были созданы Комиссия по пропаганде обычаев и национальной культуре и Юридическая комиссия [ПМАБ].

Тем не менее уже в ноябре того же года на расширенном заседании совета Стыр Ныхас с участием представителей фамилий осетинского народа был отмечен рост преступности в Осетии. Лидеры движения подчеркивали, что «сложившаяся в республике криминогенная обстановка объективно требует от руководства принятия более решительных и эффективных мер в борьбе с преступностью, ужесточение карательной политики в рамках закона по защите прав, свобод и законных интересов граждан». Для этого лидеры Стыр Ныхас предложили объединить усилия общественности и правоохранительных органов, рекомендовать органам местного самоуправления повысить объективность в оценке положения дел с преступностью и требовательность к должностным лицам, ответственным за ее состояние, и наконец, местным ныхасам совместно с семейными ныхасами усилить профилактическую работу среди населения и прежде всего среди молодежи, одновременно объявив беспощадную борьбу с преступниками, вплоть до объявления хъод.

В конце 1999 — начале 2000 гг. под руководством Стыр Ныхас проводился 4-й Съезд осетинского народа, на котором был подтвержден взятый на предыдущих съездах курс на возрождение обычаев и традиций осетин, в том числе

и правовых. Так, на съезде говорилось, что следует «всемерно использовать все формы народной дипломатии для быстрого преодоления последствий грузино-осетинского и ингушско-осетинского конфликтов». По-прежнему Стыр Ныхас для проведения этой идеи пытается использовать районные, сельские квартальные, фамильные Ныхасы, возрождаемые с помощью Совета старейшин. Наиболее популярны в настоящее время — фамильные ныхасы, которые создаются на базе 3 и более семейств одной фамилии. Так, фамилия Джисоевых-Гисоевых объединила 870 семей, проживающих в РСО-А. Задачи, стоящие перед такими фамильными объединениями, довольно обширны. Например, фамильный Ныхас Цаллаговых, образованный в 1995 г., провел съезд, на котором присутствовало по 1 чел. от каждого села, где проживают Цаллаговы. На съезде было решено установить контроль за криминальной ситуацией в своей фамилии. Наряду с этим на ныхасе был создан фамильный фонд для оказания различной помощи членам своей фамилии. Фамильные ныхасы Кубаловых, Басиевых, Канатовых, Джисоевых — Гисоевых также организовали свои фамильные фонды помощи. Помимо фамильных Ныхас создаются районные Ныхасы, формирующиеся на базе представителей от каждого населенного пункта района, и квартальные ныхасы (сыхты), выбираемые на квартальных сходах (уже функционируют в селениях Урсдон, Синдзикауа, Дур-Дур, Мостиздах, ст. Николаевская).

На последнем съезде руководители Стыр Ныхаса вновь обратились к идее поддержки правоохранительных органов и тесной связи между ними и населением, поскольку надо вести бескомпромиссную борьбу с криминалом в республике, в первую очередь, с помощью правоохранительных органов», призывая ужесточить наказания за похищение людей и другие тяжкие преступления, и предлагая со стороны фамильных Ныхасов ввести контроль за преступностью в рамках фамилий.

3.6. Воздействие норм адата и шариата на современный общественный быт у народов Северного Кавказа

В настоящее время во многих сферах общественного быта происходят изменения, связанные с возрождением ислама на Северном Кавказе. Ключевым вопросом, вызывающим действительно серьезные разногласия в связи с распространением ислама и затронувшие практически все слои населения республик региона (и мусульман, и атеистов), в том числе и интеллигенцию, стала дискуссия о соотношении адыгской и исламской культур, адата и шариата в общественном быту. В одном лагере оказались «традиционные» мусульмане и интеллигенция, чаще всего настроенная атеистически, а в другом — т. н. «молодые» мусульмане. Для старшего поколения и интеллигенции кавказские (например, адыгские) традиции важнее ислама, для молодого — наоборот. Рассмотрим некоторые из таких разногласий [Бабиц 2004: 67–89].

Пространственное расположение прихожан в мечети. Согласно адатной традиции на Северном Кавказе многие века бытовал институт почитания старших. Тем не менее в настоящее время в ходе мусульманских реформ это правило не принимается мусульманами. Причем в прежние века мусульмане считались с этой адатной традицией. Интересный материал приводит Крым-Гирей, посетивший одну из мечетей натухайского селения Кудакое еще в XIX в. «Полагая, что на молитвах черкесы не так строго соблюдают чинопочитание, как в обыденной жизни, я стал по левую сторону какого-то горца. Мулла помолился, сидя на коленях и приветствовал, перебирая четки, ангелов — Джибраэли и Рахмет, охраняющих, по нашему учению, от поползновений сатаны. В это время он заметил, что я стою не на своем месте. Мулла обратился к моему соседу со словами: Грешный! Аллах не примет твоей молитвы, если будешь так нагло изменять обычаям твоих отцов, как ты изменяешь им в настоящую минуту: ты стоишь

по правую сторону человека, который к тебе слишком снисходителен и которого ты должен уважать» [Крым-Гирей 1992: 96–97]. Молодые мусульмане считают эту традицию архаичной — каждый имеет право занять то место в мечети, которое оказалось свободным в момент его прихода [Бабич 2003; Бабич 1994. № 4: 44–53].

Гостеприимство и география. Исконно кавказская традиция гостеприимства тесно связана с географическими понятиями. Можно отметить, что кавказское гостеприимство различалось по тем критериям, выработанными веками у народов Кавказа, по которым оценивали гостей. Известно, что во всяком обществе были более и менее почитаемые гости. Так, на Кавказе гости делились на случайных (незнакомых), и знакомых лиц. Первые — принимались в кунацкой, а вторые — в доме хозяина. Также гости делились на тех, кто приехал по делам (проходящий гость) и тех, кто специально приехал погостить (золотой гость). Вторые ценились больше. На Кавказе выделялись гости, приехавшие впервые, гости, приезжавшие редко, и наконец, гости из дальних краев и т. д. Наибольшим почетом на Кавказе пользовались гости, прибывшие из далеких краев, так называемые дальние гости, которые в свою очередь делились по степени отдаленности места, откуда они прибыли, на три группы. К первой группе относились «гости из других стран», ко второй — «гости, переехавшие через 3, 5, 7 или 9 рек». Иногда вместо количества рек имело значение, с какой именно реки приехал гость. К третьей группе — «гости из других селений» [Бабич 1999]. Самыми почитаемыми при прочих равных условиях были гости из других стран. При определении почетности «дальнего гостя» учитывалось и то, с какой именно стороны он прибыл. Безусловно, присущая каждому кавказскому обществу своя шкала почетности гостей объяснялась социально-экономическим и общественно-политическим развитием этого общества.

Бытовали и различные приемы гостей. Так, у адыгов, проживающих на Северо-Западном Кавказе, многие века

существовала следующая дифференциация приемов различных гостей: 1) прием «большого гостя», 2) прием «дорогого гостя», 3) прием «важного гостя», 4) прием «простого гостя». Опишем прием «большого гостя». К «большим гостям» адыги причисляли: 1) «дальних гостей», приехавших специально погостить, 2) путешественников-иностранцев, 3) гостей, хотя и из соседних селений, но из известных фамилий, 4) гостей, приезжавших очень редко и имевших репутацию почитаемых людей, 5) «должностных лиц», пользующихся уважением, в частности: духовных лиц, работников сельской администрации и др. Такой прием оказывался иностранным путешественникам и русским подданным, побывавшим на Кавказе по служебным делам [Бабич 1996. № 3: 23–35].

Организация современных кладбищ. У народов Северного Кавказа в похоронно-поминальной обрядности причудливо переплетаются исламские и адатные традиции. «Молодые» мусульмане в ходе «ревизии» адата стремятся изменить сложившиеся в прежние времена правила захоронения на кладбищах, которые представляли собой сочетание адатных и советских особенностей. Например, до сих пор у адыгов сохранялся фамильный характер захоронений и установление памятников и оград на могилах. Но постепенно ситуация меняется. Так, в ауле Тахтамукай (Республики Адыгея) уже не соблюдается фамильный характер новых захоронений: местный эфендэ не разрешает оставлять место для захоронения родственников. Раньше делали столбы у ног и головы из дерева, а теперь делают из железобетона. Эти небольшие столбы отличают мужскую могилу от женской; у мужчин они расположены параллельно, а у женщин перпендикулярно. Существует поверье, что на этих столбах сидят ангелы.

Около могилы в сел. В. Куркукужин (Кабардино-Балкария), где похоронена дочь хаджи в 1792 г., пожилые женщины совершают обряд вызывания дождя. Это место называется чащанэ (крепость, склеп), или нывэ ду (каменный амбар).

Миграции как изменение соотношения адата и шариата. На протяжении двух столетий было несколько этапов и форм переселений северокавказских народов: это и массовое выселение в ходе русско-кавказской и после ее окончания в Османскую империю, и переселение горцев на равнину, проводимое в 1920-е годы советской администрации, и депортация некоторых народов в Среднюю Азию в 1940-е годы, проводимое в сталинское время. Все эти перипетии в значительной степени изменили традиционное расселение жителей в сельских населенных пунктах, которое в прошлом соблюдало принцип создания кварталов родственников.

В первой половине 1990-х годов адыги, проживавшие в Косово, переселились на постоянное жительство в Адыгею. Косовские адыги — мусульмане, у которых не было опыта жизни в условиях советской и постсоветской власти. Переселившись в Османскую империю во второй половине XIX в. и оказавшись в ходе вторичного переселения (в 1880–1890-х годах) уже внутри империи на территории Балканского полуострова, они получили возможность отправления религиозного культа в полном объеме, в том числе и в правовой сфере — мусульманского права. Эти исторические обстоятельства в значительной степени повлияли на возникновение специфического положения косовских адыгов в современной Адыгее. Как сообщали косовские адыги среднего и старшего возраста, и исламская, и адыгская (адатная) культура адыгов в Косово значительно отличается от того, с чем они столкнулись в Адыгее: с одной стороны, ислам косовских адыгов сходен не с «традиционным» адыгейским, а с турецким исламом. С другой стороны, адат, адыгэ хабзэ, т. е. нормы адыгского поведения в социальной и семейной сферах, видоизменилось в иные формы: некоторые нынешние адыгейские традиции не характерны для современной косовской жизни, в то же время адыги Косово сохранили ряд традиций, которых нет в Адыгее. Надо сказать, что «косовский» ислам включил многие адатные традиции в свою жизнь: так, в косовских мечетях первые два наиболее почетные ряда всегда оставлялись для пожилых мусульман. Молодые их не занимали, даже если они

первыми приходили в мечеть, сохраняя таким адатную традицию почитания старших. У косовских адыгов и местных адыгейцев сложились различные похоронные традиции: у первых превалирует исламские черты, у вторых — адыгские с элементами адата [Бабич 2010].

Клановая структура: борьба адата и шариата. Клановая или родственная структура северокавказских обществ является одной из характерных черт традиционной этнической культуры народов Северного Кавказа как в прошлом, так и в настоящем. До сих пор родственные связи играют значимую роль в разных областях жизни народов. Во-первых, социально-экономические изменения XIX и XX вв. привели к распаду большой семьи, объединявшей вокруг себя значительное число родственников, и развитию малых семей, которые обзавелись собственными хозяйствами и выделились в отдельные экономические единицы. Поскольку уже давно нарушился родственный принцип расселения, в настоящее время члены кровнородственных групп, принадлежащих одной фамилии, живут в разных селениях, а подчас и в разных северокавказских республиках. Поэтому родственные связи в кровнородственных структурах северокавказских народов укрепляются главным образом во время проведения крупных родственных событий, таких как свадьба или похороны, являющиеся важными объединяющими мероприятиями, на которые съезжаются взрослые члены семей первого и второго порядка. Это традиционная сфера жизни северокавказских народов. Так было и в XIX в., и в XX в. Члены некоторых семей хорошо помнят своих предков и имеют легенды об их героической жизни, помнят свои исторические корни, сохраняют родственные символы, например, тамги. Такие родственные объединения приобретают высокий социальный статус в обществе. Для решения тех же и других целей в современных северокавказских обществах возникла новая форма искусственного родства. Речь идет об объединениях однофамильцев. В настоящее время идет процесс формирования новых ритуалов и символов данной формы

искусственного родства. Формируется и новая идеология, в основе которой положен, например, поиск общих предков однофамильцев. Процесс объединения однофамильцев охватил практически все народы Северного Кавказа. Особенно ярко он прослеживается в адыгском, осетинском и карачаево-балкарском обществах.

Съезды однофамильцев, которые иногда называют фамильными сходами, путая с собраниями кровных родственников, проводятся на уровне республик, когда на мероприятие приезжают однофамильцы из какой-либо одной республики Северного Кавказа, на межреспубликанском уровне, когда на съезд съезжаются лица из разных республик этого региона (например, съезды однофамильцев-адыгов из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии и причерноморской Шапсугии), и наконец, собрания, на которые помимо всех вышеназванных лиц приезжают однофамильцы из стран Ближнего Востока, главным образом, из Турции, Сирии и Иордании, где, как известно, проживает значительное число представителей народов Северо-Западного и Центрального Кавказа [ПМАБ].

Отметим, что клановая структура северокавказского общества, основанная на адате, стала одним из ключевых аспектов разногласий между сторонниками различных исламских течений, возникший в начале и особенно во второй половине 90-х годов в этом регионе. Клановая структура наряду с упоминавшимся выше институтом почитания старших стали рассматриваться ими как негативные явления, от которых стоит избавляться в процессе исламской модернизации северокавказского общества. Такая непримиримая позиция связана, как нам представляется, с несколькими причинами [ПМАБ].

Пространственное расположение мужчин и женщин в танце. «Молодые» мусульмане в ходе проведения «ревизии» адата в горских обществах Северного Кавказа не одобряют близкое расположение мужчины и женщины в национальных танцах, допуская лишь танцы мужчин и женщин отдельно. Отметим, что подобное существует и в среде косовских адыгов,

о которых мы писали выше. У них действительно нет совместных танцев мужчин и женщин.

География и право. Внедрение в современную жизнь шариата и ослабление адата в современном горском обществе привело к появлению различных новых тенденций в системе традиционного землепользования, основанного на адате или советской колхозной традиции. Остановимся на них.

Прежде всего стало появляться мусульманское землепользование (вакуфное землепользование). В прошлом мусульманское землепользование было, например, в Карачае, на кадия Карачая возлагались контрольные и регулирующие функции, связанные с оборотом земельных участков, которые составляли вакуф — чисто мусульманский, благотворительный вид условного землевладения, который появился в прошлые века на Северном Кавказе с внедрением шариата. Карачаевский вакуф («азат») заключался в том, что владелец дарил в пользу бедных пахотные или покосные участки. Исполнитель его воли — осуй (опекун) по совету с муллами, отдавал землю в пользование ее какому-нибудь бедному, трудолюбивому и благочестивому человеку и если последний со временем богател, то земля передавалась другому. У западных адыгов, как известно, турецкие миссионеры так и сумели ввести вакф. В современной Адыгее не было вакуфной традиции, тем менее переселившиеся косовские адыги такой опыт имели. Мусульманские учреждения — мечети и школы в Косово, как и в большинстве исламских стран, содержались на счет использования вакуфной собственности. Практиковали ее и косовские адыги. Проблема восстановления институтов мусульманской собственности приобрела небывалую актуальность на постсоветском пространстве в начале третьего тысячелетия. Так, В. О. Бобровников описывает ситуацию, сложившуюся с возрождением вакфов в Дагестане [Бобровников 2002].

«Географическая конфликтология» и примирение по адату. Если рассмотреть типичные для народов Северного Кавказа в прошлые века вообще, и для адыгов, в частности, конфликты

с точки зрения территориального проживания их участников, то можно сделать заключение: наибольшая доля всех столкновений приходилась на те, которые имели место между адыгами, проживавшими в разных кварталах одного и того же селения. Адыгские селения второй половины XIX в. представляли собой крупные территориальные единицы, включавшие несколько кварталов (джамаатов). Обычно внутри квартала проживали родственники, составлявшие патронимию. Каждый квартал имел своих общественных лидеров. Рассмотрев дела медиаторских судов за 45 лет, с 1870 по 1915 г., мы обнаружили только 15 дел, в которых описываются столкновения между соседями или лицами, проживавшими в одном квартале. В результате этих конфликтов, в основе которых лежали незначительные бытовые ссоры или же хозяйственные разногласия, их участники причиняли друг другу незначительный физический ущерб. В западно-адыгском сел. Афипсип на границе двух соседних земельных участков рос дуб. Один из хозяев участка срубил его. Недовольный этим сосед избил жену виновного. Наиболее распространенные конфликты между жителями разных кварталов одного селения — ссоры из-за правил пользования земельными участками: пахотными, пастбищными, усадебными, а также огородами; нанесение хозяйственного ущерба обработанным земельным участкам; причинение ущерба животным; ссоры, возникшие во время организации общинных стад для выпаса скота (например, неуплата отдельными общинниками пастуху денег за выпас их скота, отказ пастуха взять чей-либо скот в стадо, возвращение хозяину раненого скота); ссоры из-за невозвращения в срок долга. Мы обнаружили небольшое число конфликтов, происходивших в 1870–1910-е годы между адыгами из разных селений: 10 столкновений, которые имели как незначительные последствия, так и серьезные (ранения и убийства). Чаще всего случались неумышленные ранения и убийства на свадьбах, на которые собирались адыги из разных селений, или же во время похищения невест.

Анализируя рассмотренные выше конфликты в советский период с точки зрения территориального расселения их участников, можно увидеть, что, как и в пореформенной адыгской общине, в 1920–1930-е годы соседские связи некоторым образом «смягчали» поведение адыгов. Как свидетельствует архивный материал, столкновения между соседями происходили редко. Между тем родственные связи, наоборот, усиливали. В 1920-е годы во время раздела наследства многие столкновения заканчивались порой убийствами близких родственников (сыновей, родных братьев, дядей). Это новое явление не было характерно для дореволюционной жизни адыгской общины, которая в начале 1920-х годов представляла собой крупное селение, т. е. территориальную единицу, внутри которой наиболее прочными продолжали сохраняться родственные и соседские связи.

Как и прежде, наиболее частыми в адыгской общине 1920-х годов являлись столкновения между жителями одного селения, проживавшими в разных кварталах. Адыгские селения были довольно крупными и делились на несколько кварталов, удаленных друг от друга на некотором расстоянии. Как свидетельствуют собранные мною полевые этнографические материалы, в 1950–1990-е годы значительно увеличилось количество самых разнообразных внутрисельских конфликтов.

В настоящее время адыгские селения представляют собой огромные территориальные единицы, от 5 до 10 тыс. чел. Каждое селение состоит из пяти-шести кварталов. Если в пореформенное время соблюдалось родственное расселение внутри квартала, то за советские годы эта традиция нарушилась: в настоящее время родственные семьи разбросаны по всему селению, что способствует ослаблению родственных связей внутри кварталов. По моему мнению, этим во многом и объясняется увеличение внутриквартальных конфликтов. Как показывают этнографические данные, в 1990-е годы, в отличие от территориального, родственный фактор продолжает играть сдерживающую роль в разжигании бытовых

конфликтов как в адыгском обществе, так и в других регионах Северного Кавказа, например, в Северной Осетии, где родственные связи стали едва ли не единственной основой сохранения традиционных устоев жизни народа. Думается, можно говорить об упрочении в 1990-е годы их роли в адыгской и осетинской общинах.

В прошлые времена, если виновный и потерпевший проживали в одном ауле, и тем более в одном квартале, община через систему общинных санкций оказывала давление на обе стороны, желая, чтобы скорее примирились, совершив адатное примирение и целый ряд процедур, связанных с этим. Это отчетливо видно из прошений, направляемых потерпевшими в медиаторский (адатный) суд. В одном из таких документов кабардинец писал: участники конфликта являлись «односельцами одного квартала и подлежали одной мечети», поэтому «общество нашего квартала со своей стороны предложило решить ссору между нами примирением».

Кровная месть и пространство. Для кровной мести на Северном Кавказе была характерна определенная пространственная приуроченность. Местом совершения мести являлось, как правило, любое общественное место, за исключением мечети, а именно: базар, улица, а также дом кровника или врага. В большинстве случаев горцы мстили во время массовых мероприятий, например, свадеб, так как в этот момент возрастала вероятность случайных встреч кровников. Месть вне селения случалась крайне редко.

В прошлом у народов Северного Кавказа, бытовала так называемая традиция избегания кровников, в основе которого лежали «пространственные» правила поведения, характеризующие взаимоотношения кровников и их родственников в период примирения. «Миротворческий» период мог быть очень длительным — от полугода до года и более. В соответствии с этими правилами после совершения какого-либо серьезного деяния, главным образом убийства, виновный вместе с семьей должен был переселиться в другое селение на временное жительство. В своем селении они могли вновь

появиться после окончания судебного процесса. Если он затягивался, то семья виновного могла вернуться в селение через месяц. После возвращения виновный и его семья, с одной стороны, и родственники потерпевшего, с другой, давали сельскому старшине расписки о том, что они будут, во-первых, избегать случайных встреч с друг другом в мечети и других общественных местах, во-вторых, виновная сторона будет во всем давать первенство семье потерпевшего, в-третьих, виновная сторона не будет появляться там, где уже находились родственники потерпевшего. Особенно строго данное правило следовало соблюдать при посещении службы в мечети. Если в селении было две мечети, то кровникам предлагалось посещать разные мечети, если одна — то входить в нее и выходить из нее с разных сторон.

Любопытно, в архивных делах XIX в., как правило, указывались основания, по которым сельчане считали необходимым открытие либо новой мечети в их селении, либо повышении статуса уже существующей мечети. Так, в общественном приговоре жителей сел. Тахтамукай написано следующее: «Между односельчанами из разных краев аула произошло столкновение, окончившееся смертью одного и поранением двух других участников. Вследствие этого между родственниками той и другой стороны возникла кровная вражда. Вражда эта не утихает. При встречах противных сторон во время праздников в мечети она усиливается и не дает возможности всецело отдаваться молитвенному настроению как враждующих, так и других, не причастных к этому делу мужчин, порождая среди последних тревогу в ожидании возможного кровавого столкновения. Наличие этой вражды во время молитвы противоречит требованиям шариата» [ЦГА РА]. Таким образом, как видно из приведенного общественного приговора, в основе религиозного конфликта в этом селении лежало желание адыгов соблюдать этикет кровников, который традиционно позволял избегать столкновений между ними.

В 1920-е годы у адыгов частично сохранялись традиционные правила поведения кровников, т. е. участников

исходного конфликта и их ближайших родственников. Во-первых, они не имели права случайно или умышленно встречаться на улице, в чьем-либо доме, в общественном месте, например, в мечети. Во-вторых, виновная семья не могла выезжать на полевые работы, чтобы случайно не встретиться с семьей потерпевшего. В-третьих, как указывается в одном архивном деле, «спорящие стороны... при встрече одного с другим должны давать дорогу» потерпевшей семье, а виновный должен «обходить и скрываться». Соблюдались эти правила и у других народов Северного Кавказа, например, осетин. Отметим, что в 1920-е годы далеко не все адыги, являвшимися кровниками, соблюдали данный этикет. Так, в одном прошении родственника убитого кабардинца указывалось, что убийца «не только не желает выполнить обычай, и будучи соседом не старается не встречаться и давать по обычаю дорогу, а напротив своими действиями постоянно раздражает мою семью и родственников как бы вызывая их на кровную месть» [ЦГА РА].

Конфликтующие стороны, считающиеся кровниками, продолжали соблюдать этикет кровников. Они не здоровались и не общались между собой, старались не встречаться в общественных местах. Как свидетельствуют архивные данные советского Верховного суда Кабардино-Балкарии, несоблюдение данной традиции могло вызвать совершение кровной мести. Так, в селении Куба во время похорон встретились кровники: убийца и сын потерпевшего. Первый, видя кровника, не только не ушел в другое помещение, а наоборот, начал оскорблять парня. В результате сын потерпевшего не смог сдержать своих чувств и убил кровника [Бабич 2003. № 12: 14–20].

Интересно, что советские судебные органы также обращались к традиции избегания кровников как способу предотвращения мести. Так, при рассмотрении советским Верховным судом КБР дела об убийстве лесника и его приемного сына совершенное, как определено судьями, «на почве мести с особой жестокостью», суд вынес решение о признании виновного невменяемым. Тем не менее суд не разрешил

его родственникам держать больного в психоневрологическом диспансере на территории Кабардино-Балкарии, поскольку это, как отмечено в судебном приговоре, «опасно для жизни из-за мести родственников и их односельчан» [ЦГА КБР].

В настоящее время эта традиция отчасти соблюдается. У ингушей виновный имеет права не посещать мечеть, в которой родственники убитого совершают намаз, ходить на свадьбы и похороны к общим родственникам, женщины из семьи виновного и потерпевшего не носят светлые одежды и при встрече не разговаривают с кровниками. Из страха кровной мести многие увольняются с работы и учебы. Некоторые ингуши уезжают из родных и обжитых мест и скрывают свое местонахождение, боясь преследования [ПМАА].

Как показывают рассмотренные нами архивные данные, большую роль в установлении или, вернее, не установлении кровнических или враждебных отношений играло местожительство участников конфликта. Так, я обнаружила лишь один случай, когда сельчанин из кабардинского селения Коново совершил месть по отношению к соседу. Между ними произошла ссора из-за ограды, которая разделяла их участки. Во время ссоры соседи подрались. Один из них был ранен. Спустя некоторое время потерпевший попытался убить неговорчивого соседа. Вместе с тем я нашла только два случая совершения мести по отношению к лицам, проживавшим в других селениях. В основном месть совершалась по отношению к односельчанам, проживавшим в других кварталах. Адыги не только не боялись причинять им незначительный физический или материальный ущерб, но и убивать их.

Выселение как способ примирения. Народы Северного Кавказа часто использовали в качестве санкций, склоняющих стороны к адатному примирению, выселение семьи виновного на жительство в другое селение. Нами обнаружено в архиве советского Верховного суда КБР целый ряд дел, в которых родственники потерпевших просили суд о применении подобного наказания. Особенно это касалось тех случаев, когда участники конфликта жили по соседству. Жена одного убитого

кабардинца, требуя выселения семьи виновного из селения, говорила на суде: «мы живем близ друг друга и я не хочу, чтобы дети выросли с чувством мести» [Бабич 2000].

Адат и природные явления. Моления по случаю засухи и стихийных бедствий. До сих на Северном Кавказе бытуют адатные традиции, связанные с попыткой влиять на природу, в частности, моления по случаю засухи или иных стихийных бедствий. Моление тхъэльэЮ (кабард.), курманлык (балк.) устраивают, как бы выражая благодарность Богу в том случае, если поблизости случилось какое-то несчастье, миновавшее данное село (например, если по соседству случилось землетрясение, наводнение и т.п.). Обычно такие моления устраивают поквартально. Вскладчину покупают быка, или барана, или индюков, или кур, готовят угощение и молятся, чтобы несчастье миновало их село. В июле 2002 г. во многих селениях Кабардино-Балкарии проходили тхъэльэЮ по случаю июньского наводнения, которое причинило много бед и разрушений. «Села, которые это наводнение не затронуло, устраивали поквартальные моления — «благодарили Бога, что их миновало это наводнение, просили, чтобы их не постигло впредь такое несчастье». Так, в одном из кварталов поселка Залукокоаже (там живет 40 чел.) (Кабардино-Балкария) собрали по 50–100 руб., купили продукты (обязательно 20–30 кур, фрукты, овощи, конфеты, мороженое, пекли лакумы). Приходил эфенди, все молились. Женщины, участвовавшие в этом мероприятии, решили, что случившиеся несчастья посланы людям за их грехи, и решили отныне ходить по пятницам в мечеть, а также носить соответствующую нормам ислама одежду. После завершения моления детям раздают «кульки» с угощением — это воспринимается как саадака». У балкарцев аналогичный обряд называется «кёрек-бийче» [Соловьева 2004: 118–159].

Современные территориальные (земельные) конфликты, адат и шариат. Серьезной причиной столкновений на Северном Кавказе всегда была земля. Согласно земельным адатам народов Северного Кавказа, каждый член общины имел право продать или сдать в аренду свой земельный пай, соблюдая

при этом право о преимущественной его покупке родственниками или соседями. Лишь в случае отказа тех и других купить этот участок, горец мог продать его постороннему покупателю. Этот земельный адат строго соблюдался адыгами в пореформенное время. В 1920-е годы в ряде случаев адыги начали продавать свои участки посторонним лицам, что вызвало отрицательную реакцию со стороны общин. Так, в 1925 г. житель кабардинского селения Куркужин продал принадлежавший ему участок балкарцу, проживавшему в соседнем селении. Сельчане выступили против этой сделки. Такие ситуации в кабардинских селениях стали распространенным явлением, в результате чего кабардинцы на сельских сходах принимали решения о запрещении сельчанам продавать свои участки посторонним лицам. Те участки, которые к тому времени оказались проданными посторонним лицам, должны были пойти в общесельский земельный фонд. Попытка большинства адыгов придерживаться земельных адатов в 1920-е годы вызвала у тех, кто уже продал или собирался это сделать, негативную реакцию, приведшую к столкновениям между сторонниками и противниками применения земельных адатов.

Наряду с этим в 1920-е годы значительно возросло количество земельных столкновений, как между жителями разных адыгских селений, так и между адыгами, с одной стороны, и соседними народами Северного Кавказа, с другой. В основе этих конфликтов лежала борьба северокавказских народов за передел земель. Эта борьба проходила на личностном уровне, когда отдельные сельчане, пользуясь отсутствием сильной сельской и областной администрации, проводили самовольные захваты земель и на государственном, когда властные структуры отдельных северокавказских регионов пытались получить земли соседних народов с помощью признания своих прав на землю или в Северокавказском земельном управлении, или в центральных органах советской России. И те, и другие конфликты имели серьезные последствия, заканчиваясь причинением его участникам значительного физического ущерба. В одном архивном

деле указывалось, что конфликты между кабардинцами, с одной стороны, и карачаевцами, балкарцами и осетинами, с другой, «на почве земельных взаимоотношений, стали переходить границы мирного разрешения вопроса и выливаются в форму открытого выступления одной нации против другой».

В 1990–2000-е гг. на Северном Кавказе появились разного рода земельные конфликты, в основе которых лежат совершенно отличные друг от друга причины, тем не менее их участники обращаются и к адату, и к шариату для их урегулирования. В частности, у шапсугов Причерноморья, во-первых, появились конфликты из-за распавшегося совхоза, который в советские годы объединял все шапсугские селения Лазаревского р-на г. Сочи (6 селений). Совхоз был образован в 1975 г. на базе существовавших ранее разрозненных колхозов, а в 1990-е годы был ликвидирован. Администрация г. Сочи стремится забрать совхозные земли шапсугских селений на основании закона об использовании земель: если земля не используется в течение 5 лет, то она может быть передана другому владельцу. Руководство г. Сочи не стремится возродить совхозное дело в шапсугских селениях. Через городскую администрацию происходит раздача совхозных земель либо под индивидуальное жилищное строительство, либо для создания различных акционерных обществ, либо в аренду для выпаса индивидуального скота и т. д. [Бабич 2009. № 213].

Во-вторых, у шапсугов есть земельные конфликты, в основе которых лежат политические причины. В 1930-е годы треть шапсугов была репрессирована и выселена в Среднюю Азию. После войны многие вернулись и поселились на других землях. В целом, самих репрессированных шапсугов осталось мало, в основном живут их дети, которые не высказывают каких-либо претензий по этому поводу. Тем не менее в 1990-е годы некоторые из бывших репрессированных, имевшие ранее большие участки земли, вспомнили об этом и стали требовать возвращения земель. Такая ситуация возникла в сел. Тхагапш, где один сельчанин Т. враждовал

с другим, который жил в доме, располагающемся на участке, принадлежащем Т. Т., требовал возвратить ему его земельный участок [ПМАБ].

С 1930-х годов вплоть до 1980-х включительно на всем Северном Кавказе, в том числе и в Кабардино-Балкарии и Адыгее, существовала колхозная система, которая объединяла земли адыгских, русских и балкарских селений, входивших в эти республики.

Основная проблема, с которой столкнулась местная администрация в ходе процесса расформирования колхозов и совхозов, состояла в правилах дележа принадлежавшей ранее колхозам земель. В Северной Осетии, где осетины, проживающие в разных селениях, требуют возвращения земель, принадлежавших их общинам до начала коллективизации. Такой конфликт произошел между жителями селений Дарг-Кох и Карджын. В 1957 г. был образован Карджинский совхоз. В него вошли 998 га, принадлежавших общине селения Дарг-Кох. Теперь осетины из селения Дарг-Кох стали требовать возвращения этих земель.

Есть и другие причины современных территориальных конфликтов. Экономические и политические процессы 1990-х гг. привели в движение и национальные силы северокавказских народов. Так, в КБР начался процесс национального возрождения, который сразу же стал развиваться в форме борьбы за возрождение кабардинской и балкарской государственности. Проблема государственности на Северном Кавказе — это проблема национально-территориального государственного устройства, заключающаяся в попытке лидеров общественных движений сформировать государства на основе одного или нескольких родственных этносов. Попытка начать формирование в рамках КБР двух государств по национальному принципу вызвало острую земельную проблему, поскольку и кабардинцы, и балкарцы, получили в наследство от прошлых властей сложную и запутанную территориальную ситуацию, связанную с многолетней политической переселения северокавказских народов, а также с русской экспансией.

Итак, мы можем сказать, что роль адата и шариата в общественных практиках была четко связана со стадиями формирования в горских обществах вещного права горцев. Юридического оформления различных видов собственности горцев к началу XIX в. не было и в адате не разработаны основные понятия вещного права (права собственности и владения), тем не менее, адатный суд в этот период пытался регулировать владение и пользование пастбищными и пахотными землями и т. д. Перечислим основные нормы земельного обычного права горцев: переход земли под общий выпас после уборки хлебов и сена, право родственников на выморочное имущество, преимущественное право родственников при покупке и даже право выкупа продаваемой земли, право жителей на пользование общинными пастбищами даже при переселении их в другие аулы, общий выход на покос (по горскому адату даже индивидуальные сельхозработы часто подлежали регулированию общины), так, начало сенокоса определялось общиной, обычай общего пользования инвентарем во время запашки, право брать сено при недостатке кормов весной из чужого стога, для запашки земель, отдельные мелкие хозяйства членов одного и того же рода объединяли свой инвентарь и по очереди работали на каждого, после уборки урожая на участке, принадлежащем одной семье, вся родовая община была вправе пасти свой скот, обычай помочей (карач. маммат, кабард. дзей, осетин. цию), согласно которому род оказывал помощь своему члену при постройке дома, при уборке хлеба.

Любопытно, что в Ингушетии подобные территориальные конфликты в последние 20 лет пытались решать с помощью адата и шариата. После распада СССР в Ингушетии участились случаи разбирательств, связанных с территориальными притязаниями и с передачей промышленных предприятий в собственность граждан. Многие ингуши в те годы сумели по остаточной стоимости приобрести бывшие государственные учреждения. Это, в свою очередь, вызвало

резкий всплеск недовольства и возникновение конфликтов между новыми хозяевами и теми, кто когда-то давно, еще до передачи государству, владел этими объектами или землей, на которой они располагались.

Опишем некоторые случаи. Произошел спор относительно здания почты между новым хозяином и прежним владельцем земли, на которой располагалось строение. Для этого разбирательства были приглашены три почетных старца, которые могли свидетельствовать о том, где располагался тот или иной объект или земля. Члены шариатского суда прибегли к помощи старейшин, которые помнили, что граница спорной территории проходила на том месте, где располагалось большое дерево. При тщательном осмотре земли были обнаружены корни дерева, и это обстоятельство послужило основой для разрешения конфликта. Земля была разграничена по указанным ориентирам. В последние годы в среде ингушей участились споры, связанные с выделением земли в собственность. Иногда поступающие в шариатский суд дела сразу же передаются в гражданский российский суд. Приведем пример. Произошел земельный спор между двумя жителями селения Ингушетии: у одного были официальные документы на участок земли, а у другого есть два свидетеля, которые готовы подтвердить, что спорный участок принадлежит именно ему. Шариатский суд отказался рассматривать такое дело и стороны обратились в российский суд.

В результате нашего анализа мы попытались показать, в какой степени адат и шариат — две взаимодействующие правовые системы прошлого и настоящего горских обществ Северного Кавказа в прошлом и продолжают в настоящее время оказывать влияние на формирование территориальной организации жизни северокавказских народов в экономической, судебной, общественной, семейной, религиозной сферах жизни горцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой монографии мы попытались показать обычно-правовые практики не как архаичный пережиток прошлого характерный для горцев, а как часть плюралистического правового пространства современного северокавказского общества. Значимость адата и шариата для правового регулирования нашей страны в различные периоды истории Северного Кавказа была не одинакова. Бытование в горских обществах в пережиточной форме обычаев кровной мести, кражи невест, калыма и т. д. вынуждало государственные институты власти подключать к решению этих вопросов знатков адата и шариата. Адат и шариат использовались как в общем независимые, но активно взаимодействующие подсистемы государственной системы правопорядка. Постепенно видоизменяясь, местное право не переставало быть социально-нормативным регулятором в течение всего указанного периода, хотя и подвергалось ограничению, деформации под влиянием российского имперского, позднее советского социалистического права. Так, в XIX — начале XX в. традиция похищения девушек была достаточно широко распространена в ингушском и чеченском обществах. Существовал целый ряд правил, согласно которым регулировались проблемы, которые возникали при этом. При совершении насильственного (а иногда и добровольного) похищения девушек дальнейшие события могли развиваться по трем «сценариям»: во-первых, отъем девушки ее родителями, во-вторых, совершение под влиянием общества и «адатного» примирения между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями, с другой, в-третьих, совершение кровной мести по отношению к похитителю и его помощникам. Значительно реже у горцев

бытовали похищения просватанных девушек и замужних женщин. В советские годы, когда власти настойчиво боролись с бытованием данных традиций, считая, что они унижают горскую девушку и женщину, постепенно похищение стало формой добровольного похищения, по обоюдному согласию, как будущих супругов, так и их родителей.

Опыт взаимодействия адатного и мусульманского права Российским государством в XIX в., советским государством в XX в. имеет универсальные черты, позволяющий при вдумчивом осмыслении их трансформировать опыт предшествующих эпох в современную практику. Проведя описание основных характеристик процедуры медиаторства у чеченцев и ингушей во второй половине XIX — начале XX в. и их сравнение с посредническим процессом у других народов Северного Кавказа, авторы пришли к заключению, что посредничество как принцип существовал у всех горцев региона, но наблюдались значительные различия в отдельных аспектах, а именно: в количестве медиаторов (судей) в судебном процессе, в размерах компенсации, в сроках ее выплаты, в использовании других форм примирения (добровольное и принудительное выселение за пределы селения или региона) и т. д. Более того, были выявлены расхождения в применении адатов внутри горских обществ, что говорит о продолжении процесса унификации горских адатов в течение XIX — начала XX в. Создаваемые в советские годы советские примирительные комиссии лишь отчасти вобрали в себя черты дореволюционного медиаторства горцев Северного Кавказа.

Особая ситуация сложилась в Северной Осетии. Описание эволюции правовой ситуации в Северной Осетии и анализ современного правового поля у осетин показали, что в результате судебного реформирования, проводимого сначала российско-имперской, а затем советской властью, в этом регионе сформировалось общество с преимущественно российским правосознанием при значительном ослаблении местных правовых традиций. Поэтому с достаточной долей условности современное осетинское общество можно рассматривать как общество, в котором возобладала идея правового

монизма. Сложившаяся ситуация отражается в современной правовой идеологии, имеющей четкую ориентацию на российское законодательство. В отличие от других республик Северного Кавказа, в республике Северная Осетия-Алания нет политических споров вокруг формы и степени признания местного права, что, как мне представляется, обусловлено отсутствием как во властных, правоохранительных и судебных структурах, так и в национальных общественных движениях стремления к правовой свободе и правовой независимости от федерального Центра. Более того, в Северной Осетии сложился своеобразный сплав мощного российского патриотизма с аланской идентичностью.

Мы видим, что на Северном Кавказе отношение советских властей к традиционному медиаторству было разным: в одних республиках сохранялся медиаторский суд, в других — появились новые Примирительные комиссии, но с разными правилами их бытования (Ингушетия и Чечня) и, наконец, в Осетии осуществлялось всестороннее введение советских органов власти. Тем не менее, во всех республиках Северного Кавказа официально, полуофициально и совершенно неофициально сохранялся полиюридизм — сосуществование в областях нескольких судебно-правовых систем. Судебные институты и нормы адата претерпели под влиянием советских реформ сложную трансформацию. Прогнозы советских историков и юристов об «отмирании адата, шариката и других вредных пережитков старого режима» после проведения коллективизации и советских правовых преобразований не оправдались. На Северном Кавказе в 1950–70-е гг. происходит трансформация правовой культуры горцев региона. В одних республиках (Чечня и Ингушетия) на новом витке на государственном уровне вновь создавались Примирительные комиссии. На Северо-Западном и Центральном Кавказе усилились тенденции к применению традиционного медиаторства с выплатой компенсаций. Обе правовые модели все более и более отходили друг от друга в контексте заложенных в них принципов деятельности. Тем не менее, их применение на практике проходило с большей или меньшей

успешностью. Рассмотрев ключевые аспекты развития правовой сферы жизни ингушей, можно отметить тенденцию к расширению области применения шариата (и адата) как дополнительных правовых систем, признавая их не в качестве альтернативы российского государства, а в качестве дополнения и может быть их внедрения в законодательную базу Республики Ингушетия. Наибольший интерес у местных мусульманских лидеров, юристов, населения и властей вызывает гражданское мусульманское право, главным образом, семейное и наследственное право. Тем не менее, важно отметить, что отдельные нормы обычного права во многом практикуются современным шариатским судом, поэтому созданный в 1990-е годы шариатский суд в Ингушетии, как нам представляется, скорее можно назвать «традиционно-правовым», нежели шариатским.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Архив Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики — ВС КБР.

Архив Верховного совета Чечено-Ингушской АССР — ВС ЧИ АССР.

Национальный архив Республики Адыгея — НАРА.

Российский государственный архив Военно-морского флота — РГА ВМФ.

Российский государственный исторический архив — РГИА.

Фонд партии Центральный государственный архив Северной Осетии — Алании — ФП. ЦГА РСО-Алания.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики — ЦДНИ КБР.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания — ЦГА ИПД РСО-Алания.

Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики — ЦГА КБР.

Центральный государственный архив Северной Осетии-Алании — ЦГА РСО Алания.

Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР — ЦГА Ч-И АССР.

Опубликованные источники

Агишев Н. М., Бушен В. Д., Рейнке Н. М. Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912.

Акимов В. Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888.

Александров А. А. Месть // Терские Ведомости. 1905. № 272–274.

Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах — ССКГ. 1875. Т. VIII.

Ахриев Ч. Нравственное значение присяги у ингушей // Терские Ведомости. 1871. № 21.

Ахриев Ч. Присяга у ингушей // Терские Ведомости. 1871. № 20.

Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // Об Ингушетии и ингушах. Терские Ведомости. 1868–1878 гг. Сост. Албогачиева М. С.-Г. Магас, СПб., 2003.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992.

Боков А. Тарко-хаджи Гарданов // Грозненский рабочий. 1998. 5 ноября.

Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2.

Бутков П. Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.

Вл. К-нь. Под Казбеком // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 10.

Галгай // Кавказский горец. Прага. 1924.

Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. Горские суды и Северо-Кавказский муфтият // Терские ведомости. 1913. № 37.

Грабовский Н. Ф. Ингуши: их жизнь и обычаи // ССКГ. Тифлис, 1876. № 9.

Грозненский рабочий, 1930, № 121, 29 мая.

- З-бов М. О калыме // Терские Ведомости. 1879. № 19.
- Иванюков И. И., Ковалевский М. М. У подошвы Эль-бруса // Вестник Европы 1886, Кн. 1-2.
- Ингушская беднота 1920. 17 июля. № 8.
- Ингушские народные приговоры // Терские Ведомости. 1907. № 97.
- Кануков И. Д. В осетинском ауле. Орджоникидзе. 1985.
- Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей. Т. 2. Галле-Берлин, 1814.
- Крым-Гирей. Путевые заметки // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчике, 1992.
- Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Вып. 2, Одесса, 1883.
- Малинин Л. В. О свадебных платежах и приданом // Этнографическое обозрение. 1890. № 3.
- Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать об Осетии и осетинах. Кн. 1, Цхинвал, 1987.
- Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин: историко-юридический очерк // Каспий. 1894. № 58.
- О горских словесных судах // Терек. 1882. № 22-23.
- О ГСС // Терские Ведомости. 1901. № 67.
- Озиев С. Куркиев Магомед Кутиевич // Ингушетия. 1996. № 24.
- Похищение невесты у горцев Терской области // Терские Ведомости. 1891. № 51.
- Проект положения о народных судах // Терские Ведомости. 1909. № 207.
- Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912.
- Список депутатов // Терские Ведомости. 1891. № 31.
- Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М. 1888.
- Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.

Яблонский А. Родные картинки. М., 1912.

Яковлев Н. Ф. Ингуши. М., 1925.

Акты кавказской археографической комиссии

Т. VII. Тифлис, 1878; Т. VIII. Тифлис, 1881; Т. XII. Тифлис, 1904.

Полевые этнографические материалы

Полевые материалы М. С.-Г. Албогачиевой. Ингушетия, 2009–2011 гг. — ПМАА.

Полевые материалы И. Л. Бабич. Кабардино-Балкария, Адыгея, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия, 1990–2010 гг. — ПМАБ. Тетради.

Полевые материалы Л. К. Гостиевой. Северная Осетия-Алания, 2000 г. — ПМАГ.

Полевые материалы А. А. Плиева, Чечня, Ингушетия, 1965–1973 гг. — ПМАП.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Moore S. F. Social Facts and Fabrications: Customary Law on Kilimanjaro, 1880–1980. Cambridge, 1986;

Pospisil L. The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law. N.Y., 1976.

Shteder L. L. Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenz Festung Mozdok nach dem innern Caucasus unternommen wurde. — Neue Nordische Beitrage. St.-Petersburg und Leipzig. 1796.

Verdier R. Le systcme vmdicatoire // La Vengeance. Paris, 1980.

Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII — начале XX в. Нальчик: Общество с ограниченной ответственностью «Печатный двор». 2016.

Абазов А. Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области: последняя треть XIX — начало XX в. / А. Х. Абазов; Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2014.

Абазов А. Х. К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев / А. Х. Абазов // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник статей к 60-летию В. Х. Кажарова / Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; Ответственный редактор Б. Х. Бгажноков. Нальчик: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, 2009.

Абазов А. Х. К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // Архивы и общество. 2007. № 3. С. 50–57.

Абазов А. Х. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII–XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 47–52.

Абазов А. Х. Административно-судебные реформы 1793 Г. в Кабарде и их последствия // Исторический вестник. 2010. № 9. С. 44–61.

Айбатов М. М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа. М., 2006.

Албаков Д. Х. О применении Шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. Вып. 2. Сост. Бабич И. Л., Соловьева Л. Т. М., 2004. С. 81–84.

Албогачиева М. С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007.

Албогачиева М. С.-Г. Конференция мусульман Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14.

Албогачиева М. С.-Г. Ислам // Ингуши. М., Наука, 2013. С. 317–330.

Албогачиева М. С.-Г. Примириительные комиссии в Ингушетии: история и современность // Традиционные практики урегулирования конфликтов: Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг. / Общественный центр «Судебно-правовая реформа». Москва: Межрегиональная общественная организация «Общественный центр “Судебно-правовая реформа”», 2014. С. 94–116.

Албогачиева М. С.-Г. Влияние образования на функциональное изменение ингушского языка // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., Центр «Петербургское востоковедение». 2010. С. 471–494.

Албогачиева М. С.-Г. Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. С. 290–330.

Албогачиева М. С.-Г. Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-хаджи Кишиев. Нальчик. 2012. С. 101–107.

Албогачиева М. С.-Г. Социальный статус ингушской женщины // Радловский сборник. Научные и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012.

Албогачиева М. С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2008 года / Российская Академия Наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); ответственные редакторы: Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. — Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 114–118.

Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л. Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009. № 19. С. 33–39, № 20. С. 34–38.

Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л. Ислам и право в Современной Ингушетии // Религия и право. 2009. № 4. С. 36–45.

Арапханов У. А. Право и ислам в Ингушетии // Ислам и право в России. Вып. 1. Сост. Бабич И. Л., Соловьева Л. Т., М., 2004.

Арсанукаева М. С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX — нач. XX в. // Семейное и жилищное право. 2003. № 1. С. 37–41.

Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX — начало XX вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2010.

Бабич И. Л. Иерархия общественных статусов в кабардинском обществе // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 44–53.

Бабич И. Л. Взаимодействие адыгских традиций и этнополитических изменений на Северном Кавказе // Философия и социология в республике Адыгея. Майкоп, 1995. С. 4–14.

Бабич И. Л. Месть в пореформенном адыгском обществе // Обычное право в России. Ростов на Дону, 1999. С. 220–249.

Бабич И. Л. Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Человек и общество на Кавказе: проблемы правового бытия. Ставрополь, 2002. С. 86–95.

Бабич И. Л. Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 95–108.

Бабич И. Л. Эволюция форм гостеприимства у кабардинцев // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 23–35.

Бабич И. Л. Клановая структура общества и ее влияние на современную политическую ситуацию на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. М., 2003. № 1. С. 55–74.

Бабич И. Л. Правовая культура адыгов. М., 2000.

Бабич И. Л. Проблемы сохранения идентичности шапсугов Причерноморья в XXI веке. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2009. № 213.

Бабич И. Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Бабич И. Л., Ярлыкапов А. А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. М., 2003. С. 67–121.

Бабич И. Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. М., 2003.

Бабич И. Л., Албогачиева М. С.-Г. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 133–140.

Бабич И. Л., Плиев А. А. История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870–1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42–57.

Бабич И. Л., Плиев А. А. Примириательные комиссии на Северном Кавказе в 1920–30-е гг.: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019 № 2. С. 29–40.

Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13).

Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., Восточная литература, 2002. 368 с.

Бобровников В. О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб. 2001. С. 91–107.

Бобровников В. О. Изобретение исламских традиций в Дагестанском колхозе // Расы и народы. М.: Наука, 2006. Вып. 31. С. 112–138.

Бобровников В. О. Суд по адату в дореволюционном Дагестане (1860–1917) // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 31–45.

Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И., Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990.

Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений // Советская этнография. 1960. № 5.

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей Москва. Наука, 2004.

Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892–1894 гг. М., 2008.

Денильханов М.-Э. Х. Соотношение светского и мусульманского права на Северном Кавказе (философско-религиозный аспект). Дисс. ... канд. философ. наук. М., 2004.

Дзарахова З. М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов-на-Дону, 2009.

Дзуцев Х. В., Смирнова Я. С. Семейные обряды осетин. Владикавказ, 1990.

Жупикова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Т. 1. М., Академия исторических наук, 2007.

Зюков А. М. Кровавая месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009.

Зязиков М. М. На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX — начале XX веков. М., 2011.

Зязиков М. М. Традиционная культура ингушей. История и современность. М., 2004.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.

Карачаевцы. Черкесск, 1978.

Кардави Ш. Ю. Дозволенное и запретное в исламе. Москва, 2004.

Катанчиев Т. М. Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик, 2003.

Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности СПб., 2007.

Кипкеев И. Г. История правовой культуры этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе (XVI–XIX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Черкесск, Маремкулов А. Н.

Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов на Дону, 2005.

Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII — конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003.

Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002.

Кодзоев Н. Д. История развития судебной систем Ингушетии. М., 2006.

Кодзоев Н. Д. Судебная система Ингушетии в 1917–1944 гг. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2006. Вып. 4.

Мухаммад К. К. Развод по инициативе жены // Любовь и секс в исламе. М., 2004.

Мухаммад К. К. Нормы расторжения брака // Любовь и секс в исламе: Сборник статей и фетв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989.

Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925.

Кудусова-Далакова Ф. И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.) Ростов на Дону, 2005.

Лебедева А. Кровная месть // Южный репортер. 2005. 31 октября.

Лисицына Г. Г. Обзор основных источников по истории Российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003.

Лугуев С. А. Терминология, связанная с судоустройством и судопроизводством у лакцев в XIX — начале XX в. // Отраслевая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1984.

Мамакаев М. Чеченский тейп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

Маргиев В. И. История государства и права в Осетии. Майкоп, 1997.

Мартирозиан Г. К. История Ингуши. Орджоникидзе, 1933.

Меликишвили Л. Открытые и закрытые типы культур этнических систем // *Мисроков З. Х.* Адат и шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., Изд-во МГУ. 2002.

Мугуев Х. Ингушетия: Очерки. М., 1931.

Мужухоева Э. Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40–60 гг. XIX века // *Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.)* Грозный, 1982.

Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917–март 1918 г. М., 2007.

Мухаммад К. К. Нормы расторжения брака // *Любовь и секс в Исламе: Сборник статей и фетв.* Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

Насущные вопросы // *Любовь и секс в Исламе: сборник статей и фетв.* Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I.

Патиев Я. Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007.

Першиц А. И., Смирнова Я. С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // *Общественные науки и современность.* 1998. № 1.

Плиев А. А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей. М., 2017.

Плиев А. А. Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы советской власти. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.

Республика Ингушетия. Статистический бюллетень № 5. Магас, 2004.

Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000.

Сайдумов Д. Х., Нинчиева Т. М., Алихаджиева А. С. Семейно-правовые отношения в чеченском обществе // *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2015. № 4.

Свечникова Л. Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. Дисс. ... док. юрид. наук. М., 2003.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX -XX в. Москва, 1983.

Соловьева Л. Т. Формы бытования народного ислама // Ислам и право. Правовой статус ислама на Северном Кавказе. М., Вып. 3. 2004.

Статистический бюллетень. Магас, 2004. № 5.

Султыгов А.-Х. Февральская революция и горцы // Агентство национальных новостей 26.03.2007.

Султыгов К. Х. О положении мусульман в Ингушетии // Ислам и право в России. Вып. 1. Сост. Бабич И. Л., Соловьева Л. Т., М., 2004.

Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

Тишков В. А., Шаббаев Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2019.

Тусиков М. Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926.

Устав Муфтията Республики Ингушетия. 2004.

Фадеичева М. А. Этническая политика Российской Империи XIX в. «Положение об инородцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2003. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 369–382.

Феномен культуры в российской общественной географии (экспертные мнения, аналитика, концепты). Ростов-на-Дону, 2014.

Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Назрань, 2009.

Цалиев А. М. Судебная власть в республиках Северного Кавказа (1917–2003 гг.). М., 2003.

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) М., 2006. Чахкиев Б. Жизнь отданная делу революции // Возвращение к истокам: История Ингушетии в лицах и фактах. Сост. С. А. Хамчиев. Саратов, 2000.

Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей. Грозный, 1963.

Интернет-ресурсы

Джемаль О. Неделя мира в Ингушетии // Живой журнал пользователя orkhan. 2009–03–02 <http://orkhan.livejournal.com>

Иванов А. Кража невест и государственные институты // <http://pravaya.ru/comments/19980>. Дата обращения 18.01.2012.

Карнозова Л. На пути к новой парадигме уголовной юстиции // Индекс/Досье на цензуру 2003 №18 (цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.index.org.ru/journal/18/18-karnoz.html>), дата обращения 17.01.2011.

Ковлер А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) // <http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer>

Левинсон Л.А. Потерпевшим быть обязан (цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.index.org.ru/journal/cont18.html>).

Леонтьева Л. Хрустальный мир Северного Кавказа // <http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html> (Открытая газета, № 3 (393) от 27 января — 3 февраля 2010 г.)

Развод в исламе // <http://razvod4you.narod.ru/islam.html>. Дата обращения 12.01.2012.

Светова З. Кто, почему и как мстит сегодня в России? 2008. 03.10. // (цит. по офиц. интернет-публикации <http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html>, дата обращения 01.10.2011).

Цечоев Б. Повышение «тарифа» за убийство, как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя beslan_cechoev. 24.11.2010 <http://beslan-cechoev.livejournal.com/>

Научное издание

**Албогачиева Макка Султан-Гиреевна
Бабич Ирина Леонидовна
Плиев Абдурахим Ахмедович**

**Этнополитические аспекты
правовой культуры
народов Северного Кавказа:
исторические корни
и современность**

Монография

Текст приводится в авторской редакции

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *С. Лобанова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов — OZON, Wildberries, Лабиринт и других.

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

